

Н.А. РЫЖНИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГА

Н.А. РЫЖНИКОВ

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ОКРЕСТНОСТЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГА**

Екатеринбург

2012

УДК 7.031.1

ББК 63.3(0)2

Н.А. Рыжников

Археологические памятники окрестностей Екатеринбурга. — Екатеринбург: ООО «Грачёв и партнёры», 2012. — 76 с.

ISBN 978-5-91256-096-5

Текст предисловия: Л.Д. Попова

Оформление, макет: А.С. Крупп

Активное развитие науки и просвещения, происходившие в России во второй половине XIX века, стало причиной вовлечения в научные изыскания широких слоев населения и пробудило массовый интерес к изучению родного края во всех регионах страны. С созданием региональных просветительских обществ значительный вклад в развитие местной науки вносят энтузиасты-любители, под руководством профессиональных ученых приобретающие знания в различных областях и участвующие в научных исследованиях. Одним из таких энтузиастов-любителей на Урале являлся Николай Алексеевич Рыжников, который, будучи изначально кладоискателем, «бугровщиком», по стечению обстоятельств был замечен основателем Уральского Общества Любителей Естествознания О.Е. Клером, и общаясь в дальнейшем с видными деятелями уральской науки того времени, внес значительный вклад в изучение уральской археологии. Участвуя в ряде археологических разведок и раскопок в окрестностях Екатеринбурга, Рыжников в 20-х годах XX века составил «Материалы для археологической карты Урала», являвшиеся на тот момент единственной обобщающей работой по археологии окрестностей современного Екатеринбурга.

В настоящем издании впервые производится публикация «Материалов для археологической карты Урала» Н.А. Рыжникова и предпринимается попытка реконструировать на их основе археологическую карту окрестностей Свердловска конца XIX-начала XX веков. В предисловии к книге дается краткое описание биографии Н.А. Рыжникова и эпохи, сформировавшей его как увлеченного любителя-археолога.

Книга рассчитана на учеников старших классов и студентов вузов технических специальностей, а также на всех, интересующихся историей родного края.

ISBN 978-5-91256-096-5

© Предисловие, ООО «Грачёв и Партнёры»
© Оформление, ООО «Грачёв и Партнёры»

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ УРАЛА	35
ПРИМЕЧАНИЯ	70
ЛИТЕРАТУРА	73

ВВЕДЕНИЕ

Археология — одна из увлекательнейших гуманитарных наук. Она изучает подробности жизни древних исторических обществ, существовавших в прошедшие эпохи, сохранившиеся в виде различных археологических памятников: стоянок, поселений, городищ, мест древних производств, культовых мест, наскальных изображений. Благодаря работе археологов современный человек может узнать, как жили его далекие предки десятки и сотни тысяч лет назад, как складывались и развивались древние общества и государства, и как развивались технологии, быт и духовная культура древних людей.

Археологическая наука на Урале проходила свое становление начиная со второй половины XIX века вплоть до настоящего времени, и продолжает свое развитие и теперь. На данный момент в Екатеринбурге уже сформировалась своя уникальная археологическая школа, состоящая из разных направлений, разработанная четкая методика изучения края, открыт ряд выдающихся археологических памятников, часть из которых имеют значение и для мировой науки.

Период становления археологии на Урале как отдельной дисциплины и накопления и систематизации археологического материала был охарактеризован деятельностью как серьезных ученых-краеведов и археологов, так и проведением бессистемных, любительских либо хищнических раскопок на территории археологических памятников. Однако с повышением общего уровня образования и ростом авторитета науки в обществе, и внедрением и распространением археологических знаний среди широких масс населения и начинает иметь место уникальное явление: появляются люди, выходцы из низших слоев общества, не имеющие образования, которые под влиянием местных научных кругов подключаются к делу изучения края и даже вносят в него определенный вклад. Одним из таких людей являлся сын рабочего Верх-Исетского завода Николай Алексеевич Рыжников. Будучи изначально «бугровщиком», кладоискателем, этот человек после знакомства с научными деятелями-краеведами из Уральского Общества Любителей Естествознания (УОЛЕ) начинает принимать участие в целенаправленном сборе информации об археологических памятниках в окрестностях Екатеринбурга и в объединяет ее в своей неизданной работе «Материалы для археологической карты Урала».

Целью данного издания является публикация ранее не издававшихся «Материалов...» Н. А. Рыжникова в качестве иллюстрации основных моментов, касающихся становления и развития археологической науки на Урале.

Составители выражают благодарность сотрудникам Свердловского Областного Краеведческого Музея, в частности директору музея Ветровой Наталье Константиновне и научному сотруднику Паниной Светлане Николаевне за содействие и консультации по источникам, касающимся археологической деятельности сотрудников УОЛЕ. Заведующему кафедрой археологии и этнологии Головневу Андрею Владимировичу, заведующему Проблемной Лабораторией Археологических Исследований УрФУ Стефанову Владимиру Ивановичу, Стефановой Нине Константиновне, а также Косинской Любви Львовне за возможность ознакомиться с отчетами о раскопках Елизаветы Михайловны Берс. Составители благодарят также Чаиркина Сергея Евгеньевича и Борзунова Виктора Александровича за предоставленные отзывы и замечания на рукопись данной книги. Также составители выражают благодарность работникам Пермского Краевого Музея, и в частности заведующему отделом археологии Чурилову Эдуарду Викторовичу за помощь в подборе материалов по истории бугровщичества на Урале.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале XVIII века в России, практически сразу же после начала переселения первых русских людей в Сибирь, произошел всплеск интереса к раскопкам и продаже различного рода «старинных вещей». Причиной его послужило издание Петром I 13 февраля 1718 года двух указов. Первый, именной, «О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей во всех городах к губернаторам и комендантам, о даче за принос оных награждения и о штрафе за утайку» повелевал:

«Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: камни необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какие старые подписи на камнях, железе или меди или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, таковы бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи...»¹.

Второй указ «О порядке выдачи награждения за редкостные предметы» гласил:

«Когда кто принесет какой монструм или урод челоуечья, тому дав деньги по указу, отпускать не мешкая, отнюдь не спрашивая: чье, под потеряннем чина и жестокого штрафа; а буде животное какое, или вещь какая, то записывать: чье, а денег не давать прежде, пока то отослано будет в указное место, и оттоль получить отповедь, сколько дать» и «онь монстры отсылать, две аптеки, московская и петербургская»².

Распоряжения о поиске «курьезных вещей» также рассылались и на места лично управляющим теми или иными округами. Так, известно, что подобное распоряжение получил В. де Генин, который писал императору в марте 1727 года:

«Сего 1727 года Марта 23-го дни в присланном указе от вашего превосходительства на серебряные заводы ко мне написано: По имянному до Ея Императорского Величества указу велено вашему превосходительству иметь старание в прииске всяких подземельных старинных курьезных вещей и мамонтов целые роги и зубья (...) И по оному указу велено нам в здеиных краях в прииске и в покупке остяцких, тунгуских и татарских идолов и протчих чуцких старинных курьезных и всяких подземельных вещей золотых серебряных медных каменных и костяных (...) неотложное старание и оные покупать на здеиные заводские деньги на счет Кабинета прислать с письменным известием в Екатеринин Бурх к вашему превосходительству».

По указу Петра I занимался сбором информации о возможных источниках получения золота и находок древних вещей сибирский губернатор Матвей Гагарин, посылавший на поиски сокровищ экспедиции, переправляя в столицу все, что удавалось в них добыть:

«Князь Гагарин, бывший губернатор всей Сибири, вследствие подученного известия, что на восточном краю Каспийского моря, в стране Самарканд, где, как говорит, родился великий Тамерлан, открыли некоторые минералы, послал туда из Сибири людей и велел наследовать почву. Проработав, некоторое время в земли, люди эти нашли иногo весьма древних медных фигур и послали их Гагарину, а он — Его

■ Рис 1. Жан Марк Наттье. Портрет Петра I

■ Рис 2. Даниил Готтлиб Мессершмидт

Царскому Величеству в Петербург, как большую редкость (...) Его Царское Величество приказал у помянутого Самарканда вести мины дальше, думая, что будет найдено не только еще большее количество таких вещей, но и богатый жилы золота»³.

Известно, что вещи из древних могил для пополнения Сибирской коллекции Петра опраивляли в Тобольск и Петербург преемники Гагарина князь А. М. Черкасский⁵ и майор И. М. Лихарев⁶. На поиск «раритетов» в Сибирь в 20-е годы XVIII века по инициативе Петра был отправлен немецкий ученый Даниил Готтлиб Мессершмидт, «приискивать потребных трав и цветов коренья и всякой птицы и проч... також могильных всяких древних вещей шейтаны медныя и железные и литыя образцы человеческия

и звериные и калмыцкия глухия зеркала»⁷. Однако вернувшись из экспедиции, Мессершмидт сообщил, что практически все обследованные им курганы, содержащие до этого золото, были уже разрыты и разграблены⁸.

Сведения о раскопках древних, зачастую изготовленных из драгметаллов, вещей в Сибири имелись и до указаний Петра. В 1708 году в сибирской губернской канцелярии была найдена копия документа 1670 года, адресованного царю Алексею Михайловичу, в котором значилось:

*«В прошедшем по 177-м (1669 — Л. П.) году, в ведомостях сибирской губернии из Тобольска показано, что в тобольском уезде, около р. Исети и во окружности оной, русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотыя и серебряныя всякия вещи и посуду...»*⁹.

А в сочинении «История Сибири» 1680 года, автором которого был, предположительно, хорватский книжник Юрай Крижанич, отправленный царским правительством в 1659 году в Сибирь и проводивший там пятнадцать лет, содержатся следующие сведения:

*«В Сибири есть неизвестные могилы древних скифов, на которых уже выросли кустарники или лес. Разыскать их можно не иначе, как с помощью колдовства. С этой целью некоторые люди отдают чернокнижью и, найдя таковые могилы, иногда вырывают из них немного серебра»*¹⁰.

Однако указы Петра дали стимул более активному и массовому проведению раскопок в Сибири.

***

Распоряжения Петра по поиску диковинных вещей и распространение слухов о сибирских богатствах послужили причиной активизации деятельности кладоискателей, или, как их еще называли в то время, «бугровщиков» (буграми, или «татарскими могилами», называли курганы древних кочевников), занимавшихся поиском древних вещей с целью их переплавки и продажи. В европейской части Российской империи заниматься «бугровым промыслом» было проблематично, т. к. здесь большинство земель находилось в собственности помещиков и на них невозможно было проводить раскопки без их разрешения. Однако в южной Сибири, где русские казаки и крестьяне были практически бесконтрольны, хищнические раскопки курганов очень скоро превратились в широко распространенную практику¹¹. По свидетельству первого историка Сибири Герхарда Фридриха Миллера, численность сибирских кладоискателей не уступала количеству охотников за соболями¹².

Мессершмидт, предпринявший по поручению Петра году поездку по Сибири, писал:

*«Но главным образом они (бугровщики — Л. П.) зарабатывают много денег раскопками в степях. С последним санным путем они отправляются за 20–30 дней езды в степи; собираются со всех окрестных деревень, в числе 200–300 и более человек, и разбиваются на отряды по местностям, где рассчитывают найти что-нибудь. Затем эти отряды расходятся в разные стороны, но лишь на столько, чтобы иметь всегда между собой сообщение и, в случае прихода калмыков или казаков, быть в состоянии защищаться...»*¹³.

Сибирские бугровщики двигались в поисках золотоносных курганов вверх по Исети, переходили через Урал и добирались до Чусовой и Уфы. Их

■ Рис 3. Здание Кунсткамеры в Петербурге

■ Рис 4. Герхард Фридрих. Миллер

■ Рис 5. Бугровщики

промысел носил сезонный характер (с весны до осени), а извлеченные ими вещи либо переплавлялись в слитки, либо продавались в крупных сибирских городах. По всей видимости, слухи о несметных сокровищах сибирских курганов были не безосновательны: многие из «бугров» были до того богаты золотом и серебром, что на жаргоне бугровщиков назывались «золотарями». Так например, только в одном кургане, находившемся на левом берегу реки Алей, впадающей в Иртыш, бугровщики нашли до 60 фунтов (около 24 килограммов) золота в изделиях, среди которых находились «конный истукан» и какие-то золотые «зверьки»¹⁴. При этом, по словам Миллера, из-за обилия курганного золота один его золотник ($\approx 4,26$ грамма) продавался в Красноярске и Енисейске всего за 90 копеек¹⁵, а немецкий ученый на русской

■ Рис 6. Фигурка женщины, Сибирская коллекция

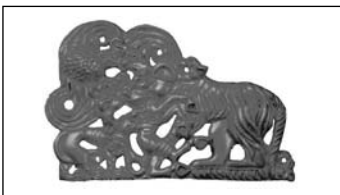
■ Рис 7. Золотые изделия из Сибирской коллекции Петра

■ Рис 8. Гривны и браслеты из золота, Сибирская коллекция

■ Рис 9. Золотые изделия из Сибирской коллекции Петра

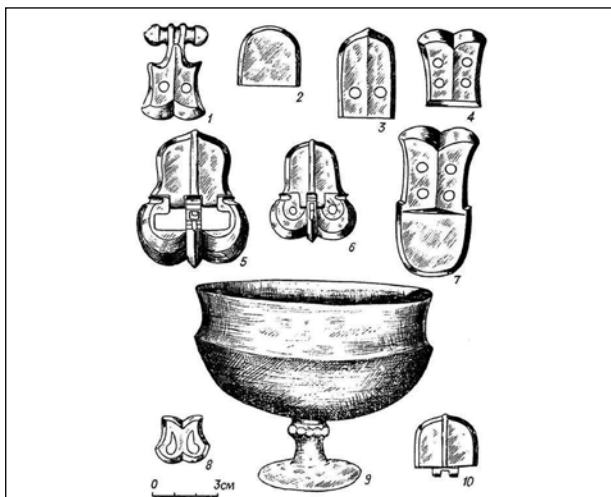
■ Рис 10. Пластина-застежка поясная с изображением четырех животных, Сибирская коллекция

■ Рис 11. Пластина-застежка поясная со сценой схватки волка со змеей, Сибирская коллекция

■ Рис 12. Фигурки оленей, Сибирская коллекция

■ Рис 13. Урьинский клад, вещи из коллекции Теплоуховых

службе середины XVIII века И. Г. Гмелин в своем многотомном труде «Путешествие по Сибири с 1741 по 1743 годы» сообщал даже о цене в 50 копеек¹⁶.

Местные власти смотрели на деятельность бугровщиков сквозь пальцы, иногда тайно поощряя их промысел. Причина такого отношения заключалась в том, что большую часть находок из тех, которые они не продавали, бугровщики пускали на «подарки» воеводам и приказным и только очень редко сдавали законно в кассы и приказы.

«Повидимому они (могилы — Л. П.) уже давно были разграблены русскими, жившими на р. Иногде, и приходящими сюда отовсюду «гуляшниками» или бродягами, и древностей, требуемых его превосходительством г. президентом Блюментростом, по

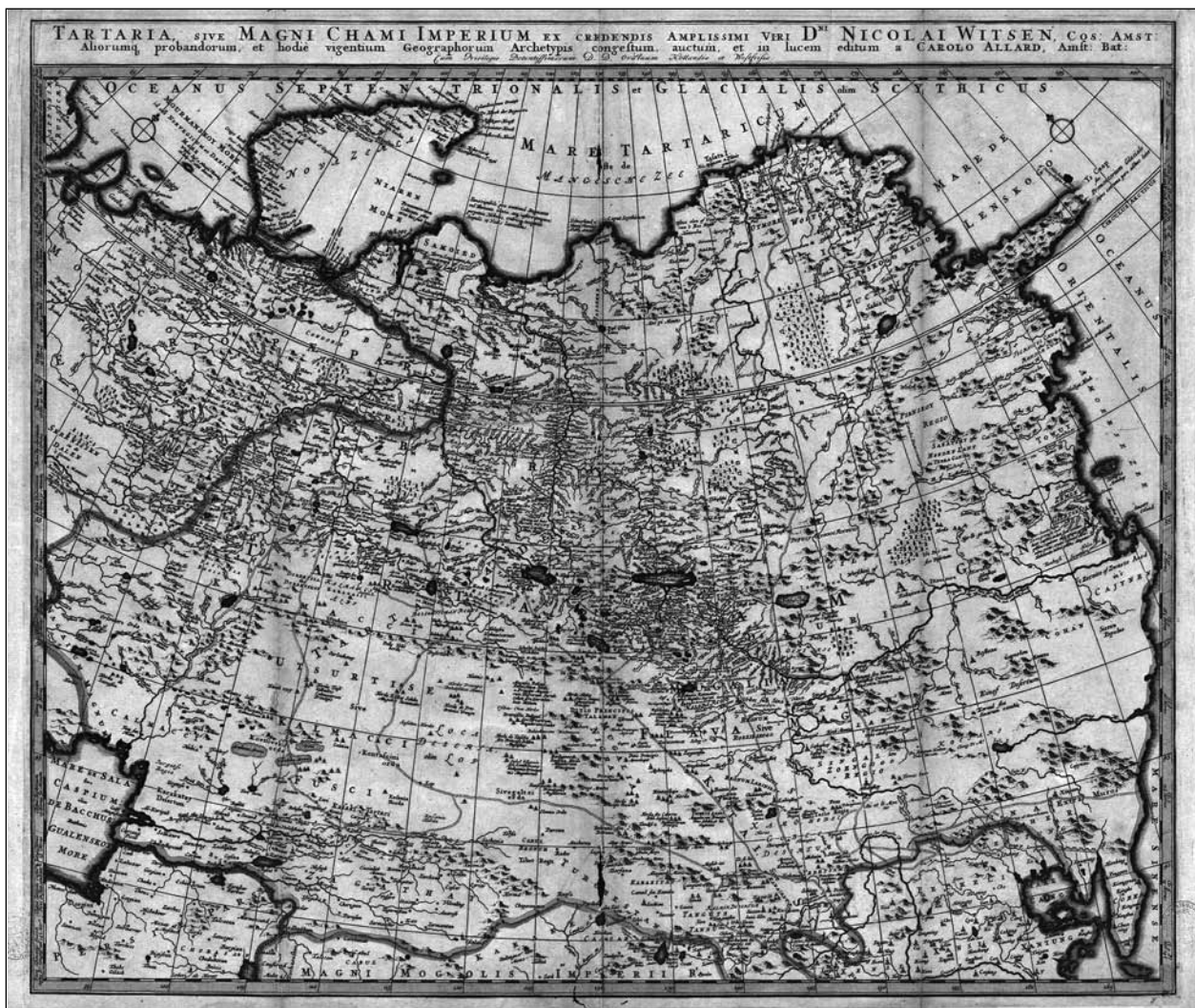
высочайшему его величества повелению, здесь нельзя отыскать, потому что они либо законно (по особому указу) сдаются бугровщиками в кассы и приказы, либо незаконно раздариваются воеводам и приказным за угощения пивом и водкой, устраиваемые с этой или подобной же целью под названием ризднований тезоименитств и дней рождения, либо иногда продаются другим богатым русским. Сами же бугровщики или могильщики всегда бедняки и себе таких древностей не оставляют»¹⁷.

Так, например, Мессершмидт в своих «Дневниках» сообщает, что у нарымского воеводы Ф. Е. Каменского имелся золотой «шайтан», найденный в «буграх»¹⁸, а у красноярского воеводы Д. Б. Зубова в 1724 году в личной собственности могильного золота было более чем на несколько тысяч рублей¹⁹.

Некоторые сибирские воеводы активно способствовали могильному промыслу, снаряжая и отправляя в степи отряды искателей сокровищ. С одной стороны, первоочередной задачей этих экспедиций было географическое освоение Сибири, составление карт и поиски месторождений золота, в числе которых рассматривались и древние курганы, но, с другой стороны, участники подобных рейдов получали возможность поживиться за счёт варварских раскопок захоронений. Так, немецкий географ, лингвист и писатель Ф. И. Страленберг в своем сочинении «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia» пишет:

«20 или 30 лет тому назад, когда об этом Русское правительство еще ничего не знало, начальники городов Тары, Томска, Красноярска, Батсамска, Исетска и других мест, отправляли вольные отряды из местных жителей для разведки этих могил и заключали с ними такое условие, что они должны были отдавать определенную либо десятую часть найденного ими золота, серебра, меди, камней и пр. Найдя такие предметы, отряды эти разделяли добычу

■ Рис 14. Карта Тартарии Витсена

■ Рис 15. Николай-Корнелий Витсен

между собою и при этом разбивали и разламывали изящные и редкие древности, с тем, чтобы каждый мог получить по весу свою долю»²⁰.

В 1853 году судебный заседатель Туринского округа лично вскрыл старинный курган с серебряными вещами²¹. А воевода Г. Салтыков из найденных на реке Тоболе серебряных предметов «велел сделать себе саблю на память об этом замечательном обстоятельстве»²².

О серьезных масштабах разграбления древних могил и торговли археологическими находками сообщали многие историки и географы того времени. Миллер в своих «Изъяснениях о некоторых древностях, в могилах найденных», писал, что застал в Сибири многих людей, раньше зарабатывавших себе на жизнь могильным промыслом, но на настоящий момент здесь никто уже не занимался бугрованием, т. к. все могилы, в которых можно было бы что-нибудь найти, уже были разрыты²³. То же самое он пишет о местности между г. Тарой и Острогом²⁴, и сожалеет, что подобные раскопки и переплавка вещей на слитки нанесли непоправимый вред делу изучения древней истории²⁵. Подобные же сведения сообщает в одном из своих писем Витсен²⁶, а в письме от 1 июня 1714 года он отмечает, что посланные ему из Тобольска золотые предметы, включающие украшения

■ Рис 16. Царскосельский лицей

■ Рис 17. Сергей Семонович Уваров

и другие художественные изделия, не дошли до него и были перепроданы кому-то.²⁷

Со второй половины XVIII века правительством инициировались попытки остановить расхищение древних курганов. В путевом журнале Ив. Унковского есть запись, сообщающая:

*«Едучи в пути степью (на среднем течении Иртыша), видели множество разрытых бугров, а наки землею не забросаны, и тако иные, яко погребы раскрытые, по всей степи видны (...) а у нас указ Императорского Величества повелевает таких гробокопателей смертно казнить, ежели пойманы будут».*²⁸

Однако целью издания таких запретов на тот момент не являлась защита древних памятников от разрушения. К примеру, поводом к изданию правительством Екатерины II в 1764 году Указа, прямо запрещающего бугрование в степи, послужил тот факт, что бугровщики неоднократно подвергались нападениям казаков:

«Правительствующий Сенат, по рапорту Сибирского Губернатора Чичерина, при котором, во исполнение Имени Его Императорского Величества указа, о присылке известия, по какой причине те места, или бугры, где напред сего имелись Зюнгорския кладбища, разрывать запрещено, прилагает с найденных в Сибирском Архиве учиненного Губернскою Канцеляриею в 1727 году Сентября 27

*числа определения, по которому помянутое бугрование в степи под жестоким наказанием чинить запрещено, по той причине, что с того бугрования браны были неприятелями и здешних Российских в полон люди и лошади, из коих иные и до смерти при тех буграх убиваны (...) а в Кузнецк и в уезде о том публиковать, дабы никто под жестоким наказанием в степь для бугрования не ездили»*²⁹.

***

К концу XVII – началу XVIII века относится первый период археологического изучения Урала. В 1705 году Н. К. Витсен впервые опубликовал сведения о наскальных изображениях Урала и курганах на территории близ Тобольска, Верхотурья и Тюмени. В этом же веке академик П. С. Паллас, горный инженер В. де Генин и историк В. Н. Татищев описали некоторые памятники старины в окрестностях Екатеринбурга. В XVIII веке в составе комплексных экспедиций проводили обследование археологических памятников Урала Н. П. Рычков, П. С. Паллас (1770, 1809), И. И. Лепехин (1802). Они регистрировали и описывали курганы, городища, медные рудники, писаницы. Однако все эти сведения носили эпизодический характер. Памятники приписывались «чуди безглазой» или легендарной Биармии³⁰. Примечательны были находки в этот период на Гумешевском руднике. Здесь с 1713 по 1835 годы был сделан целый ряд находок, свидетельствовавших о наличии здесь древних медных разработок³¹. В 1837 году преподаватель выйской гимназии Иродион Матвеевич Рябов (1811—1863), а в 1845 — главный кассир Нижнетагильского завода Дмитрий Петрович Шорин (1817—1903) провели раскопки неолитической стоянки Полуденка под Нижним Тагилом. При раскопках были найдены «каменное копыце» и «орудие из твердого зеленого камня, с одной стороны заостренное, похожее на широкий нож». Эти краеведы исследовали и другие памятники старины в Зауралье, в частности наскальные рисунки первобытной эпохи на р. Тагил.

Второй период начался в 1850–60-х многолетними археологическими изысканиями уральских краеведов П. В. Алабина, Н. А. Абрамова, А. Н. Зырянова, Р. Г. Игнатьева, Д. П. Шорина и др. С созданием Казанского общества археологии и этнографии при Казанском университете (1878) и археологического отделения при Уральском обществе любителей естествознания (1878) исследования приобрели целенаправленный характер. В них помимо профессионалов (Д. Н. Анучин, П. А. Пономарев, И. Н. Смирнов, С. И. Руденко, В. В. Гольмстен) были вовлечены представители естественных наук (О. Е. Клер), учителя (А. А. Спицын, И. Я. Словцов), писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк, горный инженер Ю. Ф. Гебауэр. Производились раскопки таких узловых памятников как Ананьинский могильник, Гляденовское костыще в Приуралье, савроматские курганы на Южном Урале, обследуется Шигирский торфяник и Палкинские стоянки Среднего Зауралья (Палкинское правобережное поселение). На основе накопленного археологического материала выходят первые обобщающие работы по археологии Прикамья (А. А. Спицын, 1901), Оренбургского края (М. И. Ростовцев, 1918), горного Урала (М. В. Малахов), лесного Зауралья (И. Я. Словцов). А. А. Спицын и М. В. Малахов убедительно доказали несостоятельность соотнесения всех уральских археологических источников с «чудью». С проблемой

установления прародины финно-угорских народов была связана дискуссия о создателях уральского очага металлургии. М. В. Малахов и А. Н. Тальгрэн обосновывали местный характер первых металлургов. П. Р. Аспелин полагал, что они были пришельцами из Западной Сибири³².

Вообще, археология в XIX веке являлась одним из трех основных направлений, помимо истории русской государственности и истории русской православной церкви, в которых осуществлялось изучение русской истории. Она преподавалась как самостоятельная дисциплина в знаменитом Царскосельском Лицее. Будущий министр народного просвещения, граф Сергей Семонович Уваров, сформулировавший основной идеологический постулат Российского Государства — «православие, самодержавие, народность», написал ряд работ по отечественной археологии, а его сын Алексей Семенович стал одним из лучших археологов России XIX века.

Однако наибольшее внимание и финансовую поддержку государство оказывало изучению не вещественной, а письменной истории. Так, знаменитый русский историк Н. М. Карамзин издавал свои первые работы «Государства Российского» на деньги министра народного просвещения, тестя графа С. С. Уварова — графа Алексея Кирилловича Разумовского. А в 1813 году на средства все того же графа Разумовского начало издаваться знаменитое «Собрание государственных грамот и договоров». В 1828 году на его же средства была учреждена знаменитая Археографическая комиссия, задача которой состояла в сборе, описании и опубликовании различных грамот и документов по истории страны. За несколько лет работы комиссии были организованы экспедиции в архивы Российской империи и опубликован целый ряд многотомных изданий актов и документов по истории России.

Митрополит Московский Макарий (Булгаков), будучи и доктором исторических наук, написал и опубликовал получившую поразительный успех «Историю русской церкви» в 13 томах, которая была несколько раз переиздана. Деньги, полученные от издателей, были положены на сбережения, а на ежегодные проценты митрополит Макарий организовал фонд (размер фонда составлял 5000 рублей в год), который оказывал финансовую поддержку людям, занимающиеся изучением истории. В частности, «Фонд митрополита Макария» организовал издание ряда работ, посвященных изучению Урала и Пермского края.

Археологические же раскопки на территории Российской империи в это время проводились как правило на средства самих исследователей и зачастую бессистемно. Основной целью их было не научное изучение, а собирание и составление экспонатов для музейных коллекций, как частных, так и государственных. Только с 1877 года, с учреждением Археологического института в Санкт-Петербурге ситуация начала постепенно меняться — Институт был создан при поддержке государства. Однако даже теперь государственное финансирование было минимальным: денежный фонд института составлялся из пожертвований почетных членов этого учебного заведения (каждый из них должен был внести ежегодно не менее 500 рублей), значительную финансовую поддержку оказывал институту граф С. Г. Строганов.

На Урале, среди жителей Пермской губернии (к которой в административно-территориальном плане

■ Рис 18. Митрополит Макарий (Булгаков)

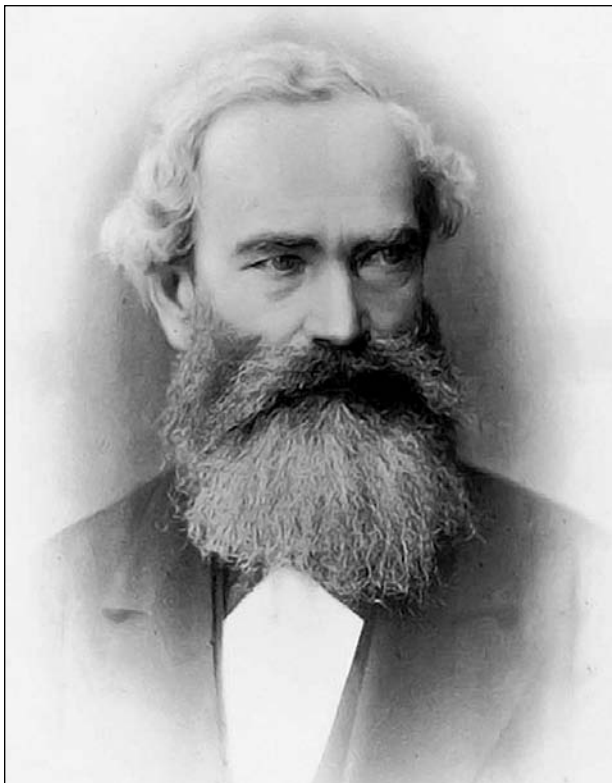
■ Рис 19. Василий Никифорович Шишонко

относился и Екатеринбург) были также исследователи, краеведы, интересующиеся историей родного края, и самостоятельно, на собственные средства занимающиеся изучением прошлого Урала.

Так например, Александр Александрович Дмитриев, закончивший историко-филологический факультет Казанского университета и выбравший профессию учителя истории, во время своего отпуска (летних школьных каникул) работал в местных и столичных архивах и у частных лиц, анализируя оригиналы и копии старинных документов (летописи, грамоты, переписные и писцовые книги). В итоге он на свои собственные средства, выделенные из небольшого жалования учителя гимназии, выпустил восемь томов (из планировавшихся 12) своего главного труда — «Пермская старина», и в целом он написал более 140 научных работ по истории Пермского края.

Василий Никифорович Шишонко, будучи по образованию врачом, написал 7-томное издание «Пермской летописи», охватывавшее историю Пермского края с 1256 по 1715 годы, и за которое Василий Никифорович на научно-промышленной выставке в Екатеринбурге в 1887 году был удостоен Большой серебряной медали. Издание было опубликовано при жизни

■ Рис 20. Александр Ефимович. Теплоухов

■ Рис 21. Пластина с изображением двух ящеров, коллекция Теплоуховых, Пермский краевой музей

■ Рис 22. Фигурка летящей птицы, коллекция Теплоуховых, Пермский краевой музей

Шишонко на средства местного земства, печать обошлась свыше 8000 рублей.

Александр Ефимович Теплоухов внес существенный вклад в изучение археологии Урала. Из биографических данных его известно, что он родился 21 августа 1811 года в семье крепостных графов Строгановых Ефима Николаевича и Екатерины Ивановны Теплоуховых в Карачай-Оханском уезде Пермской губернии. Грамоте обучался дома, в возрасте 10 лет поступил в сельскую школу Ильинского имения, которая готовила служащих для горных заводов и фабрик. В 1824 году поступил в «Школу сельскохозяйственных и горнозаводских наук...» в Петербурге, открытую графиней Строгановой. В 1830 году он закончил петербургскую школу по горному отделению с аттестатом высшего разряда, а после — Тарантскую лесную академию вблизи Дрездена в Германии. По возвращению Теплоухова на родину, его назначают преподавателем лесных наук школы в Санкт-Петербурге, а после смерти графини Софии Строгановой (1845 год) — членом Главного управления имения Строгановых в селе Ильинском и главным лесничим большого лесного хозяйства. В связи с этим он с семьей переезжает из Петербурга на Урал и после отмены крепостного права становится главным управляющим пермским майором графов Строгановых.

До А. Е. Теплоухова управляющим пермского имения являлся Ф. А. Волегов, который помимо прочего проводил первые археологические исследования и сборы и сообщал о находках графу С. Г. Строганову. После смерти Волегова (1864 год) вместе с должностью к А. Е. Теплоухову перешла обязанность извещать графа С. Г. Строганова об археологических находках.

Многое для расширения кругозора А. Е. Теплоухова в области археологии дало путешествие за границу, которое он предпринял еще в 1863 году. Посещая археологические музеи, он собрал достаточно методических указаний по обработке археологического материала с целью их научной оценки.

В 1875 году, в возрасте 64 лет, еще полный творческих сил, А. Е. Теплоухов уходит на пенсию и полностью отдается своему увлечению археологией. О своих находках он сообщает за границу, отдельные вещи передает для идентификации музеям Германии и Италии. В ряде статей на немецком языке он подробно рассказывал о результатах своих сборов.

Умер он 17 апреля 1885 года в селе Ильинском Пермской губернии³³.

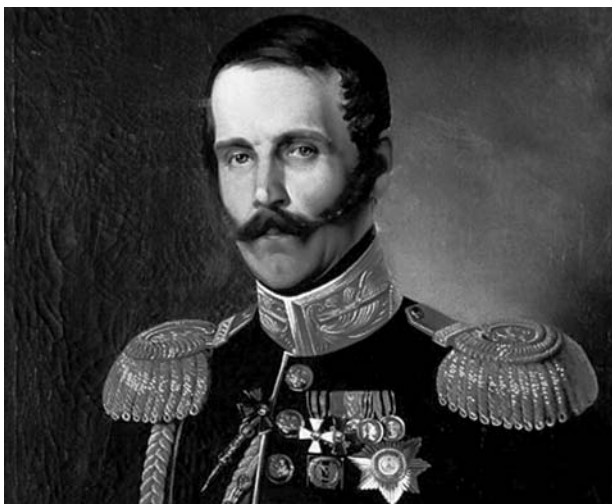

■ Рис 23. Идол, коллекция Теплоуховых, Пермский краевой музей

■ Рис 24. Изображение человека и человеколосьей, коллекция Теплоуховых

■ Рис 25. Сергей Григорьевич Строганов

■ Рис 26. Фёдор Александрович Теплоухов

***

Со второй половины XIX века правительством на законодательном уровне было начато более серьезное ограничение деятельности бугровщиков. В 1863 году в ответ на предложение председателя Императорской археологической комиссии С. Г. Строгонова «пригласить к участию в собирании» сведений об археологических находках «губернские и областные статистические комитеты» был издан циркуляр министерства по Центральному статистическому комитету «О доставлении сведений о памятниках древностей Российских, к отечественной истории и жизни народов относящихся». А с 1865 по 1882 годы правительством было издано пять циркуляров, ограничивающих кладоискательство и содержащих указания по поводу того, куда и в каком порядке следует сдавать обнаруженные древние предметы, либо вещи, которые были уже найдены ранее. Министерство юстиции и МВД совместно с Императорской археологической комиссией рассматривали вопросы включения в российское законодательство специальных статей, предусматривающих уголовное наказание за разрушение памятников старины, однако решение вопроса о законе по охране памятников древности в России затянулось на целое столетие³⁴.

Двадцать седьмого ноября 1896 года правительство издало новый циркуляр о безусловном воспрещении всякого рода раскопок, кладоискательства и о мерах к сохранению памятников древности, на основе которого ИАК в 1898 году предложила разработать проект Положения об охране памятников. Однако Проект не получил необходимой для этого поддержки, чем в дальнейшем воспользовались высшие губернские чиновники, которые занялись раскопками³⁵.

В 1904 году была создана Особая комиссия при МВД по пересмотру действующих постановлений по охране древних памятников и зданий, а в рамках проведения реформ П. А. Столыпина было подготовлено «Положение об охране древностей», согласно которому при МВД должны быть организованы центральные и окружные Археологические комитеты³⁶.

Однако, несмотря на многочисленные запреты и попытки поставить ведение раскопок в официальные рамки, кладоискательство продолжало оставаться распространенным промыслом как в конце XIX, так и в течение XX века. Сведения только о «случайных» находках на территории Пермской губернии содержатся в III выпуске «Трудов пермской ученой архивной комиссии» (за 1897 год):

«Крестьянин Сепычевской волости Оханского уезда Тимофей Иванов Патраков в 100 сажнях от

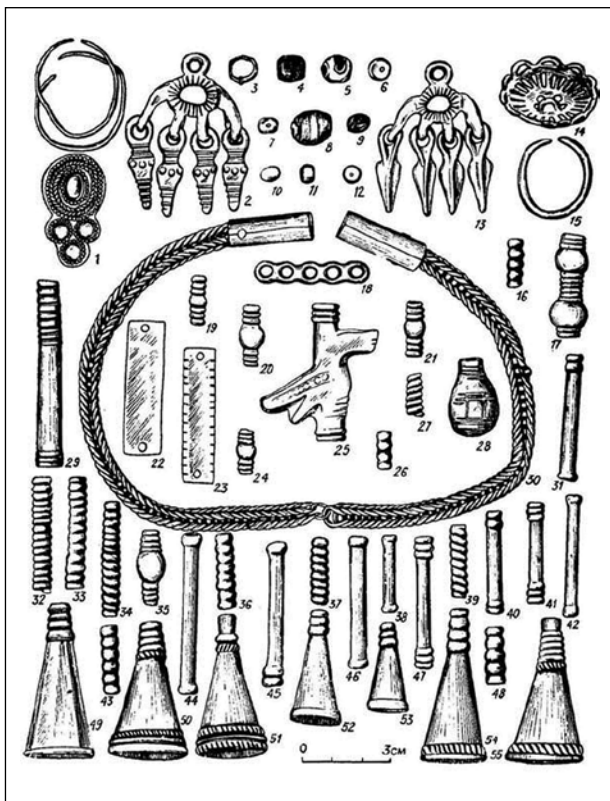
■ Рис 27. Личина, коллекция Теплоуховых, Пермский краевой музей

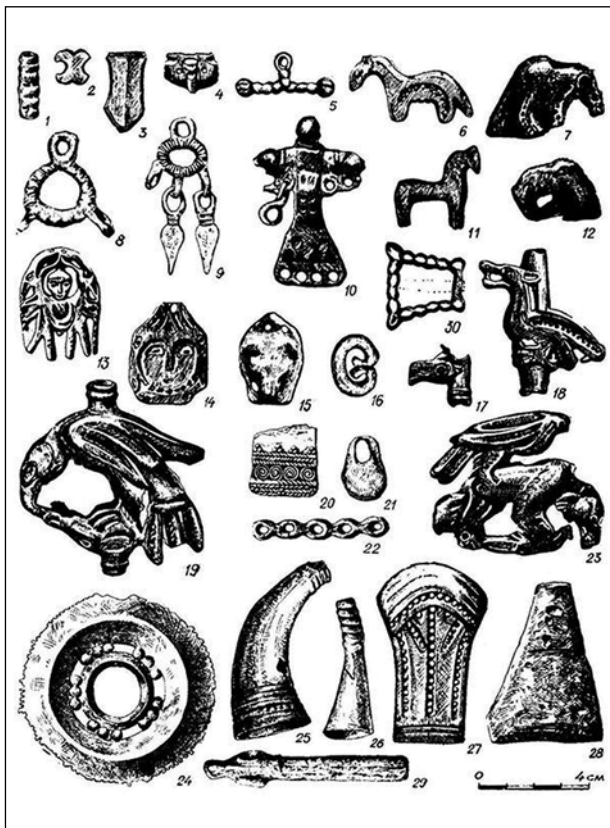
■ Рис 28. Пластина с изображением трех человеческих фигур на ящере, коллекция Теплоуховых

■ Рис 29. Пронизка утколось, коллекция Теплоуховых, Пермский краевой музей

■ Рис 30. Георгиевский клад, вещи из коллекции Теплоуховых

■ Рис 31. Плесинский клад, вещи из коллекции Теплоуховых

д. Кипренка, на своем покосе, нашел две медные монеты и, разрывая здесь землю, вырыл на глубине двух вершков еще таковых же монет 248 штук, из коих было 232 медных пятака и 16 денег, чекана с 1731 по 1795 год, весом 29 фунтов. Деньги были им представлены на обмен в казначейство и по непринятии их проданы крестьянину Кураковской волости Елабужского уезда Григорью Дмитриеву Аднашеву за 10 рублей...

При раскопке канавы в д. Береговой, Буткинской, волости Шадринского уезда, крестьянином Яковом Николаевым Добрыдниным найдено в истлевшем мешечке 111 штук медных монет чекана 1737–174 годов, которые и были представлены по начальству, но как не представляющие редкости были возвращены обратно Добрыднину...

Крестьянин д. Чистоевой, Егвинской волости Соликамского уезда, Пимен Лаврентьев Чистоев при распрашке огорода в мае 1895 г. выпалхал на месте бывшей избы его деда 350 штук медных пятаков, весом 1 пуд 4 фунта, чекана 1760–1787 годов, которые и представил в полицейское Управление. Деньги эти, как не представляющие археологической древности, согласно распоряжения Императорской археологической комиссии возвращены обратно Чистоеву...

Крестьянин с. Тауша Осинского уезда Тимофей Жимпелев нашел против своей усадьбы в обрыве реч. Таушки на трех аршинной глубине кость черепа носорога (?), которую через полицейское Управление и представил г. Пермскому Губернатору...

В д. Муслумовой, Теченско-Баширской волости Шадринского уезда, крестьянин Иван Александров Жильцов и башир Гизатулла Гайнуллин 5 мая 1895 г. при рытье хряща у мельницы братьев Злоказовых на глубине полуторах аршин нашли золотые, серебряные и другие вещи...»³⁷.

Большие коллекции находок имелись у графов Строгановых, князя С. Д. Абаменек-Лазарева, крестьянина С. Усова, который, кроме того, по всей видимости, сам являлся бугровщиком³⁸.

Активным коллекционированием археологических находок занимался граф С. Г. Строганов, ожививший интерес к древностям на местах и содействовавший образованию самостоятельных собраний на Урале. При нем был сделан ряд важных находок древних предметов: в 1840 году на реке Туе был найден клад из двух серебряных чаш и Сасанидских монет

■ Рис 32. Деревня Мальцева Пермской губернии. Серебряное блюдо и кувшин. Фото И.Ф. Чистякова 1896

V–VI вв.; в 1841 году там же была обнаружена фигурка медного всадника; в 1844 году в Петербург было доставлено было 15 серебряных шейных гривен из починка Шатрова на реке Сепыче; в 1851 году в собрание графа Строганова поступил известный Таманский клад мелких серебряных вещей.

Значительно пополнить коллекцию археологических находок графа Строганова удалось главному лесничему строгановских владений А. Е. Теплоухову, а в дальнейшем и его сыну Ф. А. Теплоухову, стараниями которых была собрана уникальная коллекция древностей, содержащая предметы знаменитого пермского звериного стиля.

В личной переписке Теплоуховых, хранящейся в документальных фондах Пермского краевого музея, в большом количестве встречаются сведения о «бугровании» на Урале:

«Осенью, когда приносили много бус, то ребята прямо и бегут с раскопки и часто приносили черепки и все старое»³⁹.

«Сегодня принесли 1 большую медную монету с дырой, девочка уверяет, что нашла ее верху на городище, рыла землю, между тем принесла еще две подобные монетки и говорит, что их послал к нам ее дядя солдат...»⁴⁰.

«1864 года мая 5 дня от Слудскаго крестьянина Ивана Козмина Зобачева куплено чудских серебряных вещей, одно кольцо весом 48 $\frac{3}{4}$ золотника и две серебряные монеты весом ползолотника. Полагая ценность серебра в 20 коп. сер. золотника следует заплатить за 51 золотн. 10 руб. 20 коп. сер»⁴¹.

Некоторые из подобных находок сдавались в местный музей:

«Въ 1905 год. Горным служащим Топорковым (заведующим Горбуновск. торфяником) найден на горе «Матаихе» медный идол, птицевидный, который и доставлен им в музей У.О.Л.Е.»

«Въ 1901 и 02 году (...) крест. д. Мезенки, Белярской вол., Екатеринбургского уезда, Алексей Сошинъ, доставил въ Музей У.О.Л.Е. несколько наконечников стрел, колечики и другия мелкие вещи...»

«Немногия из них, более изящные и цельные попадали въ руки перекупчиков и любителей, и еще меньшие — более крупных вещей, случайно попавших в руки «Приисковаго Начальства» сделались достоянием музеев»⁴².

В Государственном Архиве Свердловской Области в архиве археологической комиссии УОЛЕ сохранились письма отдельных лиц в музей УОЛЕ с предложениями купить у них найденные ими при раскопках вещи. Так, в июне 1909 года в музей поступило письмо от некоего А. И. Крычина, который сообщал:

«Имея кольчугу из стали, которую я хотел бы продать, но здесь и продать некому, т. к. собирателей древностей нет, то и решил предложить, как ближайшему отсюда Екатеринбургскому музею. К какому времени кольчуга относится, я определить не могу, то приблизительно опишу ее: весит тридцать четыре фунта, собрана в два кольца, длина полтора аршина, Найдена она близ поселка Крутойрского, Челябинского уезда, Оренбургской губ, годов 30 тому назад при раскопке ямы. Если музей интересуется предлагаемой мной вещью, то прошу сообщить мне по следующему адресу...»⁴³.

А в мае того же года в дар музею были переданы медное копье и две пары удил, приобретенные дарителем у жителя Ачинского округа Томской губернии.

Большую же часть находок ждала судьба быть проданными «случайным» «любителям старины», коллекционерам или скупщикам меди:

«На этом холме, въ 1885 году рабочими мельницы, искавшими здесь клад, были найдены наконечники стрел и «какие-то» фигурки, из Красной меди, — «чудачки». Находки эти были куплены владельцем мельницы Г. Н. Грачевым, и подарены кому-то из учителей Екатеринбург. М. гимназии».

«Первые раскопки для сбора вещей — остатков доисторической культуры, — на стоянке и городище у д. Палкиной, долгое время производились жителями этой деревни, собиравшими здесь, преимущественно, медные вещи, которые они продавали «случайным» любителям старины или же скупщикам меди».

«Стоянка доисторического человека на мысу «Гамаюн» была очень обширна, и занимала весь юго-западный склон его, въ настоящее время размытый на очень значительное пространство. Въ 1899 г. крестьян. д. Палкиной Митроф. Соловьев произвел здесь небольшие раскопки для сбора остатков доисторической культуры, которые и продал О. Е. Клер»⁴⁴.

Ходили также слухи, что поиски кладов на территории Урала проводились и по инициативе местного начальства:

«Управление Нижнее-Исетского завода, (будто было распоряжение Гл. Нач. Урал. Гор. Зав. — Глинки), посылало большие партии рабочих для розысков этого клада, на Листвяном острове. (...)»

Правда ли, что Глинка был причастен к делу поиска клада, но перед нами на лицо факт существующих огромных разработок глубоких ям — из которых выворочены валуны гранита въ 1 $\frac{1}{2}$ – 2 тысячи пудов весом, что вряд ли было подильно рядовому кладовищу, при том же, въ силу традиций, работающему ночью»⁴⁵.

В отдельных случаях проведение хищнических раскопок на территории археологических памятников пресекалось местной администрацией (если раскопками занимались рядовые служащие)⁴⁶, однако в подавляющем большинстве случаев подобная деятельность так и не влекла за собой никакой ответственности.

Примечательным в такой ситуации было появление энтузиастов-любителей, занимавшихся поисками древних вещей для дальнейшей их продажи, но в то же время испытывавших интерес к науке и своей деятельностью по поискам информации, обнаружению и целенаправленному сбору археологических находок способствовавших более активному, а зачастую и более успешному (в плане экономии усилий на поиски мест залегания памятников) изучению археологического прошлого Урала. Одним из таких археологов-любителей, увлеченным своим делом и сделавшим много для уральской археологии был Николай Алексеевич Рыжников — сын рабочего Верх-Исетского завода, собиратель древностей и знаток природных достопримечательностей Екатеринбурга.

***

Николай Алексеевич родился в Екатеринбурге, примерно в середине XIX века, точная дата его рождения неизвестна. В детстве он не получил базового образования, однако уже с ранних лет проявил живой интерес к окружающему его миру. Увлечение юности предопределило для Рыжникова развитие его дальнейших жизненных интересов. Из-за отсутствия

образования путь в науку в качестве профессионального исследователя для Николая Алексеевича был закрыт, однако, не имея возможности получить должность научного сотрудника, он устроился работать сторожем на метеостанцию УОЛЕ, чтобы хоть как-то быть приобщенным к науке⁴⁷.

Для Рыжникова, хорошо знавшего окрестности Екатеринбурга и заходившего во время своих походов в такие глухие места, куда проникали только «охотники-промышленники, да кладоискатели и дровосеки», и обладавшего хорошей наблюдательностью, основным способом заработка на жизнь, за отсутствием других средств к существованию, являлись находка и продажа древних вещей. О том, что «бугрование» и случайные находки древних вещей были достаточно распространены на Урале, в окрестностях Екатеринбурга, он написал позднее в своих «Материалах к археологической карте Урала»:

«Жители д. Мурзинки собирали на своих огородах очень много культурных остатков доисторического человека, главным образом каменных орудий, которые и продавали скупщикам и любителям — Замшину П. Я. Семенину, Кокорину, К. М. Ошуркову и другим».

«По выяснению местных жителей здесь жила Чудь, которая ушла в землю. Такое заключение они выводят на том основании, что при поисках здесь клада они находят обгорелое дерево (столбы), кости человека и животных и разные вещи из «позеленой» красной меди...»

«На верховье р. Пышмы, начиная от д. «Пышма» в 10 верстах к северу от Екатеринбурга, до д. Становой — 25 верст на восток от Екатеринбурга, почти непрерывной полосой, идет многолетняя работы по добыче золота по руслу реки и берегам ее. Во время этих работ, рабочие очень часто находили в торфах (...) различные остатки доисторической культуры...»

«На берегах, и случайных обнажениях культурного слоя, островов Верх-Исетского пруда, Конном, Петухе, и Баране, остатки доисторической культуры — черепки, кремни, кости, каменные орудия и изделия из меди были находимы О. Е. Клер, М. В. Малаховым, Н. Рыжниковым, К. Н. Фадеевым, В. Н. Толмачевым и многими другими любителями-археологами, а главным образом, и много, служащими Верх-Исетского заводууправления Сиговым, П. А. Медведевым, К. Ланит, Ф. А. Фопиевым, Г. А. Свечиным и многими другими, имеющими сюда свободный доступ, в любое время на параходе А также много собирали торговцы древностями П. Я. Замшин, Кокорин и Семенин»⁴⁸.

Во время своих разведок для обнаружения места археологических памятников Рыжников опирался как на свою интуицию, так и обращался к сведениям, которые ему могли предоставить местные жители, археологи и работники местных заводов или строительных организаций. Так, описывая свои разведки у болота Чистого, он пишет:

«На «старых» высоких горных берегах его (болота — Л. П.) Восточном и Южном ныне находятся каменоломни».

По сообщению старых рабочих каменоломов Авдея и Афанасия Кониновых, на всех этих каменоломнях в начале разработки их, т. е. при вскрытии пустой породы (наносных и гравиевых отложений), они находили очень много черепков, кремешков и разных

позеленевших медяшек, которых по словам особенно много было собрано на «Абрамовских палатках» (первые каменоломни к югу от Шарташских Кам. Палаток) на восточном берегу. По их указаниям я нашел здесь значительные остатки доисторической культуры...»⁴⁹.

Еще одним из методов определения места археологического памятника для Рыжникова, как он пишет в своих «Материалах», был поиск там, где проводились хищнические кладоискательские раскопки:

«Очень полезны были мне кладоискатели по отысканию новых стоянок доисторического человека. Я всегда охотно шел на те места, где кладоискатели искали, или ищут клад, с твердой уверенностью что найду там остатки доисторической культуры, и очень редко ошибался в своем расчете»⁵⁰.

Также источником сведений о тех или иных находках для Николая Алексеевича служили местные деревенские «колдуны-знахари», проявлявшие интерес к разного рода древним вещам, и в обмен на те или иные, особо примечательные находки, способные указать места, где раньше уже обнаруживали подобные вещи:

«Также полезны были для меня и деревенские колдуны-знахари. С помощью «Колдуна» я имел возможность проникнуть в таинственную «Шиловскую» пещеру, на р. Исети, ниже д. Шиловой, о существовании которой многие знают и очень много говорят, но почти никто не бывал в ней»⁵¹.

К 1882 году Николай Алексеевич, как он сам писал о себе, стал «охотником-промышленником и ярым золотоискателем», а его знакомые называли его «лесным бродягой» из-за его постоянных походов в лес и поисков остатков древнего человека на Урале. Во время своих неоднократных поисков он заходил в самые труднопроходимые места, и везде собирал «остатки культуры доисторического человека... путем разведочных раскопок»⁵².

Возможно, Николай Алексеевич Рыжников так и оставался бы дальше лишь «бугровщиком», если бы случай не свел его с Онисимом Егоровичем Клером — основателем Уральского Общества Любителей Естествознания.

***

Как отмечалось выше, правительство Российской империи, видя активный интерес общества к изучению истории своей страны и понимая всю пользу изучения истории как части патристического воспитания и обоснования доктрины «православие, самодержавие, народность», утверждает различные учреждения по изучению истории.

К середине XIX века, как в столице, так и в провинции скопилось очень большое количество архивных дел, которые не были нужны для текущего делопроизводства, и которые предполагалось уничтожить. Однако перед этим следовало отобрать ряд дел (документов), представляющих огромную историческую ценность. Сделать это поручили специально созданной для этого Археографической комиссии, которая после ряда экспедиций в губернские и другие архивы пришла к выводу о необходимости создания губернских комиссий по разбору архивных дел, т. к. в одиночку ей не представлялось возможным с этим справиться. В связи с этим было разработано «Положение о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях» и 5 июля 1888 года

была образована Пермская губернская ученая архивная комиссия (ПУАК), подотчетная Археологическому институту, а через год был подписан императорский указ о ее утверждении. В комиссии работали такие краеведы, как Шишонко, Дмитриев, Клер, Новокрещенных, Толмачев; председатель комиссии утверждался главой института. Согласно 7 пункту «положения», ученые комиссии по мимо своей обязанности работы с архивами, могли включать в круг своих занятий разыскание, описание и объяснения всяких других памятников старины.

Годовой бюджет Пермской Архивной Комиссии на первых порах составлял 500 рублей. По ходатайству губернатора, земства и городская дума выделили комиссии по 300 и 200 рублей, но только на первые два года. Расходы же в первый год составили 253 рублей. Из них на брошюры о комиссии 24 рублей, за печать 4 рубля и по 15 рублей ежемесячно в течении полугода лет выплачивали жалование архивисту А. И. Головину за разбор дел в губернском архиве. В 1891–1892 годах в кассе оставалось 615 рублей 66 копеек. Из постоянного источника, да пожалуй, и единственного, осталось только Министерство Юстиции, которое выделяло по 100 рублей ежегодно. Основными затратами стала публикация сборника трудов комиссии, на это было потрачено 174 рублей 25 копеек. Было напечатано 500 экземпляров, по цене 1 рубль за штуку. Поэтому приходилось экономить на все, даже на грузчиках. В 1891 году из губернского архива для исследования были перевезены ранее отобранные документы. Перевозка составила 20 копеек извозчику, погрузку и разгрузку документов осуществляли сами ученые краеведы.

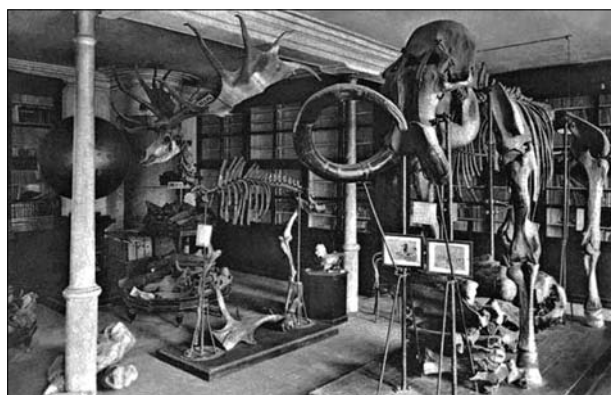
Важная роль отводилась издательской деятельности комиссии. Первые четыре выпуска «Трудов» ПУАК редактировал А. А. Дмитриев, затем В. С. Малченко, в бытность которого председателем комиссии (1902–1905) издательское дело стало одним из ведущих в ее работе. В Трудах печатались статьи и исследования членов комиссии, посвященные археологии и этнографии, историческим событиям в жизни Пермского края. Здесь же публиковались ценные в историческом отношении документы, описи, обзоры фондов.

Во многом именно существование и деятельность ПУАК обусловило создание в 1870 году в Екатеринбурге по инициативе краеведа Онисима Егоровича Клера и Наркиса Константиновича Чупина Уральского Общества Любителей Естествознания, членами которого являлись многие члены ПУАК. В Уставе Уральского Общества Любителей Естествознания были прописаны цели его деятельности: «а) изучение и исследование Уральского края в естественно-историческом отношении, б) распространение естественно-исторических знаний в этом крае»⁵³.

Бюджет Уральского Общества Любителей Естествознания (УОЛЕ) складывался из пособий правительства, членских взносов, доходов от продажи печатной продукции и пожертвований частных лиц, поэтому руководители Общества постоянно стремились привлечь к сотрудничеству состоятельных и авторитетных людей, способных помочь обществу в материальном плане. В число меценатов, выделявших средства на деятельность УОЛЕ, входили уральские заводчики Поклевские-Козелл⁵⁴, купцы Береновы, Злоказовы, Ошурковы, Первушины

■ Рис 33. Здание первой мужской гимназии в Екатеринбурге: место, где было образовано УОЛЕ

■ Рис 34. В музее УОЛЕ (фото с сайта www.uole-museum.ru)

и Агафуровы⁵⁵, способствовали проведению археологических исследований на Урале представители фамилии Строгановых⁵⁶.

Одновременно с открытием УОЛЕ были основаны его библиотека и музей. Общество издавало научный журнал «Записки УОЛЕ», а его культурно-просветительная работа была направлена на организацию научно-популярных лекций, экскурсий в окрестности Екатеринбурга и позже — в музей⁵⁷. Первые археологические раскопки были проведены в середине 70-х гг. XIX века в деревне Палкино возле Екатеринбурга, одним из основателей УОЛЕ О. Е. Клером⁵⁸ при участии ученика гимназии, в будущем археолога М. В. Малахова. И если в первые годы существования ПУАК в основном занималась разбором архивов и публикациями своих трудов, то с ноября 1893 года, когда комиссию возглавил Н. Н. Новокрещенных, она тоже стала проводить археологические изыскания и выставки, проводимые совместно с Пермской комиссией УОЛЕ.

До этого, в первой четверти XIX века некоторую работу по изучению природных богатств Уральского края, в особенности полезных ископаемых, проводили лишь горнотехнические общества, основанные в 1825–1826 годах в Екатеринбурге, Богословске (ныне Карпинск), Златоусте и некоторых других городах. Вообще, в дореволюционной России не было и не могло быть благоприятных условий для широкого развития краеведческого движения. Краеведческая работа проводилась местными любителями природы, истории и археологии, часто не имевших достаточных

■ Рис 35. Онисим Егорович Клер

■ Рис 36. Наркис Константинович Чупин

■ Рис 37. Владимир Яковлевич Толмачев

■ Рис 38. Михаил Викторович Малахов

средств и определенного плана работы. Поэтому создание общества такого масштаба, каким стало вскоре после своего создания УОЛЕ, было уже само по себе выдающимся событием.

Большую роль в научной деятельности на Урале в этот период сыграло новое поколение горных инженеров, пришедшее на смену инженерам-самоучкам и практикам. Новые специалисты имели высшее техническое образование, внимательно следили за достижениями науки и техники за рубежом и обычно хорошо знали иностранные языки. Они представляли собой слой местной научно-технической и культурной элиты, обладающей высоким авторитетом в глазах рядовых служащих и рабочих. Как правило, они формировали вокруг себя сообщества местных образованных людей, принимали участие в культурно-просветительской работе среди заводского населения (содействовали открытию школ, библиотек, устраивали любительские спектакли и музыкальные вечера, состояли членами научных обществ)⁶⁰. Это объясняет тот факт, что первыми президентами УОЛЕ были избраны люди, занимавшие должность главных начальников уральских горных заводов: В. А. Граматчиков и И. И. Иванов. И только уже после них, с 1896 года пост президента занимал главный врач Верх-Исетского завода А. А. Миславский, а с 1919 года — О. Е. Клер⁶¹.

Среди почетных членов УОЛЕ были и выдающиеся ученые: А. П. Карпинский, Ф. И. Чернышев, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Д. Н. Анучин, А. И. Воейков, Г. Е. Щуровский, И. В. Мушкетов, Д. И. Менделеев, Н. М. Пржевальский и другие, а также ряд ученых из других стран: профессор петрографии и минералогии в Женеве де Кандоль, геолог Луи Дюпарк и известные полярные исследователи Ф. Нансен и Э. Норденшельд. К 1914 году в списке членов Общества состояло уже 540 человек. Вокруг Общества группировалась молодежь, воспиталось не одно поколение любителей природы, в том числе и будущих крупных исследователей⁶².

Организатор и руководитель УОЛЕ Онисим Егорович Клер (1845—1920) являлся знаменитейшим краеведом своего времени, человеком с широким кругозором, четкими принципами и неиссякаемой энергией. Приехавший в Россию из Швейцарии и начавший свою деятельность в качестве преподавателя французского языка в Екатеринбургских гимназиях, со временем он стал членом более 20 русских и иностранных научных обществ, занимался ботаническими сборами, вел фенологические наблюдения, в течение ряда лет работал в обсерватории, добился организации УОЛЕ, открытия при нем библиотеки и музея, и в течение 38 лет (1870—1908) был ученым его секретарем⁶³.

Еще один из инициаторов создания УОЛЕ — Наркис Константинович Чупин (1824–1882) был одним из выдающихся историков и географов Урала. Его перу принадлежит несколько десятков научных работ по вопросам истории, этнографии, экономики и географии края. Страстный любитель уральской природы, Н. К. Чупин совершил ряд поездок по Уралу, изучал его природу, быт местных жителей, работу уральских заводов. Он хорошо был знаком с классическими трудами по географии Урала П. И. Рычкова, И. И. Лепехина, П. С. Палласа, А. Гумбольдта и др. и написал ряд статей по истории горного дела на Урале⁶⁴.

Неоценимый вклад в изучение археологии Урала в этот период внес первый археолог-исследователь Урала, действительный член Императорского русского географического общества (ИРГО), член УОЛЕ и ученик О. Е. Клера Михаил Викторович Малахов. В 1880–1882 гг. на средства ИРГО Малахов обследовал значительную территорию Северного, Среднего и Южного Урала, открыл, раскопал и описал 30 археологических стоянок и поселков, в т. ч. Палкинское городище, стоянки на Шигирском торфянике, Исетском и Аятском озере. Открыл ряд стоянок на р. Багаряк, осмотрел и снял копии с наскальных рисунков по р. Вишере, Тагилу, Режу, Исети⁶⁵. Осмотрел до 40 городищ в Соликамском и Чердынском уезде, при участии О. Е. Клера обследовал Смолинскую пещеру на Исети и ряд пещер и мест нахождения ископаемых костей по реке Салде, Тагилу, Лае, Миассу. Малахов провел раскопки на Шитовском озере, на озере Таватуй и берегах Чусовского озера. За экспедицию 1881 г. удостоен серебряной медали ИРГО, за экспедицию 1882 г. — золотой. 8 сентября 1884 г. состоялся доклад Малахова в УОЛЕ, подводивший итоги 6-летних археологических изысканий на Урале. Михаил Викторович передавал в музей УОЛЕ различные предметы, а умирая — в 29 лет — завещал всю свою библиотеку.

Владимир Яковлевич Толмачев был одним из первых уральских археологов, исследовавших ряд археологических памятников на Урале. Он был создателем первой «Археологической карты Среднего Урала» (1915, не сохранилась). С 1897 по 1902 годы он проводил археологические разведки на берегах рек Синяры, Караболки, озера Шигирского и Исетского. С 1906 по 1907 годы Владимир Яковлевич путешествовал по крупным городам центра России, знакомясь с археологическими коллекциями, по Енисею, посетил Индию, Египет, Сингапур. В 1908 году он был командирован Императорской археологической комиссией в Оренбургскую губернию, с целью проведения археологической разведки. В 1909–10 годах он проводит исследования в Самарской губернии, а с 1911 по 1919 годы работает в Екатеринбурге, обследуя стоянки и наскальные рисунки в Верхотурском, Ирбитском, Камышловском, Екатеринбургском и Шадринском уездах⁶⁶.

Сын Онисима Егоровича Клера, геолог, палеонтолог, гидрогеолог, стратиграф, доктор геолого-минералогических наук и профессор Модест Онисимович Клер обследовал в начале XX в. гору Думную, положил начало исследованиям памятников Горбуновского торфяника, в середине 70-х гг. XIX в. при участии ученика гимназии, в будущем археолога М. В. Малахова провел первые археологические раскопки в деревне Палкино. В разное время

■ Рис 39. Озеро Чусовское

■ Рис 40. Верх-Нейвинский пруд

он заведовал различными геологическими кафедрами, затем (до 1951 года) был директором Уральского геологического музея. Последние годы жизни М. О. Клер занимался вопросами детского туризма и краеведения, разрабатывал геологические экскурсии, читал публичные лекции, создавал геологические коллекции в школах, шефствовал над областной школой слепых⁶⁷.

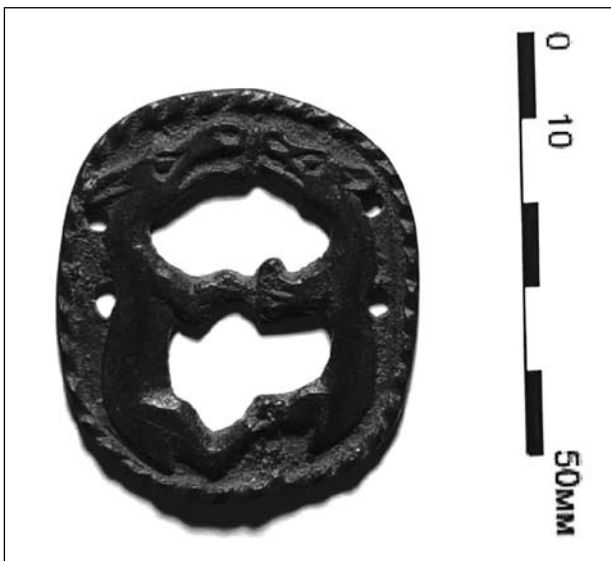
Известный уральский писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк участвовал в археологических работах, проводимых им самостоятельно и при участии К. И. Фадеева на Первом и Втором Карасьем озерах. Д. Н. Мамин-Сибиряк открыл новые археологические памятники в районе Ирбитского озера и Сухого Лога, а также стоянку на Втором Карасьем озере и на левом берегу реки Исети, близ Парка культуры и отдыха в Свердловске⁶⁸.

Во 2 половине XIX–начале XX веков одни из первых археологических исследований Урала проводили горный инженер Ф. Ю. Гебауэр (в 1884 году открыто Кашинское городище, в 1878 году проведены раскопки одной из пещер на реке Пышме), К. И. Фадеев, И. М. Рябов, С. Н. Топорков, А. Н. Соловцов и Е. Н. Коротков. Долматовский купец С. С. Сигов, являвшийся одним из «пионеров» кладоискательских исследований, был первым из краеведов, который организовал раскопки в окрестностях Екатеринбурга — на Палкинском городище (в 1857 или по другим данным — в 1858 г.). Собранную при этом коллекцию С. С. Сигов презентовал музею Археологического общества.

■ Рис 41. Птицевидный идол, коллекция Теплоуховых, Пермский краевой музей

■ Рис 42. Бляха с изображением двух борющихся животных, коллекция Теплоуховых, Пермский краевой музей

Именно в таком кругу людей и оказался Николай Рыжников, когда в 1881 году его заметил основатель УОЛЕ О. Е. Клер, обративший внимание на его старание и стремление изучить свой родной край и пригласил молодого энтузиаста работать препаратором в музей УОЛЕ, на что он, естественно, согласился⁶⁹.

Общаясь в научных кругах, Рыжников начинает приобретать более серьезные знания в области археологии, знакомится с лучшими учеными Урала и учится смотреть на производимые им раскопки с точки зрения их ценности для науки. Примерно с начала 80-х годов Рыжников начинает предпринимать археологические разведки — как самостоятельно, так и совместно с учеными-археологами и краеведами.

Стоит отметить, что до этого изучение Урала хоть и предпринималось отдельными исследователями и путешественниками, но систематического и целенаправленного обследования археологических памятников в этом районе до 60-х годов XIX века не проводилось⁷⁰. В то же время, на Урале, и окрестностях

Екатеринбурга в частности, имелось большое количество мест пребывания древнего человека, стоянок, городищ, захоронений, культовых мест, раскопки которых позволили бы совершенно по-новому взглянуть на доисторическое прошлое края. Поэтому те исследования, которые в дальнейшем производил Н. А. Рыжников и археологи-члены УОЛЕ, являлись уникальными по своей ценности для науки и для составления древней истории уральского региона.

Основным местом сосредоточения стоянок первобытного человека на Урале являлись берега озер и рек, где древние люди могли заниматься рыболовством, охотой и брать воду и глину для бытовых нужд. Поэтому с 1881 года Рыжников начинает проводить обследования по берегам и островам озер Таватуйского, Чусовского, Верх-Нейвинского пруда и болота Чистого. За время раскопок на пяти островах и берегах Таватуйского озера он зарегистрировал 27 стоянок (записи о местонахождении их были утеряны), а на Чистом болоте и Чусовском озере обнаружил три насыпи, сделанных древним человеком, и также несколько стоянок. Раскопки на Таватуйском озере и Верх-Нейвинском пруду Рыжников проводил совместно с археологом М. В. Малаховым⁷¹.

С 1882 по 1885 годы Н. А. Рыжников провел обследование и обнаружил стоянки на берегах и островах Глухого, Половинного, Мелкого и Карасьего озер, по берегам озер Балтым и Шувакиш. При разведках им было найдено значительное количество древних вещей: каменных орудий, осколков кремня, яшмы, черепков глиняных сосудов, — которые он в дальнейшем передал М. В. Малахову⁷².

Летом 1884 года Николай Алексеевич «по семейным обстоятельствам... не мог отлучиться в дальние экскурсии», и поэтому охотился в окрестностях Екатеринбурга, по большей части у Карасьего озера. По поручению О. Е. Клера он совместно с А. Геккелем проводил в этом районе разведки с 1884 по 1890 годы, а с 1882 по 1896 годы открыл восемь стоянок, вещи из которых были переданы в музей УОЛЕ. Как он сам писал в своих записках, «заходя на Листвяный остров» он «всегда поражался большим количеством остатков доисторической культуры, находимых (...) на кладовисках отвалах»⁷³.

В 1885 году Рыжников провел разведки возле реки Романовки, впадающей Исеть, и на левом берегу реки Чусовой у деревни Верхне-Макаровой, где обнаружил стоянку и городище и собрал небольшое количество археологического материала.

За несколько лет любительских разведок и раскопок Николай Алексеевич зарекомендовал себя в качестве успешного исследователя-любителя, и ближе познакомился с профессиональными археологами в УОЛЕ. Поэтому в 1886 году он получил поручение от О. Е. Клера предпринять свою первую крупную исследовательскую экспедицию — провести археологические разведки и описать окрестности богатого археологическим материалом района — берегов реки Исети. В течение 62 дней он предпринял спуск по Исети на лодке и обследовал берега реки и прилегающие к ней территории, от села Бобровское до города Шадринска, и после окончания экспедиции вернулся обратно в город тем же путем. Результатом поездки стало открытие множества археологических памятников (курганов, стоянок, жертвеников, городищ) и большое количество собранного археологического материала.

В 1887–89 годах состоялась вторая крупная экспедиция Рыжникова — на берегах Второго Карасьего озера и на островах болота Чистое. В 1873 году возле Карасьего озера была сделана первая серьезная археологическая находка на Урале: учеником Екатеринбургского реального училища И. Брюхановым был обнаружен и доставлен О. Е. Клеру каменный молоток-топорик, что позволило О. Е. Клеру сделать предположение «о существовании на Урале человека в эпоху каменного века». Предположение Клера встретило крайнее недоверие со стороны местной научной общественности, и это, в свою очередь, побудило его «немедленно начать археологические исследования Урала». Экспедиция Рыжникова на берегах Карасьего озера и болота Чистого также являлась частью этого ряда исследований, весь собранный во время исследования археологический материал был передан О. Е. Клеру, а им принесен в дар музею УОЛЕ. Найденные во время экспедиции предметы подтвердили факт существования на Урале в древности мест обитания первобытных людей, и помогли опровергнуть существовавшую до этого версию⁷⁴.

В 1887 году в окрестностях Верх-Нейвинского пруда Рыжниковым была открыта группа небольших курганов, два из которых были раскопаны. Среди найденных предметов присутствовали золотые вещи очень грубой работы (серьги, браслеты, бляшки).

Параллельно с исследованием Второго Карасьего озера, в мае 1888 года на открытых Рыжниковым стоянках Первого Карасьего озера занимался обследованием местности О. Е. Клер. Краевед пришел к выводу, что хотя культурный слой на этой территории сильно разрушен, остается еще множество находок, которые могут быть важны для изучения доисторического прошлого Урала, и которые следует собрать до того, как памятник будет окончательно уничтожен кладоискателями. Клер предложил Рыжникову выполнить эту работу и пообещал ему оплачивать его труд, и хотя Николай Алексеевич и знал, что Онисим Егорович собирается платить ему из собственных средств, и плата будет скромной, он все же согласился провести здесь раскопки. В течение двух лет непостоянных, однако продолжительных работ Рыжников собрал у озера значительную коллекцию предметов, в которую вошли керамика, изделия из глины, каменные орудия, изделия из дерева и кости животных, датированные впоследствии эпохой неолита⁷⁵. Таким образом, при участии Н. А. Рыжникова была спасена коллекция уникальных находок из Первого Карасьего озера.

Помимо Первого и Второго Карасьего озер, озера Мелкого и берегов по течению реки Исети Н. А. Рыжников в 80–90-х годах XIX века исследовал и ряд других озер и мест в окрестностях Екатеринбурга: в 1888–89 годах он обследовал берега озера Шарташ и Малого Шарташского озера; в 1890 году Рыжников совместно с С. И. Сергеевым, А. С. Комес и Мартыновым проводил раскопки Шарташских каменных палаток; в том же году он осматривал берега Шитовского озера и озера Вашты. На Шитовском озере в этом году проходила экспедиция С. И. Сергеева, поэтому сбор материала Рыжниковым здесь не производился. На озере же Вашты им совместно с О. Е. Клером было собрано около 16 килограммов керамики, каменных орудий и осколков кремней. В 1889–90 годах Рыжниковым проводился сбор подмного материала на Разбойничьем острове⁷⁶.

Однако участвуя в профессиональных раскопках и общаясь с видными деятелями научных сообществ, фактически, являясь научным сотрудником УОЛЕ, Рыжников получал за свою работу настолько небольшое вознаграждение, что по-прежнему вынужден был продавать часть из находимых им редких предметов. Так, в 1889 году он продал Сергеевскому вещи из клада медных изделий с озера Малый Шарташ, а в 1887 и 1889 годах вещи из раскопок на болоте Чистом и Верх-Нейвинском пруду. Бывало, что он предлагал местным музеям, в том числе и музею УОЛЕ, купить у него найденные вещи. Если он получал отказ в одних местах, то находил другие, где согласились бы купить у него его находки: так, например, известно, что какие-то из своих находок он продавал Н. К. Минко и Д. Д. Ерофееву в Челябинск. Тем не менее, как он сам писал в своих «Материалах для археологической карты Урала», он отлично понимал «нежелательность» подобных сделок, и шел на них только ради того, чтобы добыть себе хоть какие-то средства на жизнь:

«И везде, на берегах озер, островов, болот, рек и речек (...) производил археологические изыскания (...) причем так увлекался, что забывал о первоначальной цели т. е. о заработке. А это было для меня не «все равно» так-как мои археологические «открытия», очень и очень скромно оплачивались сперва М. В. Малахова, а после его смерти О. Е. Клеръ, а потому мне невольно приходилось прибегать к нежелательным сделкам ради поддержания своего существования: т. е. продавать находимыя мною каменные орудия...»⁷⁷.

Нередко бывало и так, что Рыжников безвозмездно передавал сделанные им находки О. Е. Клеру и М. В. Малахову в музей УОЛЕ, осознавая их научную ценность. А за указание мест, где можно и нужно было проводить археологические раскопки, вообще не просил никакого вознаграждения.

В 1924 году, когда О. Е. Клера уже не было в живых, и сам Рыжников уже был в преклонном возрасте, он отправил докладную записку правлению УОЛЕ, в которой указывал на необходимость проведения дополнительных раскопок на уже исследованных в конце XIX века местах с целью составления полной картины по находящимся там археологическим памятникам⁷⁸. В отдельных случаях бывало и так, что Рыжников тратил собственные же средства, чтобы купить у местных жителей те или иные вещи, если они казались ему особенно ценными:

«Въ бытность мою въ Верх-Нейвинске, я неоднократно покупал у жителей завода П. Аристова, Г. Зелюдина и других разныя каменные орудия и крупныя кости, которыя были найдены ими, при добыче золота, на дне пруда, когда из него была спущена вода»⁷⁹.

«На пашнях окружающих озеро и сел. Сосновское, очень часто выпахивают разныя доисторическия вещи, из которых находчики пахари подбирают да и то не всегда — только металлическия вещи — из меди, бронзы и проч. — как более ценныя, на черепки же и каменные орудия, как на вещи «обычныя» не обращают вниманія.

Одну из таких «ценных» находок, из которой находчик кормил куриц, серебряное «Сассанидское» блюдо, весом 3 ½ фунта я купил в 1888 году за... бутылку водки — 35 коп.»⁸⁰.

■ Рис 43. Озеро Исетское

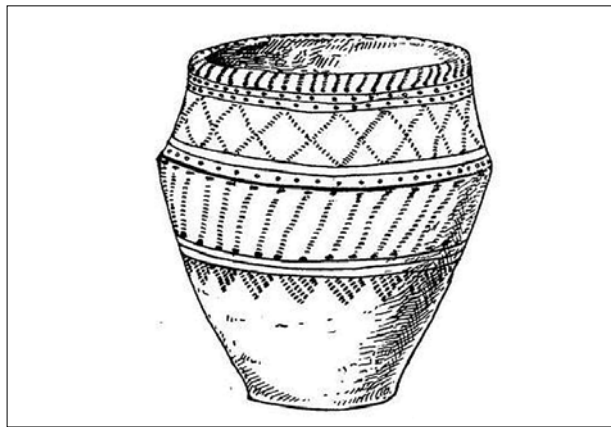
■ Рис 44. Посуда со стоянки Коптяки 3

■ Рис 45. Надежда Алексеевна Стенбок-Фермор

■ Рис 46. Алексей Александрович Стенбок-Фермор

■ Рис 47. Посуда со стоянки Коптяки 5

Одно из самых крупных скоплений археологических памятников в окрестностях Екатеринбурга — озеро Исетское, бывшее в древности местом наиболее частого посещения людей. В 1890 году О. Е. Клер и Н. А. Рыжников предприняли экспедицию с целью обследовать берега озера и собрать подъемный материал. Сама экспедиция была инициирована графом А. А. Стенбок-Фермором, который выделил исследователям средства на проведение раскопок и распорядился наиболее яркие найденные предметы по окончании экспедиции отправить в Главное управление исетскими заводами в Петербург.

В «Материалах к археологической карте Урала» Рыжников упоминает о том, что раскопки на Исетском озере были профинансированы «владельцем Верх-Исетских заводов графом Стенбок-Фермор». Формально, владелицей завода на 1890 год являлась графиня Надежда Алексеевна Стенбок-Фермор (Яковлева), вдова Александра Ивановича Стенбок-Фермор (1809–1852). Однако в это время она уже находилась в возрасте 75 лет, и в литературе не сохранилось сведений о том, что в течение жизни графиня интересовалась наукой либо занималась благотворительностью. Финансированием раскопок занимался ее сын, граф Алексей Александрович Стенбок-Фермор (1835–1916), генерал и шталмейстер императорского двора.

Раскопки на Исетском озере проводилось с 15 июня по 20 сентября 1890 года. Более ранние

памятники занимали низкие пойменные части восточного берега, а более поздние были расположены на гористых возвышенностях и ложбинах между гор на западном берегу озера⁸¹. Обнаруженные археологические памятники были названы Клером и Рыжниковым от единственного тогда находящегося поблизости населенного пункта деревни Коптяки — Коптяки I, II, III и т. д. Всего на озере было открыто 14 памятников, найдены шлифованные топоры, долота, наконечники копий, дротиков, стрел ножевидные пластинки, скребки и пилы, что позволило предположить существование такого способа обработки камня, как его пиление. Здесь же, по сведениям Н. А. Рыжникова, были найдены впервые на Урале сосуды с изображением животных.

На некоторых стоянках произведенные работы были очень незначительны, потому что берега озера были покрыты вековым лесом, настолько густым, что даже пробраться через него стоило бы большого труда.

На стоянке «Коптяки 3» расположенной на южном берегу озера в урочище Осиновка, была обнаружена землянка глубиной 2 метра, и размерами 3 x 4 метров. В ней сохранился очаг, сложенный из плиток гранита и сланца, с трубой из этих же камней, выведенной на поверхность.

На стоянке «Коптяки 4» были обнаружены очажные ямы — видимо, здесь также раньше было жилище.

На стоянке «Коптяки 5» кроме древних были найдены также и более поздние вещи: железный нож сарматского типа и две монеты 1800 года.

А на восточном берегу Исетского озера на мысу было обнаружено городище, защищенное с трех сторон берегами озера и реки Черной, а с восточной стороны рвом и валом.

По распоряжению графа Стенбок-Фермор, часть собранных во время раскопок находок (в которую входили наиболее изящно сделанные или оригинальные вещи) была направлена в Петербург, в главное управление Верх-Исетских заводов, остальные находки были переданы в музей УОЛЕ. Здесь они были реставрированы, классифицированы и размещены на щитах самим Рыжниковым, но описание и издание вещей были пока отложены.

В 1900 году, во время реставрации и общей обработки коллекции, найденной Николаем Алексеевичем в районе Исетского озера, появилась необходимость проведения дополнительных раскопок в этих окрестностях. На этот раз раскопки были профинансированы из средств УОЛЕ. Раскопки были произведены Рыжниковым, Клером и Толмачевым, однако находок было сделано немного: каменные орудия и остатки маленьких тиглей. И только в 1906 году, пользуясь засухой и обмелением Исетского озера, Рыжников снова провел разведку на озере и собрал большое количество каменных орудий, которые он, после отказа УОЛЕ купить их у него, продал Н. К. Минка в Челябинск.

В 1906 году Н. А. Рыжников произвел разведки в урочище на берегу реки Исеты, известном под названием «Калмацкий Брод». А в 1907 году он произвел здесь раскопки, давшие более 400 килограмм находок. Среди найденных предметов были разнообразная керамика, изделия из глины, кости животных, костяные и каменные орудия; особой отделкой отличались желобчатые полированные ножи-кинжалы, наконечники стрел и копий из сланца и наконечники стрел из кремня и яшмы. Исследователь сделал вывод, что селище на Калмацком броде было обитаемым в течение долгого времени, начиная с неолита и вплоть до эпохи металла. Кроме того, селище представляло собой важный стратегический пункт, располагаясь недалеко от истоков реки Решетки и Чусовой — т. е. на древнем транзитном пути из Европы в Азию. Собранные на Калмацком броде вещи были проданы Рыжниковым Н. К. Миньке и Д. Д. Дорофееву, и часть их возможно была увезена в Тифлис.

Кроме того, с 1907 по 1924 годы Рыжников исследовал и занимался сбором материала на таких местах, как мыс Гамаюн, Шабровские Каменные Палатки, болото Возгоново, Еловая гора у реки Исеты, и сделал еще более десятка случайных находок. В 1902 году Рыжниковым была обследована группа курганов в 2 километрах от деревни Мезенки. Здесь местным крестьянином при распашке поля были найдены медные трехгранные стрелы скифского типа. Николай Алексеевич совместно с В. Я. Толмачевым произвел осмотр этого места, и установил, что эти вещи происходят из кургана, а при осмотре распаханных курганов были обнаружены остатки кострищ и кости животных и человека.

Рыжников также проводил раскопки на Чертовом Городище. Работы здесь позволили предположить, что в период с III–II вв. до н.э. и по III–IV вв. н.э. на этом месте было жертвенное место: находимые

■ Рис 48. Отряд красноармейцев в Екатеринбурге, 1918 г.

■ Рис 49. Митинг красноармейцев, 1918 год

при раскопках предметы были типичными для жертвенных мест (обломки посуды, костяные стрелы, кости животных, обломки бронзовых изделий). А за болотом, лежащим между Чертовым Городищем и горой Матаихой, Рыжниковым был обнаружен могильник, состоящий из большой группы курганчиков, высотой 1 метр и размером по окружности от 12 до 14 метров, в котором были найдены тазовая и бедренная кость человека, а возле могильника — остатки керамики.

Можно привести еще много примеров археологических находок, сделанных Н. А. Рыжниковым, и мест, которые он открыл и начал изучать.

***

В 1917–1920 годах в России разразилась гражданская война, и произошло установление советской власти. 18 апреля 1919 года, в начале советского периода, В.И. Лениным был подписан указ об образовании Российской Академии истории материальной культуры, впоследствии — Института археологии Академии наук СССР. А 7 июля 1924 года в СССР было принято постановление ВЦИК и Наркомпроса, которым исполнительным комитетам на местах вменялось в обязанность следить за тем, чтобы «городища, курганы, могильники и прочие места, представляющие историческую ценность, не распахивались, не раскапывались в каких-либо хозяйственных целях, а в окружности памятников оставалась бы неприкосновенной охранная полоса от одной сажени и более,

■ Рис 50. Экскурсия членов УОЛЕ на Шарташские каменные палатки, фото 1910-х годов

в зависимости от размера и значения памятника». Однако уже десять лет спустя, в 1934 году было принято другое постановление, согласно которому эти запретительные меры стали считать устаревшими и неприемлемыми вследствие огромного размаха хозяйственного строительства⁸². После этого массовое движение в защиту исторического наследия началось только в 60-е годы XX века.

УОЛЕ не прекращало своей деятельности, по-прежнему продолжая принимать посетителей в музей (более 15 тысяч человек в год), организовывать общие собрания для чтения докладов приезжих и местных ученых, поддерживать работу Минералогической мастерской и подвижного музея — даже в самое бурное для страны время.

В начале 1918 года перед Обществом остро встал вопрос о средствах существования. Дело в том, что Министерство народного просвещения и земские управы, от которых оно до этого получало денежные пособия, были упразднены Советской властью, и О. Е. Клер, занимая с 1909 года должность президента УОЛЕ, боялся, не постигнет ли Уральское общество та же участь, что и многие другие старорежимные учреждения⁸³.

УОЛЕ, будучи организацией, созданной добровольно по частной инициативе и на средства отдельных энтузиастов и спонсоров, на протяжении своего существования периодически страдало от недостатка материальных средств. Царское правительство не только не поддерживало деятельности вновь созданных добровольческих культурно-просветительных организаций, но даже наоборот, всячески препятствовало их деятельности и постоянно держало их под политическим подозрением. Так, О. Е. Клер неоднократно отказывался занять должность президента УОЛЕ, каждый раз предлагая на этот пост другого кандидата, который, по его мнению, мог бы принести больше пользы Обществу в смысле его упрочения и материального обеспечения, в связи со своим официальным положением⁸⁴.

Поэтому в 1918 году Клер обратился за содействием в областной Комиссариат по народному просвещению, приложив к своему ходатайству обширную справку о деятельности общества — его истории, задачах, настоящем положении. И 27 мая 1918 года из Областного совета рабочих,

крестьянских и солдатских депутатов Урала был получен ответ, уведомляющий правление УОЛЕ о выделении Обществу материальной помощи в размере 5 тысяч рублей, тем самым признавая необходимость его дальнейшей деятельности и давая согласие на его финансирование⁸⁵. Онисим Егорович был назначен на должность консультанта по охране памятников старины, искусства, истории в природе, с высоким по тому времени окладом⁸⁶.

В советское время при Уральском обществе любителей естествознания были созданы новые коммисии и секции⁸⁷, в сентябре 1919 года из кассы Отдела УОЛЕ была выдана крупная сумма денег — 18 400 рублей — «на расходы по охране памятников старины». Часть этих средств была истрачена им на организацию поездки члена УОЛЕ Н. Г. Стрижева по уральским заводам с целью выявления и сбора исторических и художественных ценностей⁸⁸. О. Е. Клер прилагал все усилия, чтобы спасти от гибели коллекции и библиотеки состоятельных екатеринбуржцев, вынужденных бежать с Колчаком от расправы, которая неминуемо последовала бы после их задержания красноармейцами. Так, во время обыска большевиками в доме золотопромышленника Железнова, он командировал библиотекаря УОЛЕ, чтобы забрать из дома книги, которые скорее всего были бы просто выброшены или утеряны. Он также ходатайствовал перед Отделом народного образования о передаче Обществу поступившей на склад Отдела библиотеки члена УОЛЕ Л. Е. Шульца имевшей «исключительную научную ценность»⁸⁹.

В 1924 году в переписке УОЛЕ с Центральным бюро Краеведения при Российской академии наук Московское отделение бюро постановило «Приветствовать энергичную и разностороннюю научную деятельность УОЛЕ, почти целиком направленную на изучение края (...) Считать вполне правильными и удачными шагами Общества, направленные в сторону установления необходимых связей с учреждениями края, в результате коих явилось материальная помощь названных учреждений (...) Считать особенно желательным, чтобы Общество продолжало работу по вовлечению в свои ряды всех живых культурных сил края»⁹⁰.

Изменение отношения к краеведам и краеведческим исследованиям со стороны государства произойдет только во второй половине 1920-х годов, когда от исследователей потребуют отказа от гуманитарных, в том числе археологических изысканий и «обращения краеведения лицом к социалистическому строительству». И те краеведы, которые не пожелают «перевоспитаться», будут подвергнуты репрессиям.

Но в начале 20-х годов УОЛЕ продолжало активную научно-просветительскую работу. Идеологическая программа на первых порах позволяла новой власти проявлять лояльность к основанной, фактически, на демократических основах деятельности Общества⁹¹, среди членов которого было немало исследователей-любителей, самоучек, вышедших из семей рабочих или бывших крепостных — которым, в том числе, являлся Николай Алексеевич Рыжников.

Как правило, Николай Алексеевич не публиковал никаких материалов по тем находкам и исследованиям, которые он проводил. Однако после революции начинают появляться его статьи

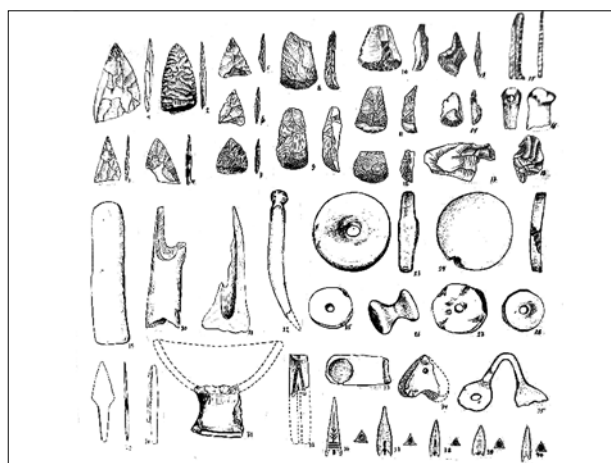
в журнале «Округ»: сначала в первом номере журнала за 1927 год, затем в сентябрьском номере за тот же год. В некоторых из них он описывает свои находки в верховьях реки Исети и у озера Исетского. Перед статьей «Селища и стоянки доисторического человека в верховьях реки Исети», в которой Рыжников делает упор больше на описание результатов раскопок урочища «Калматского», было помещено вступление, написанное С. Груздевым. Груздев отметил ряд находок Рыжникова, такие как: миниатюрный топорик-долотце из фельзита, большой топор в форме сегмента из фельзита, топорик из халцедона с отбивным лезвием, находка (вторая на Урале) шлифованного ножа и единственный на тот момент найденный на Урале кавказский нож. С. Груздев также отметил, что Николай Алексеевич собрал значительную коллекцию древних предметов, сделал ее описание в своих статьях, но не пытался этот материал опубликовать⁹².

В том же журнале Рыжников дал описания еще трех стоянок древнего человека, найденных им в 1883–85 годах: в верховьях реки Исети на Еловом мысу, у озера Мелкого; на правом берегу реки Исети, у реки Романовки, на Малых Палатках, ниже озера Мелкого; на Ежовой горе, в 4–5 верстах выше деревни Палкино, на правом берегу реки Исети. Еще в одной статье в журнале «Округ» Рыжников привел различные сведения о стоянке Коптяки⁹³.

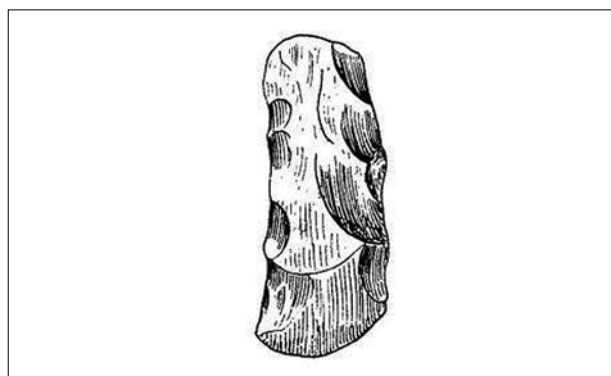
В 1924–25 годах Н. А. Рыжников составляет рукопись «Материалы для археологической карты Урала», где перечислены сделанные им и другими исследователями находки, проведенные по их обнаружению работы и дает указание мест, где были обнаружены остатки древней культуры. В своей работе Рыжников опирался на составленную до этого карту В. Я. Толмачева, ныне утраченную. Среди археологов есть мнение о том, что еще в 20-х годах А. А. Берс совместно с Н. А. Рыжниковым хотели издать археологическую карту Урала, но произошел скандал. Некоторые члены УОЛЕ сочли, что это карта была составлена Толмачевым который также проводил археологические раскопки на территории Урала и на тот момент находился в эмиграции. Эти материалы стали впоследствии незаменимым руководством для советских археологов, позволившим провести более глубокие и профессиональные исследования на ключевых памятниках Среднего Урала. Еще одна рукопись Николая Рыжникова — «Описание коллекции керамики музея УОЛЕ».

Точная дата и место смерти Николая Алексеевича Рыжникова, так же, как и дата его рождения, неизвестны. В 1924 году, как он сам писал, он находился уже в преклонном возрасте. Возможно, он скончался около 1926 года — после этой даты пропадают всякие упоминания о нем в литературе.

Николай Алексеевич Рыжников сделал многое для развития уральской археологической науки. Сыном рабочего, не получив образования, он сумел многого добиться при помощи своего наставника и первого учителя О. Е. Клера. И хотя его имя остается до сих пор малоизвестным, и не сохранилось даже его портрета или фотографии, результаты его работы позволили начать более активные археологические исследования и сделать ряд важных открытий в будущем — и тем самым запечатлели его имя в истории как одного из первых археологов-исследователей Уральского края.

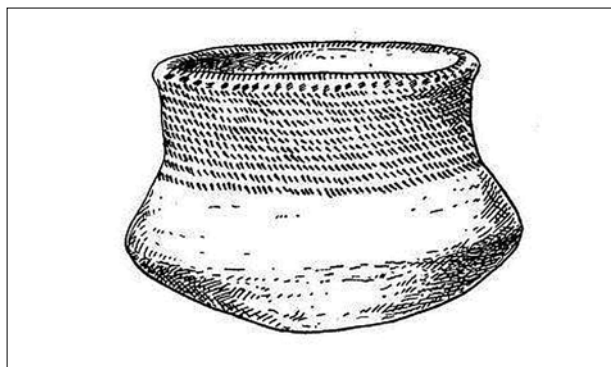
■ Рис 51. Предметы, найденные на мысу Еловом

■ Рис 52. Топор, найденный на Калмацком Броде

■ Рис 53. Каменные изделия и керамика с мыса Гамаюн

■ Рис 54. Керамика со стоянки на Калмацком Броде

■ Рис 55. Е. М. Берс (фото с сайта www.museum.ru)

■ Рис 56. А. А. Берс (фото с сайта uole-museum.ru)

В конце 1920-х – начале 1950-х годов начинается третий период в изучении археологии Урала. Он характеризуется систематическими и широкими исследованиями отдельных районов Урала. Несомненным достижением археологов было открытие палеолитических памятников (М. В. Талицкий, С. Н. Бибилов, К. В. Сальников). В Приуралье в конце 1940-х О. Н. Бадером были исследованы первые мезолитические стоянки. Проводятся раскопки неолитических памятников (А. В. Прокошев, А. В. Шмидт), Турбинский могильник эпохи бронзы (Н. А. Прокошев), кара-абызские (кара-абызская культура) и ананьинские (ананьинская культура) памятники раннего железного века (А. В. Шмидт, А. В. Збруева), изучались городища и могильники I – нач. II тыс. н.э. (А. П. Смирнов, М. В. Талицкий).

В Зауралье весьма эффектными были находки деревянных скульптурных изображений на Горбуновском торфянике (Д. Н. Эдинг), производятся исследования памятников эпохи неолита и бронзы (П. А. Дмитриев) и курганов раннего железного века (П. А. Дмитриев). На Южном Урале широко изучаются памятники андроновской (Б. И. Граков, О. А. Кривцова-Гракова — андроновская КИО) и абашевской (К. В. Сальников) культур эпохи бронзы, продолжают раскопки курганов раннего железного века (К. В. Сальников).

Обобщающие работы начала 1930-х носили характер социально-схематической интерпретации археологического материала (А. А. Берс, Н. Н. Бортвин).

С конца 1930-х годов новая источниковая база и применение формационного подхода позволили археологам перейти к реконструкциям древней истории больших регионов края: Приуралья (А. В. Збруева, 1952; А. П. Смирнов, 1952), Зауралья (Е. М. Берс, 1951; П. А. Дмитриев, 1951, В. Н. Чернецов, 1953), Южного Урала (А. П. Смирнов, 1957, К. В. Сальников, 1967). В работах была обоснована периодизация памятников, реконструированы черты хозяйства,

особенности организации и духовной жизни древнего населения края⁹⁴.

Послевоенные годы для уральской археологии были ознаменованы деятельностью выдающейся личности, посвятившей большую часть своей жизни исследовательской и научной работе и сделавшей серьезный вклад в изучение древней истории Урала — Елизаветы Михайловны Берс.

Елизавета Михайловна родилась в 1907 году в городе Юхнове Смоленской губернии. Её отец, М. А. Никифоров, был агрономом, а мать — народной учительницей. В 1921 году семья Елизаветы Михайловны переехала на Урал, вначале в поселок Курьи, затем в Екатеринбург. Здесь в 1923 году будущая исследовательница впервые приняла участие в археологических раскопках в районе деревни Палкино⁹⁵. А в 1929 году в Елизавета Никифорова вышла замуж за известного исследователя и научного деятеля — Александра Андреевича Берса — работавшего в Екатеринбурге с 1922 года и являвшегося автором нескольких книг по истории Екатеринбурга и археологии Урала⁹⁶.

Глубокая эрудиция, серьезные знания в области истории и археологии и личное обаяние А. А. Берса предопределили для Елизаветы Михайловны ее дальнейший интерес к археологической науке⁹⁷. Под руководством своего мужа, а с 1934 года — археолога П. А. Дмитриева, Берс начинает принимать участие в раскопках археологических памятников на Среднем Урале (поселение и могильник Калмацкий Брод, мыс Толстик, разведка по берегам и островам Исетского озера)⁹⁸.

Совместный путь Александра Андреевича и Елизаветы Михайловны Берс был недолгим, т. к. в 1935 году Александр Берс подвергся аресту по обвинению в антисоветской агитации и был осужден к трем годам лишения свободы. А в 1937 году ученого обвинили в участии в деятельности антисоветской террористической группы из числа заключенных и приговорили к расстрелу⁹⁹.

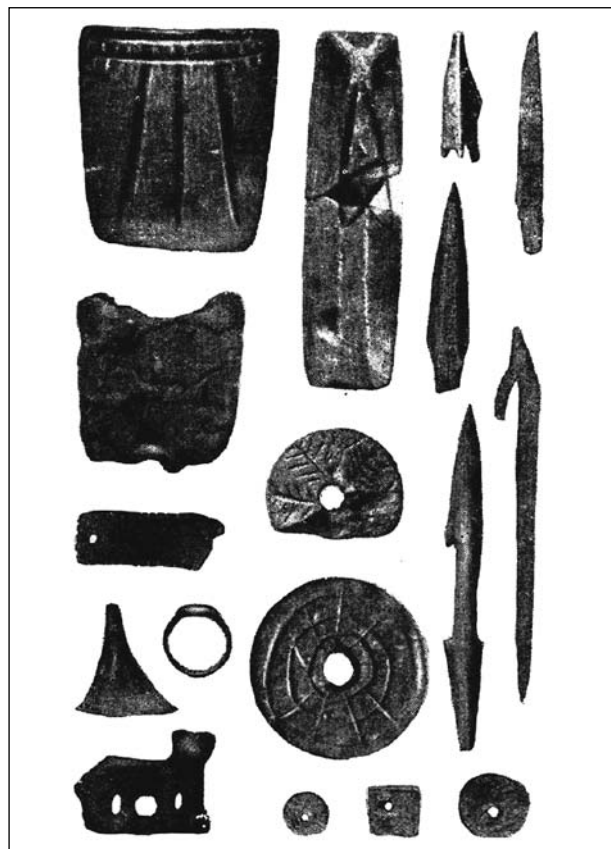

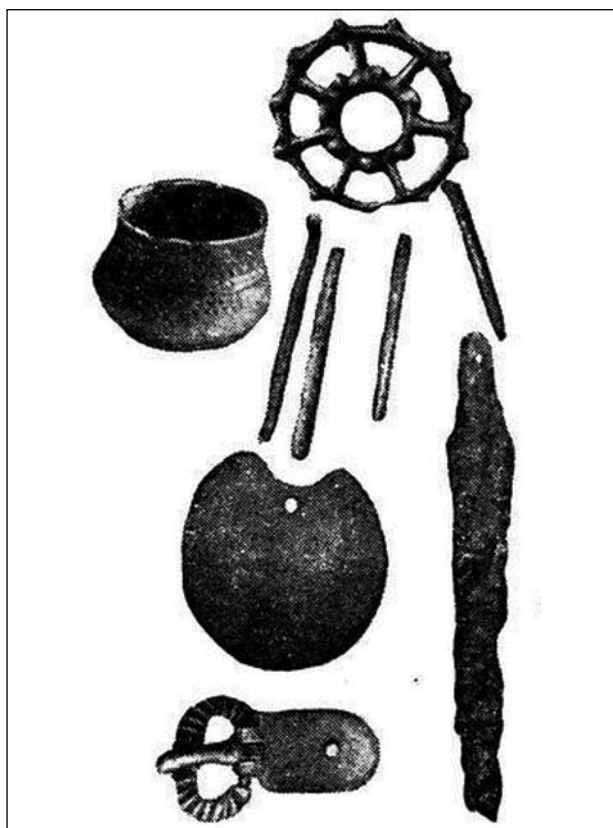
■ Рис 57. Е. М. Берс.
Реконструкция землянки на Верхней Макуше

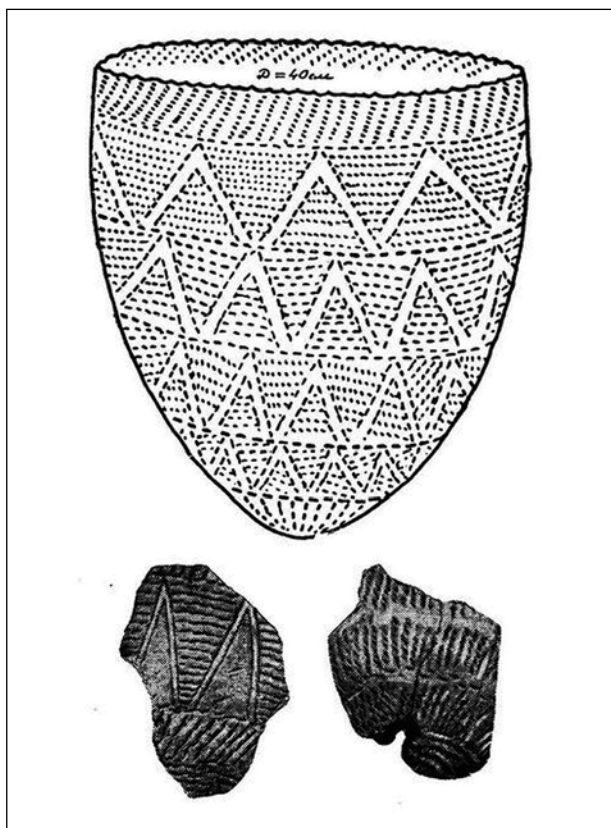
■ Рис 58. Е. М. Берс. Реконструкция одного из жилищ на горе Маленькой в Палкино

■ Рис 59. Е. М. Берс.
Вещи, типичные для исетской культуры

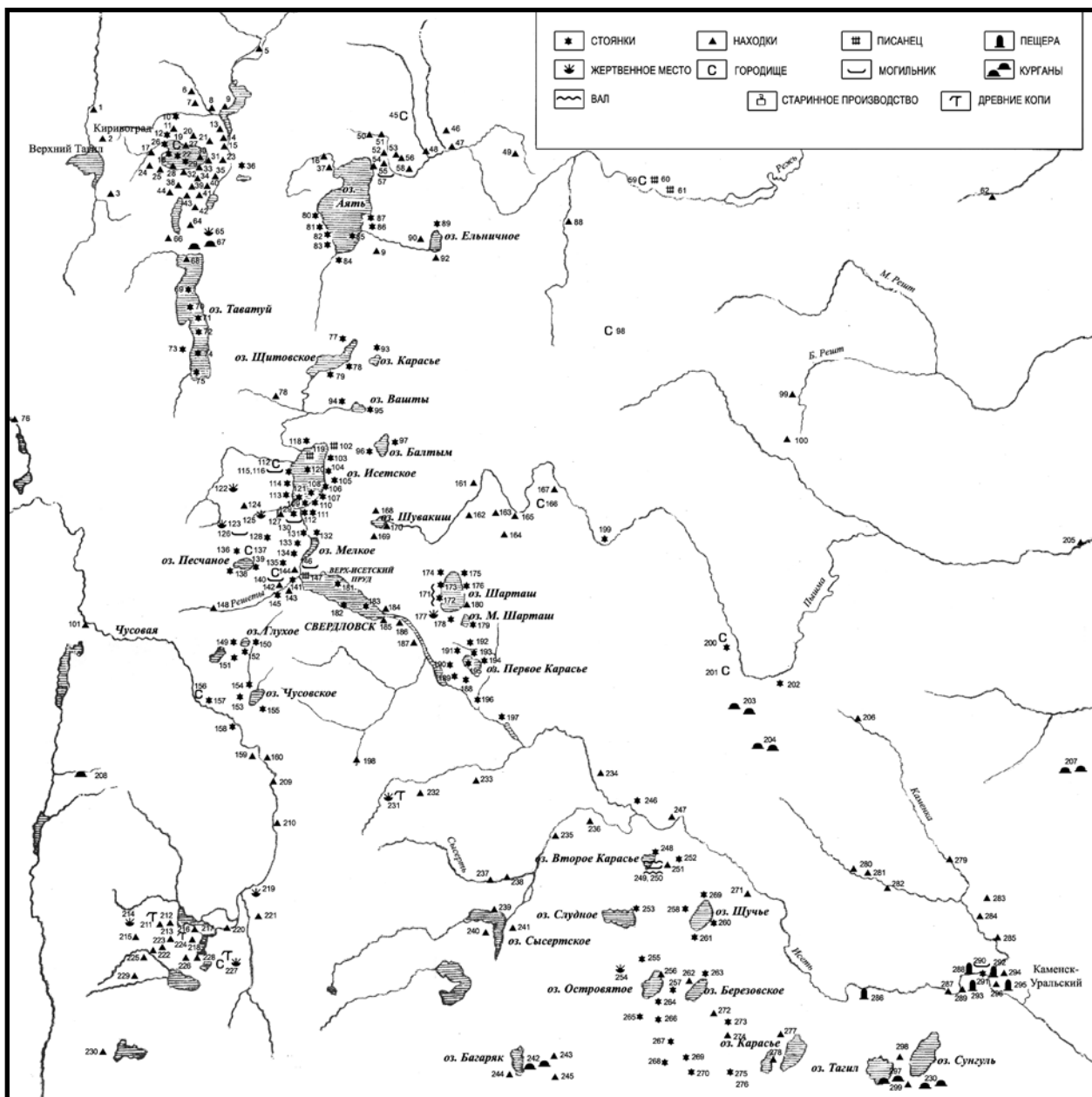

■ Рис 60. Е. М. Берс.
Вещи из погребений IV-V века на Аяти

■ Рис 61. Е. М. Берс. Керамика шигирской культуры эпохи неолита с правобережной Аятской стоянки

■ Рис 62. Археологическая карта города Свердловска и его окрестностей. Е. М. Берс.

Супружество с человеком, подвергнутым опале, не могло не стать для Елизаветы Михайловны препятствием для ее реализации в качестве серьезного ученого при советской власти. Однако это не смогло заставить ее отказаться от продолжения дела своего мужа. В предвоенные и военные годы Е. М. Берс работала в различных учреждениях Екатеринбурга: работала в кабинете археологии Уральского университета, участвовала в научной обработке архива Уральского общества любителей естествознания в Государственном архиве Свердловской области и выполняла работу по научному описанию археологических коллекций Свердловского краеведческого музея¹⁰⁰. А после войны началось ее становление в качестве самостоятельного исследователя.

Еще с 1947 и 1948 годов Берс проводит свои первые археологические исследования в качестве

самостоятельного руководителя экспедиции СОКМ в бассейнах рек Пышмы и Исети. В 1949 году она участвует в качестве руководителя в экспедиции Уральского государственного университета и проводит раскопки поселений различных эпох — от неолита до раннего железного века, располагающихся в окрестностях Екатеринбурга и не подвергавшихся до этого серьезным исследованиям. В 1949 году Елизавета Михайловна проводит разведки в окрестностях города Полевского, на западном берегу Исетского озера и на горе Думной; в 1950 году исследует поселения раннего железного века на горе Маленькой (поселок Палкино). С 1950 по 1952 годы она занимается раскопками поселений на Верхней и Нижней Макуше, а в 1955 исследует поселения Новая I, II и III. В 1957 году Е. М. Берс было исследовано и реконструировано древнее металлургическое производство

на горе Петрогром, а в 1959 — жилища из поселения на Аяти и Шайдурихинское укрепленное жилище¹⁰¹. Берс описала несколько новых археологических культур (аятскую, гамаюнскую и исетскую) и реконструировала процесс обработки металла на горе Думной и внешний вид жилищ на поселениях от неолита до раннего железного веков¹⁰².

«Авторский стиль» работы Берс заключался в сочетании полевых исследований археологических памятников широкими площадями с последующей реконструкцией отдельного археологического объекта, производственного процесса или ритуала. Результаты такого подхода нередко расходились с официальной археологической научной теорией того времени, что привело к недооценке ее вклада в изучение древней истории горнолесного Зауралья¹⁰³. Тот труд, который она проделала, не оценить просто невозможно — хотя не всегда ее реконструкции были адекватными.

В 1947 году вышла первая научная публикация Е. М. Берс — «Археологические памятники г. Свердловска и его окрестностей» (в сборнике «Материалы 1-й научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1947»). В 1951 году вышла сводка Елизаветы Михайловны по материалам раскопок, которые она проводила — «Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей» — первая часть ее предполагаемой работы «Археологическая карта Восточного склона Урала». Уникальность этой работы состояла в том, что в ней был представлен список большинства известных на тот момент археологических памятников и находок, с указаниями местоположения, сведениями о материале и источнике информации о памятнике¹⁰⁴. Фактически, на тот момент это была вторая подобная, после неизданной карты Толмачева (исключая «Материалы...» Рыжниковой), карта археологических объектов в районе Екатеринбурга.

При работе над составлением карты исследовательница изучила материалы, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области, коллекции Государственного Исторического, Свердловского краеведческого и Шадринского музеев, Музея Сысертского завода. Она знакомилась с записями в музейных книгах поступлений, где часто фиксировались дополнительные сведения о памятниках, использовала сведения из каталога Музея УОЛЕ 1898 года. Берс опиралась на сведения из писем О. Е. Клера и М. О. Клера и включала в свою работу информацию, полученную ей из ее личных бесед с Н. А. Рыжниковым¹⁰⁵. Елизавета Михайловна также обобщила материал научных публикаций второй половины XIX — первой половины XX вв., посвященных вопросам археологии Урала, использовала материалы собственных археологических исследований и раскопок К. В. Сальникова¹⁰⁶.

Стремясь расширить исследуемый материал, Берс также подготовила в качестве продолжения «Археологическую карту междуречья Исети и Миасса» — но эта работа не была опубликована и сохранилась только в рукописи в личном архиве исследовательницы¹⁰⁷.

В совокупности обе подготовленные карты Берс включили 680 археологических памятников, выявленных на достаточно ограниченной территории Зауралья, что было существенно больше количества памятников, зафиксированных на этой же территории В. Я. Толмачевым¹⁰⁸.

В 1954 году выходит впоследствии дополненная и переизданная (в 1963 году) работа «Археологические памятники Свердловска и его окрестностей», несмотря на небольшие неточности не потерявшая своей актуальности как путеводитель для археологов-исследователей и всех интересующихся историей родного края и по сей день. В «Археологических памятниках...» в доступной для читателя форме излагалась предложенная Е. М. Берс концепция происхождения и развития на Урале археологических культур от неолита до средневековья и описывались основные, наиболее яркие памятники, открытые ею и другими исследователями в окрестностях Екатеринбурга на момент написания книги¹⁰⁹.

С начала 1960-х гг. под давлением В. Ф. Генинга Елизавета Михайловна была вынуждена покинуть УрГУ и переехать в Новосибирск. По инициативе академика А. П. Окладникова она была привлечена к работе в Новосибирском Институте и проводила археологические исследования в Горном Алтае. В 1960-х гг. она руководила полевой археологической практикой студентов гуманитарного университета НГУ, осуществляла научное руководство для студентов университета, проводила картографирование местонахождений и съемку петроглифов. Берс щедро делилась опытом со многими молодыми учеными и студентами, многие археологи, прошедшие полевую школу Е. М. Берс и обучавшиеся в Новосибирском университете в 1960-х гг., считают ее своим первым учителем¹¹⁰.

Археологические коллекции из раскопанных Е. М. Берс памятников, в настоящее время хранящиеся в фондах СОКМ, составляя значительную их часть, а ряд проблем древней истории края, обозначенных в ее трудах, получили развитие в работах современных исследователей¹¹¹. Наверное, можно говорить о том, что без Е. М. Берс не было бы той уральской археологии, которую мы имеем сейчас, и не было бы известно большинства подробностей о жизни древних людей, которые на настоящий момент являются доступными каждому.

***

Четвертый период археологического изучения Урала начинается с конца 1950-х годов. Наряду с исследованиями сотрудников академических подразделений Москвы и Ленинграда (В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, К. Ф. Смирнов, Л. Я. Крижевская, Е. Е. Кузьмина, М. Г. Мошкова, Г. Н. Матюшин, Т. М. Потемкина, В. Ф. Старков) в работу по изучению края включились научные академические и вузовские коллективы Перми, Свердловска, Уфы, Ижевска, Сыктывкара, Челябинска. При Пермском университете талантливый организатор и ученый О. Н. Бадер создал научную школу, ученики которой: В. А. Оборин, В. Ф. Генинг, Г. И. Матвеева — впоследствии возглавили научные коллективы археологов Перми, Свердловска, Куйбышева¹¹². Кроме того, О. Н. Бадером в Пермской области исследуются стоянка имени Талицкого, грот Столбовой на р. Чусовой (палеолит), поселение Огурдино, стоянки Нижнее Адищево, Заозерье, Барская Пристань (мезолит), стоянки Боровое Озеро I жертвенное место у камня Писанного на р. Вишере (неолит), Турбинский могильник (эпоха бронзы), могильник и поселение Скородум (ранний железный век), Неволинский могильник (эпоха средневековья). Им активно изучались древности

■ Рис 63. Рисунки в Каповой пещере

■ Рис 63. Рисунки в Игнatieвской пещере

■ Рис 64. Владимир Федорович Генинг

эпохи энеолита (гаринская, борская культуры), которые были объединены в Турбинскую этнокультурную область. О. Н. Бадером введены в научный оборот выразительные памятники мезолита (камская мезолитическая культура) и неолита (камская неолитическая культура) Среднего Приуралья¹¹³.

Активно включились в археологические исследования музеи Урала: Нижнетагильский, Свердловский краеведческий. С 1950-х в районах крупных новостроек Урала работают отряды Камской, а с 1960-х — Уральской археологической экспедиций. Координирующим центром уральской археологии с 1947 года являются Уральские археологические совещания, проводимые в различных городах региона¹¹⁴.

■ Рис 65. Отто Николаевич Бадер

В 1961 году в Свердловске по инициативе крупного археолога Владимира Федоровича Генинга начинает действовать Уральская археологическая экспедиция, которой был накоплен, систематизирован и частично введен в оборот обширный материал, характеризующий хозяйственную деятельность, быт и культуру коренного населения края в эпоху бронзы и железа. В 1961 году экспедиция работала по берегам Исети под руководством В. Е. Стоянова. В этом же году под руководством В. Ф. Генинга на историческом факультете УрГУ стала осуществляться специализация по археологии и начинается периодический выпуск сборника научных статей «Вопросы археологии Урала»¹¹⁵.

В 1968 году в УрГУ была открыта хоздоговорная научно-исследовательская археологическая лаборатория, в настоящее время действующая как Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория. В ее состав входит архив полевой и отчетной документации, рукописные научные работы и фонды археологических коллекций¹¹⁶.

Большой отряд исследователей приступил к сплошному археологическому изучению края. Новый фактический материал, применение комплексных методов исследований (естественнонаучных, статистических, трасологического и экспериментального) позволили, с одной стороны, поставить ряд важнейших проблем древней истории Урала, с другой, привели к различным точкам зрения на их разрешение¹¹⁷.

Изменяется направление исследований. От широких хронологических и региональных обобщений ученые переходят к проблемным исследованиям и углубленному изучению материала по эпохам, периодам, отдельным археологическим культурам и историко-культурным общностям.

Самым значительным событием 1950–80-х в изучении палеолита было открытие верхнепалеолитических святилищ с росписями в Каповой (О. Н. Бадер, В. Е. Щелинский) и Игнatieвской (В. Т. Петрин) пещерах. Открытие имело общемировое значение, т. к. до 1950-х на нашей планете было известно лишь два района с остатками палеолитических фресок — на юго-западе Европы и в Австралии. Кроме того, В. Т. Пертиным на Урале был обнаружен и исследован ряд памятников и древних наскальных изображений

■ Рис 66. Валерий Трофимович Петрин

■ Рис 67. Галина Викторовна Бельтикова

■ Рис 68. Вячеслав Михайлович Морозов

на мысе Еловом, в низовьях реки Ай, на реке Серге и в ряде пещер и гротов, которые в дальнейшем были описаны в публикациях исследователя¹¹⁸. Работы В. И. Канивца и Б. И. Гуслицера на Северном Урале (стоянка Бызовая, Медвежья пещера), П. Ю. Павлова и А. Ф. Мельничука в Среднем Приуралье (местонахождения Слудка, Сосновское II, Ельники II, Ганичата I и II, Гарчи I), Г. Н. Матюшина (стоянка Мысовая) и В. Н. Широкова (стоянка Богдановка) на юге края значительно увеличили число открытых палеолитических памятников. Время заселения Урала удревняется до 200 тыс. лет. Появились возможности изучения древней истории края по периодам раннего, среднего и верхнего палеолита¹¹⁹.

В 1950–60-е годы памятники эпохи мезолита были выявлены по всему Уралу: на юге края (Г. Н. Матюшин), в Северном Приуралье (В. И. Канивец, Г. М. Буров, В. Е. Лузгин, А. В. Волокитин), в Среднем Зауралье (Ю. Б. Сериков). Раскопки Висского I и Кокшаровско-Юрьинского торфяников (Ю. Б. Сериков) дали уникальные коллекции деревянных и костяных изделий: луков, стрел, копий, фрагменты лыж, саней, весел, лодок и пр. На их основе возможно воссоздать способы ведения охоты и рыболовства древнего нас. Учеными выделен ряд мезолитических культур, отличающихся характером кремневой индустрии и имеющих неодинаковый генезис. Успехи в изучении палеолита Урала привели большинство исследователей к выводу о его важной роли в сложении местных мезолитических культур¹²⁰.

В 1950–60-е в изучении памятников эпохи неолита наибольшее распространение получила точка зрения о том, что уральское население этого периода составляло крупные историко-культурные общности: камскую в Приуралье (О. Н. Бадер), южно-уральскую (Л. Я. Крижевская), а зауральскую составляла единое целое с западно-сибирским населением (А. П. Окладников, К. В. Сальников, В. Н. Чернецов). В 1970–80-е на основе анализа эталонных памятников: Хуторской стоянки (В. П. Денисов, А. Ф. Мельничук) в Приуралье, Евстюхи I (А. И. Россадович), Ташково I (В. Т. Ковалева), Дуванского V (В. И. Стефанов), Исетского Правобережного I (В. Ф. Кернер) в Зауралье были пересмотрены периодизация и локализация неолитических культур края. В Приуралье выделена волго-камская культурная общность с двучленной периодизацией (О. Н. Бадер). Историю зауральского неолитического населения В. Т. Ковалева представила в виде развития двух линий культур: автохтонной (козловская и полуденская) и мигрирующей с юга (кошкинская и боборыкинская культуры). Появилась

источниковая и теоретическая база для анализа духовного мира неолитического населения края (В. Т. Ковалева). В тесном контакте с палеонологами и геологами изучаются формы хозяйствования неолитического нас. Зауралья (В. Ф. Кернер, Н. А. Алексашенко)¹²¹. Археологические исследования в Среднем Зауралье А. Я. Брюсова и В. М. Раушенбах дали основание для выделения двух самостоятельных археологических культур: Горбуновской (сер. 3 – кон. 2 тыс. до н. э.) — эпохи развитого неолита и бронзы, и III. к. (5–4 тыс. до н. э.) — эпохи мезолита и раннего неолита¹²².

Заметными особенностями археологических исследований по эпохе энеолита на Урале в 1960 – начале 90-х годов было расширение районов исследований, особенно в лесной и северотаежной зонах и выделение здесь новых археологических культур.

Огромным успехом археологии бронзового века было выделение комплекса памятников типа Синташта, Аркаим, Устье и памятников петровской культуры, в развитии которых ученые усматривают ранние этапы этногенеза народов индоиранской языковой группы на стадии их становления и начала передвижения на новую родину (Передняя Азия, Индостан)¹²³.

В 1960–80-е значительно пополнилась источниковая база, характеризующая ранний железный век края. При изучении памятников первого периода (VII–III вв. до н. э.) расширены границы ананьинской культуры Прикамья (А. Х. Халиков); обоснован генезис и развитие гамаюнской археологической культуры Зауралья (В. А. Борзунов)¹²⁴. В работах Г. В. Бельтиковой были выделены и изучены 7 гнезд иткульской металлоносной культуры, население которой снабжало металлом Приуралье и оружием савроматских кочевников¹²⁵.

Второй этап раннего железного века (II в. до н. э. – II–V вв. н. э.) представлен В. Ф. Генингом для Приуралья как развитие ряда культур в составе пьяноборской общности. По мнению Р. Д. Голдиной, ананьинская финно-пермская общность в этот период преобразовалась в две провинции: южную пьяноборскую и северную — гляденовскую с двумя локальными вариантами. Хронологические рамки бытования этих общностей расширены до V в. н. э.¹²⁶.

Исследования памятников лесного и лесостепного Зауралья выявили в лесной полосе автохтонную линию развития с кашинским типом памятников (В. Д. Викторова) и миграционные процессы групп населения с синдейским типом памятников на юг. С IV в. до н. э. началось продвижение западносибирских саргатских племен в уральскую лесостепь (Л. Н. Корякова)¹²⁷.

■ Рис 69. Владимир Николаевич Широков

■ Рис 70. Сергей Евгеньевич Чаиркин

■ Рис 71. Юрий Борисович Сериков

■ Рис 72. Валентина Трофимовна Ковалева

■ Рис 73. Валентина Фридриховна Кернер

■ Рис 74. Любовь Львовна Косинская

Огромный вклад в изучение археологии Зауралья и Западной Сибири внес выдающийся ученый-археолог, работавший в проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрГУ, кандидат исторических наук Вячеслав Михайлович Морозов. Основными направлениями его работы были исследования в Северном Зауралье и Нижнем Приобье, изучение средневековых укрепленных поселений, могильников, памятников позднего железного века и археологических культур горно-лесного Урала и Западной Сибири. Вячеслав Михайлович проводил исследования на горе Петрогром, Барсовой горе, Кырманских скалах, ряде известных археологических памятниках Урала. Вячеслав Михайлович являлся автором более 150 научных работ¹²⁸, написал более десятка статей для Уральской исторической энциклопедии и занимался активными археологическими исследованиями на территории Зауралья и Западной Сибири.

В работах В. Е. Стоянова установлена периодизация и ареалы развития населения лесостепного Зауралья и Западной Сибири в эпоху раннего железного века, дана характеристика его социально-экономической организации¹²⁹.

Основные проблемы, разрабатываемые в 1960–90-х археологами по материалам позднего железного века, — место Урала в Великом переселении народов и сложение этнических образований, существующих и в наше время¹³⁰.

В настоящее время в Екатеринбурге археологическими исследованиями на территории Среднего Урала занимаются сотрудники Института истории и археологии УрО РАН, исторического факультета Уральского Федерального Университета и Свердловского областного краеведческого музея.

Изучение эпохи палеолита и исследования в области настенного пещерного и наскального искусства

Урала осуществляют научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН Владимир Николаевич Широков и главный специалист отдела археологических исследований Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области Сергей Евгеньевич Чаиркин. Владимир Николаевич Широков является соруководителем и руководителем ряда археологических экспедиций на территории Урала, участником открытий и исследований многих палеолитических памятников (в том числе изображений в Игнatieвской и Серпиевской 2 пещерах, среднепалеолитической стоянки Богдановка, верхнепалеолитической стоянки в гроте Бобылек, пунктов с наскальными рисунками голоценового возраста), автором более 30 публикаций¹³¹. Сергей Евгеньевич Чаиркин является постоянным участником исследовательских экспедиций и автором открытий ряда археологических памятников, в том числе писаницы у деревни Устьянчики. Под авторством В. Н. Широкова и С. Н. Чаиркина вышли работы «Шайтанская и Северская писаницы на Среднем Урале» (Свердловск, 1990), «Уральские писаницы. Река Нейва» (Екатеринбург, 2000) и «Писаница Старичная (река Нейва, Средний Урал)» (в сборнике «Охранные археологические исследования на Среднем Урале», вып. 1).

Существенный вклад в изучение палеолита и мезолита Зауралья внес профессор кафедры истории, теории и методики обучения Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии Юрий Борисович Сериков, выделивший среднезауральскую археологическую культуру и являющийся автором ряда работ, посвященным палеолиту и мезолиту Зауралья¹³².

Вопросы развития человека на Урале в эпохи мезолита-неолита получили свое освещение в трудах доцентов кафедры археологии и этнологии института

■ Рис 75. Наталья Анатольевна Алексахенко

■ Рис 76. Светлана Николаевна Савченко

■ Рис 77. Валентина Дмитриевна Викторова

■ Рис 78. Александр Федорович Шорин

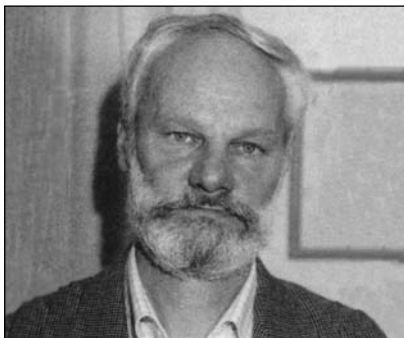
■ Рис 79. Наталья Михайловна Чайкина

■ Рис 80. Светлана Николаевна Панина

■ Рис 81. Виктор Александрович Борзунов

■ Рис 82. Владимир Иванович Стефанов

■ Рис 83. Ольга Николаевна Корочкова

гуманитарных наук и искусств УрФУ Валентины Трофимовны Ковалевой и Любови Львовны Косинской, научного сотрудника Отдела археологии и этнографии ИИиА УрО РАН Валентины Фридриховны Кернер и старшего научного сотрудника ИИиА УрО РАН Натальи Анатольевны Алексахенко.

Валентина Трофимовна Ковалева представила историю развития зауральского неолитического населения в виде двух линий культур: автохтонной (козловская и полуденская) и мигрирующей с юга (кошкинская и боборыкинская культуры), в результате исследований памятников раннего бронзового века выделила ташковскую культуру в лесостепной зоне Урала. Валентина Трофимовна является руководителем ежегодных раскопок на территориях Свердловской, Тюменской и Курганской областей, результаты ее исследований представлены в около сотни ее публикаций¹³³.

Любовь Львовна Косинская открыла более 50 археологических памятников в бассейне Выгедды и более 100 памятников в бассейнах Пура и Средней Оби, исследовала раскопками около 30 памятников каменного, бронзового, раннего железного веков

и эпохи средневековья. К сфере ее научных интересов относятся: каменный век Северной Евразии; неолит Урала и Западной Сибири; проблемы их заселения и освоения; методы анализа и интерпретации археологических источников; проблемы этно- и культурогенеза народов уральской языковой семьи. По результатам исследований Любовь Львовна опубликовала около 100 научных работ¹³⁴), несколько научно-популярных статей, а также принимала участие в подготовке «Уральской исторической энциклопедии».

Валентина Фридриховна Кернер разрабатывала вопросы развития духовной культуры древних и современных обществ и изучение форм хозяйствования неолитического населения Урала, обнаружила и исследовала археологический памятник поселение Исетское Правобережное I, принимала участие в ряде научно-исследовательских проектов. Ее исследования нашли отражение в более чем 30 публикациях¹³⁵.

Наталья Анатольевна Алексахенко исследовала истоки горного дела на Урале, занимается изучением форм и функций орудий из камня, принимала участие в разведочном обследовании на озерах Вагильский Туман, Аргази, Большое и Малое Миассово,

Андреевское, реках Лозьва, Сосьва, Исеть, Синташта, Урал, Иртыш, в 1966 году совместно с В. А. Овчинниковым открыла комплекс памятников Черноозерье. Наталья Анатольевна является автором свыше 50 научных работ и учебных пособий¹³⁶.

Вопросы духовной культуры населения Зауралья эпохи неолита по материалам находок в шигирском торфянике рассматриваются в работах старшего научного сотрудника отдела Древней истории народов Урала Свердловского Областного краеведческого музея Светланы Николаевны Савченко.

Старший научный сотрудник сектора Каменного века и археологического источниковедения ИИиА УрО РАН Валентина Дмитриевна Викторова с 1960 по 1980-е годы занималась изучением древней истории Зауралья и методологией археологических исследований, а с 1980-х годов — духовной культурой ранних обществ Урала. Она является автором более 80 научных работ¹³⁷, а также 32 статей в Уральской исторической энциклопедии.

Главный научный сотрудник, председатель Аттестационной комиссии и начальник археолого-этнографической экспедиции ИИиА УрО РАН Александр Федорович Шорин разрабатывает проблемы культурогенеза древних народов Урала и сопредельных территорий в эпохи энеолита — бронзового века (III-II тыс. до н.э.), роли Урала как важного и самостоятельного очага культурогенеза древних народов в североазиатском регионе, исследует особенности развития погребального обряда и культовых комплексов древних коллективов Урала в эпохи неолита-энеолита. За время своей научной деятельности Александр Федорович написал свыше 120 научных работ¹³⁸. Александр Федорович является редактором и членом редколлегии ряда научных изданий и сотрудничает с ИА РАН; ИАиЭ СО РАН; УрГУ; УрГПУ, Институтом экологии растений и животных УрО РАН, в область его интересов входят также антропология, этнография, лингвистика и религиоведение.

Заведующая сектором каменного века и археологического источниковедения Чаиркина Наталья Михайловна изучает торфяниковые памятники, культурно-исторические процессы, хозяйственные комплексы и духовную культуру на Урале эпохи энеолита. Наталья Михайловна предложила свою версию модели эпохи энеолита Среднего Зауралья, обосновала специфику новых типов керамики и археологических памятников. Она являлась руководителем научно-исследовательского проекта по гранту РГНФ «Древности Шигирского торфяника: палеогеографический и культурно-исторический аспект» (2000–2002), а также состоит в Европейской археологической ассоциации (ЕАА) и Международной ассоциации археологов, исследующих торфяниковые памятники (WARP). Является автором ряда научных работ¹³⁹.

Ведущий научный сотрудник Центра археологических исследований Центра классического образования Уральского федерального университета, кандидат исторических наук Виктор Александрович Борзунов исследовал особенности гамаюнской культуры конца бронзового — начала железного века, занимается изучением вопросов генезиса и функционирования постоянных поселений и первгородов Зауралья и Западной Сибири, в 1996 году проводил раскопки на разрушающемся археологическом памятнике стоянке Коптяки III¹⁴⁰. Является автором более десятка публикаций¹⁴¹, в том числе монографии «Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура)» (Екатеринбург, 1992).

Доктор исторических наук Ольга Николаевна Корочкова Принимала участие в работе хоздоговорных экспедиций ИА в Краснодарском (1981) и Ставропольском крае (1985). Работала начальником экспедиций на территории Свердловской, Тюменской, Челябинской, Курганской, Омской областях, в ХМАО–Югре. Ее приоритетные научные интересы в области бронзового века реализованы в печатных работах различного ранга, в том числе 4 монографиях (3 коллективные)¹⁴², статьях в отечественных и зарубежных журналах¹⁴³. Особое место в деятельности Ольги Николаевны занимает музейное направление. О. Н. Корочкова — руководитель 7 грантов РГНФ, 2 грантов РФФИ, 3 грантов Министерства образования, программы Интеграция.

Заведующая отделом Древней истории народов Урала Свердловского Областного краеведческого музея Светлана Николаевна Панина проводит ежегодные полевые исследования в Свердловской области и пишет статьи («Археологические выставки: прошлое — сегодня», ТГИМ, вып. 113; «Культовые предметы на поселении и в интерьере жилищ бархатовской культуры в горно-степном Зауралье: (эпоха бронзы)» и др.)

Многочисленные исследования на территории Зауралья и Западной Сибири проводит заведующий Лабораторией Археологических Исследований (ПНИ-АЛ) УрФУ Владимир Иванович Стефанов. Под его руководством проходили исследования таких знаменитых мест и памятников как Чусовское озеро, Исетское озеро, остров Макуша, Шайтанское озеро. Владимир Иванович подробно занимался изучением проблемы становления и развития культур в эпоху бронзы Среднего Прииртышья, лесного Тоболо-Иртышья, Южного Урала и лесостепного Зауралья. Он принимал участие в многочисленных археологических исследованиях на территории Зауралья и Западной Сибири и является автором ряда научных работ и соавтором нескольких коллективных монографий¹⁴⁴.

Заведующая отделом Древней истории народов Урала Свердловского Областного краеведческого музея Светлана Николаевна Панина проводит ежегодные полевые исследования в Свердловской области и пишет статьи¹⁴⁵.

Н.А. РЫЖНИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГА

«МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ УРАЛА»

Текст «Материалов для археологической карты Урала» Рыжникова хранится в Государственном архиве Свердловской области в рукописном варианте. Ниже мы приводим сам текст «Материалов», сохраняя структуру текста, предложений и ссылки самого Н. А. Рыжникова. Встречающиеся в тексте сокращения раскрыты; имена, фамилии и географические названия приводятся в оригинале. Пунктуация современная.

Параллельно тексту размещены карты примерного расположения археологических памятников, которые исследовал Рыжников, с кратким описанием характера памятника и сделанных на нем находок.

СВЕДЕНИЯ О НАЛИЧИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА УРАЛЕ

1 октября 1924 — 30 сентября 1925

Материалы для археологической карты Урала.

*Посвящается памяти глубокоуважаемых
О. Е. Клер и М. В. Малахова — первых пионеров по
доисторической археологии Урала*

Н. А. Рыжников

Приступая к описанию местонахождений стоянок, селищ, городищ, жертвенников, курганов и других памятников доисторического человека каменного века эпохи неолита на восточном склоне Урала, известных мне как из моих исследований, так и из исследований других ученых археологов и любителей, то есть к составлению материалов для археологической карты Урала, я считаю необходимым привести здесь исторические справки из трудов О. Е. Клер и М. В. Малахова, первых пионеров по доисторической археологии Урала.

Заметки.

О некоторых доисторических предметах, найденных в Уральском крае.

О. Е. Клер.

*Записки Уральского Общества Любителей
Естествознания Т III, в. 2-й*

Каменный молоток, найденный в 1873 году около озера Карасьево, верстах в 12 к юго-востоку от Екатеринбурга, учеником Екатеринбургского реального училища И. Брюхановым.

Находка этого орудия имела немаловажные последствия для доисторической антропологии Урала: в числе молодых людей, обращавшихся в те же годы ко мне за разными справками по естественной истории и занимавшихся составлением коллекций для нашего музея, находился ученик Екатеринбургской гимназии М. В. Малахов. Он, вместе с С. Ю. Райнер, А. С. Сари и другими, сильно заинтересовался моими рассказами о Швейцарских палафитах и других исторических памятниках Западной Европы, тем

более, что находка одного предмета уже возбуждала надежду на отыскание других. Сохранилось предание о находке разных фигур и изделий, так называемых «чудских», около деревни Палкино и о том, что управляющим Верх-Исетскими заводами города Екатеринбурга некоторые из них отправлены в столицу, даже Московское Императорское общество испытателей природы: во инструкции, данной Л. П. Сабанееву во 1868 году, упоминалось об местности и о желании ее дальнейшего исследования.

Экскурсируя первый год на Урале Л. и П. Сабанеевы находили так много интересного по зоологии, а я по ботанике, что наше население деревни Палкиной, где узнали, что местные жители, копавшие так называемое городище и найденные нами еще медные вещи, давно не находили ничего, что не дало в этом отношении никаких результатов.

Малахов, Райнер, Сари и другие отправились в Палкино, принялись копать и в первый раз нашли несколько черепков узорчатых глиняной посуды, обломки обделанного кремня и каменный предмет вроде неотшлифованного долота, помощью которого удалось мне воспроизвести главный узор одного черепка. Следующий раз они прорыли канаву через городище и привезли множество вещей глиняных и каменных. Таково было начало исследований, произведенных с тех пор Малаховым во широких размерах по всему Уралу по поручению Императорского географического и нашего общества и заслуживших молодому ученому весьма почетную известность.¹¹²

Итак, этот молоток прямо и косвенно послужил к развитию (*развенчанию* — прим. ред.) мнения ученых (см. Аспелина), будто Зауралье лишено всяких следов каменного века.

Посмертные записки М. В. Малахова.

*Записки Уральского Общества Любителей
Естествознания. Т. XXVII. в. 5*

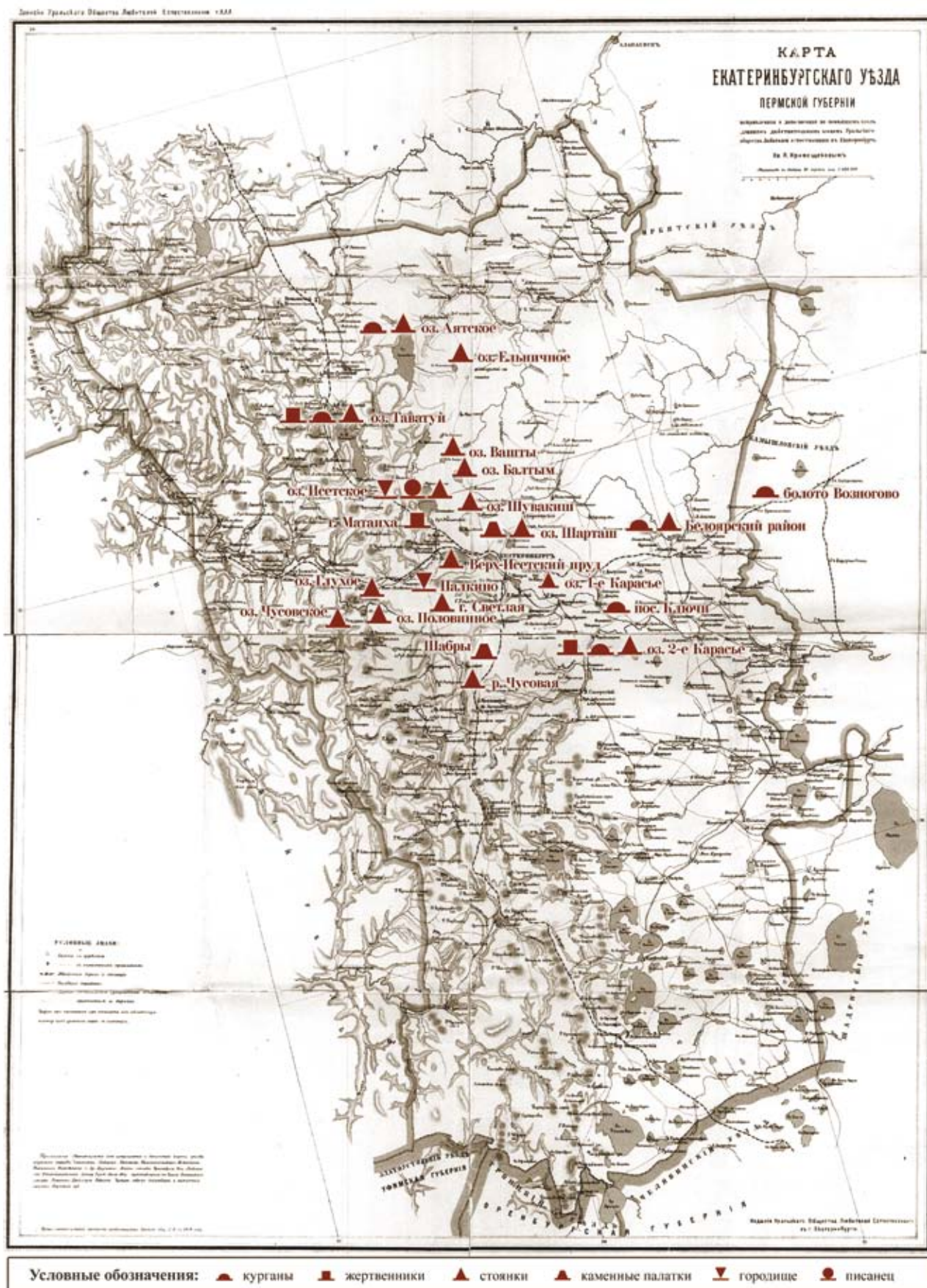
Уральский край в весьма недавнее время представлял полную загадку по отношению к доисторической археологии вообще, и в особенности относительно эпохи Каменного века.

Правда, что несколько случайно найденных при земляных работах остатков культуры — каменных доисторических орудий, обративших на себя внимание нашедших или по оригинальной форме, или по тщательности отделки, сделались достоянием музеев, но ни на одном из них не было ни точного обозначения местонахождения, ни тем более условий залегания. Обычное, лаконическое обозначение — «с Урала» или «из Чудских могил» Восточной России.

Только этой совершенной неизведанностью остатков Каменного века, отсутствием каких-либо положительных данных и объясняется мнение почтенного профессора Аспелина, высказавшегося в недавней своей статье за отсутствие каменного века на Урале. Так, он говорит, что древностей Каменного века не было найдено ни в Пермской губернии, ни в восточных частях Архангельской, вологодской и Вятской губерний. Поэтому эти страны, так же, как и вся западная Сибирь, кажется, по-видимому, не имели Каменной эпохи.¹¹³

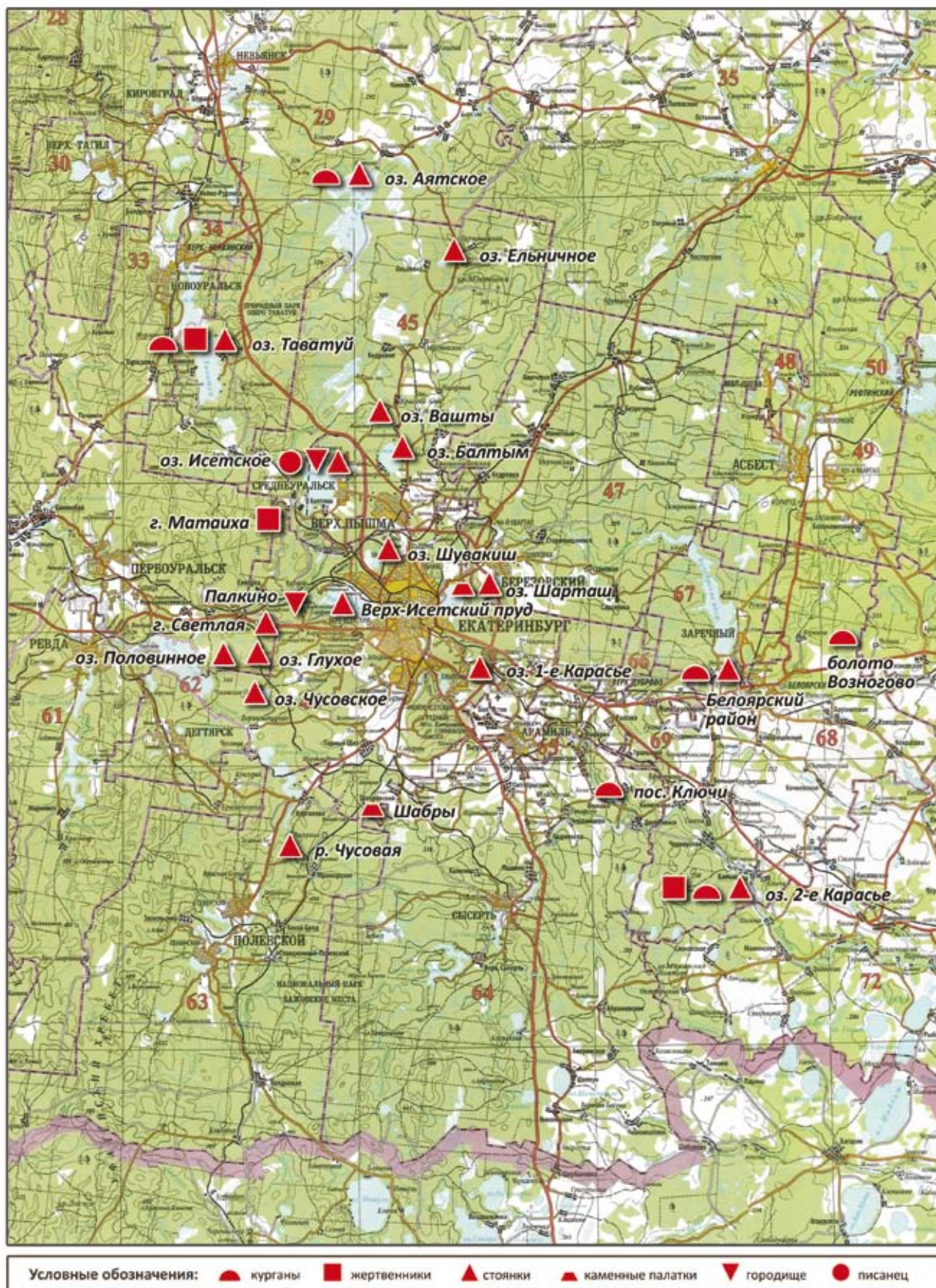
*М. Малахов
1881 года*

■ Рис 84. Карта Н.А. Рыжикова расположения археологических памятников в окрестностях Екатеринбурга. Составлена на основе карты Екатеринбургского уезда Пермской губернии И. Кривошевова, 1903 г.

■ Рис 85. Карта Н.А. Рыжникова расположения археологических памятников в окрестностях Екатеринбурга. Составлена на основе топонимической карты Екатеринбурга, 2010 г.

ОЗЕРА БОЛЬШОЙ И МАЛЫЙ ШАРТАШ, «ШАРТАШСКИЕ КАМЕННЫЕ ПАЛАТКИ» И ДРУГИЕ ПАЛАТКИ (КАМЕНОЛОМНИ) И БОЛОТО «ЧИСТОЕ»

1. Озеро Большой Шарташ находится в пяти верстах к Востоку от города Екатеринбурга. Почти по всему его западному берегу, ныне занятому дачами, с небольшими изгибами тянется искусственный вал, шириною до 6 аршин и вышиною до 3-х аршин, начинающийся у юго-западного залива, где оканчиваются дачи, и доходящий до села Шарташского. Вал этот состоит из крупных валунов гранита и суглинка — смеси растительного культурного слоя аллювиальных отложений, залегающего под растительным слоем. При раскопках этого вала на всю его глубину встречаются черепки, каменные орудия, кремни, кости и другие остатки доисторической культуры.

Посетившими Урал и Екатеринбург в 1897 году членами Геологического конгресса, осматривавшими и этот вал, было установлено, что он есть сооружение доисторического человека.

На моей памяти в конце 70-х и начале 80-х годов XIX столетия из озера Большой Шарташ, было три естественных истока: 1-й из юго-западной части озера, реки Каморка, впадающей в болото «Чистое» у южного склона «Шарташских каменных палаток». 2-й из западной части озера — подземный ручей — Земляной мост — и Суд речка, протекающая около горного института и впадающая в городское «Малаховское» болото (ключ), из которого и дальше идет исток в реки у Исеть; а 3-й из северной части озера в Калиновское болото, речку Калиновку и реку Пышму. Последний приходил по каналу, прокопанному в 1831 году для спуска воды из озера для добычи золота, в последствии засыпанному. Со спуском воды из озера через канаву на Березовские золотые промыслы, прокопанную в 1882–1883 году, эти испытание иссякли.

Стоянки доисторического человека Каменно-го века, эпохи неолита, открытые на озере Большой Шарташ в 1888–1889 годах Н. Рыжниковым, находятся в следующих местах:

1 Стоянка №1 находится на западном берегу на площади, где находится последняя дача (у залива) и где были «Медведевские избушки», и прости-ралась к северу до «Основинских избушек». Вся прибрежная площадь ее застроена дачами. Значи-тельная часть ее разрушена каменоломнями, сохра-нилась только южная часть — между каменоломня-ми и заливом, на которой остатки доисторической культуры залегают в поддерновом слое суглинки.

Здесь были найдены черепки, кремни и камен-ные орудия, которые и сохраняются в коллекции О. Е. Клер в музее УОЛЕ.

Из найденных здесь вещей обращают на себя внимание каменный молоток со сквозным окру-глым отверстием (втулкой) для насадки древка и обломки каменного цилиндра, — вероятно алмаз-ного бурения.

2 2-я стоянка доисторического человека нахо-дится на урочище «Рундук», на северо-западном

мысу, ныне занятом дачными постройками. При раскопках здесь были найдены черепки, кремни и каменные орудия.

При раскопках для сбора остатков доистори-ческой культуры, производимых здесь П. Н. За-мишинко в 1895–99 годах им собрано до 10 пудов разных вещей: черепков, каменных и костяных орудий, несколько мелких изделий из меди и два целых, небольших глиняных сосуда. Все вещи про-даны господину Гершойг в Одессу.

Сообщено П. Замишинко

3-я стоянка находится на мысу в западной ча-сти села Шарташского, где находится православ-ный храм, занятом постройками огородами. **3**

4-я стоянка находится в конце восточной ча-сти села Шарташского и также вся занята построй-ками огородами. **4**

Раскопок здесь я не производил, так как науч-ное значение стоянок утрачено. Сбор мною вещей, находимых при копках огородов, здесь производил местный купец Л. Е. Черных. Где находились со-бранные им вещи — неизвестно.

5-я стоянка — на урочище «Красная гора», на восточном берегу озера к югу от села Шарташского, занятом ныне дачами. **5**

Здесь при добыче золота в 1895–97 годах было собрано много остатков доисторической культу-ры, которые были скуплены у наемных рабочих Л. Е. Черных.

Никаких разведок и научных раскопок здесь не было.

В музее УОЛЕ имеется медный идол (от Н. Ф. Соболева), найденный у дачи Вагина (кажется на Красной горе), и от М. О. Клера — зуб молодого носорога, найденный на «Песках» на берегу озера Шарташ.

Н. Решетников

ОЗЕРО МАЛЫЙ ШАРТАШ

Озеро Малый Шарташ очень маленькое — 150×200 сажень, и так быстро зарастающее тор-фом, что возможно через 20–30 лет от него не оста-нется и следа, находится в двух верстах к югу от озера Большой Шарташ, в Мало-Шарташском тор-фяном болоте.

Стоянки доисторического человека каменно-го века найдены здесь Н. Рыжниковым в 1889 году в следующих местах:

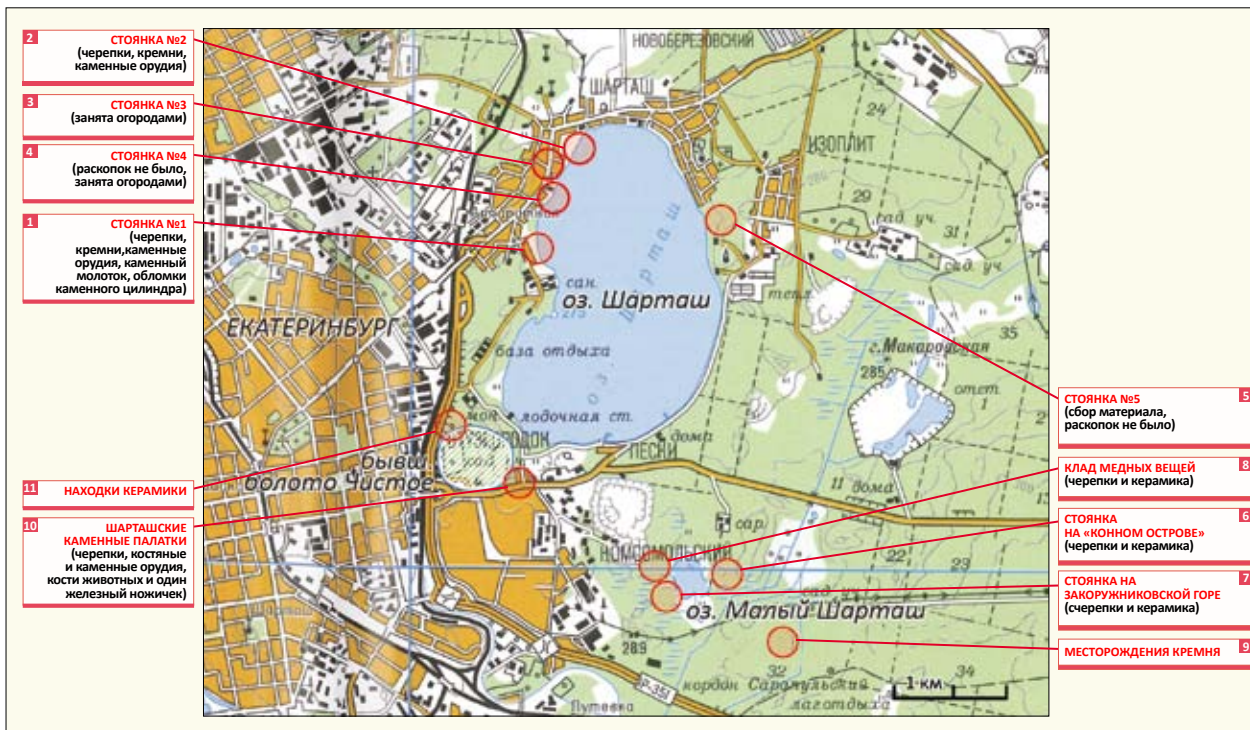
1-я стоянка на «Конном острове», находящем-ся к востоку от озера, на котором теперь находятся постройки торфяника. **6**

2-я стоянка находится на Закожурниковской горе (бывшая дача Закожурниковская), находящей-ся к западу от озера (старый берег озера). **7**

На этих стоянках мною были прорыты очень маленькие разведочные канавки, в которых мною было найдено немного черепков и кремней.

Саженьях в 40–50 от северо-восточного подно-жья Закоружниковской горы, в болоте, находится очень маленький островок, на вершине которого находится гранитная (пластовая) скала, подоб-ная «Шарташским каменным палаткам». Случай-но отворотив один из валунов у подножья скалы, я нашел целый клад медных вещей: наконечники стрел, ножи, бляхи-зеркала, колечки и прялки **8**

■ Рис 86. Раскопки в районе озера Шарташ, произведенные О. Е. Клером и Н. А. Рыжниковым в 1888–1890 годах.

и медные пластинки неопределенной формы и назначения, всего 9 ½ фунтов. Все вещи проданы Сержпутовскому.

9 Верстах в 2-х к юго-востоку от Малого Шарташского болота находится обильное месторождение кремня, суглинка роговика и кремнистого сланца, из которого доисторический насельник края добывал эти минералы для изготовления своих орудий и оружие.

Многочисленные острова Малого Шарташского болота и «старые» берега бывшего озера в археологическом отношении совершенно не исследованы, а несомненно что стоянки доисторического человека не единичны.

Н. Рыжников

ШАРТАШСКИЕ КАМЕННЫЕ ПАЛАТКИ

Шарташские каменные палатки находятся в 3-х верстах на восток от Екатеринбурга, к югу от дороги на озеро Большой Шарташ, на северном берегу болота «Чистого». Они очень подробно описаны О. Е. Клер, в его статье «Шарташские каменные палатки», потому что описывать их я не буду.

Здесь в 1888–89 годах мною были произведены небольшие раскопки и собраны остатки доисторической культуры: черепки, костяные и каменные орудия, кости животных и один железный ножичек кавказского происхождения. Все эти вещи находятся в «собрании» О. Е. Клера в музее УОЛЕ.

В 1890 году здесь были произведены раскопки для сбора вещей действительными членами УОЛЕ С. И. Сергеевым, Комес и другими лицами. А также В. Я. Толмачевым и Ю. П. Аргентовским. Все собранные нами вещи хранятся в музее УОЛЕ

БОЛОТО «ЧИСТОЕ»

Болото «Чистое» находится в 3-х верстах на восток от Екатеринбурга. Еще на моей памяти на северо-востоке, у подножья Шарташских Каменных Палаток, в него впадала река Каменка, вытекающая из озера Большой Шарташ. С северо-востока в него впадает Золотный приток (двумя рукавами) из Мало Шарташского болота. На юго-востоке, у Агафуровской дачи, из него вытекает речка Медвечиха, впадающая в болото, из которого вытекает речка «Гравец», впадающая в 1-е Карасье озеро (водный путь с реки Исети на верховье реки Пышмы)¹⁴.

На «старых» высоких горных берегах его, восточном и южном, ныне находятся каменоломни.

По сообщению старых рабочих каменоломней Авдея и Афанасия Кониковых, на всех этих каменоломнях в начале разработки их, т. е. при вскрытии пустой породы (наносных и гравиевых отложений), они находили очень много черепков, кремешков и разных «протравленных» (позеленевших) медяшек, которых по словам особенно много было собрано на «Абрамовских палатках» (первые каменоломни к югу от Шарташских Каменных Палаток на восточном берегу). По их указанию я нашел здесь значительные остатки доисторической культуры — черепки и кремни, но разведки и раскопок не делал: места уже изрезаны да и время «не хватало».

Братья Кониковы Авдей и Афанасий проработали на каменоломнях 1-й — 70 с лишком лет, а второй около 60 лет и умерли в возрасте (*далее неразборчиво — прим.ред.*). Оба хорошо помнили Наполеоновские войны. Они были моими соседями с моего рождения и знали, какие черепки и медяшки я собирал.

ИСЕТСКОЕ ОЗЕРО

Исетское озеро находится в 18 верстах на северо-запад от Екатеринбурга и в 1 ½ верстах от станции Исеть Уральской Горнозаводской железной дороги.

Водная площадь озера достигает 35 квадратных верст.

Из него берет свое начало река Исеть, при истоке которой устроена небольшая плотина, благодаря которой вода в озере поднимается до 3 аршин выше уровня реки Исети.

Питается озеро бесчисленными ключами и водами впадающих в него речек: Молебки, вытекающей из Молебского болота, из которого также берет свое начало (исток) и река Пышма, Черемшанским, Шитовским Истоком (18-верстный приток из Шитовского озера), Черной Кедровкой и другими.

Почти половина берегов озера болотистые, твердые горные берега его на значительном расстоянии размыты водами его, уровень которых почти все время поддерживается плотиной на два аршина выше уровня реки Исети.

Стоянки доисторического человека каменного века, эпохи неолита, были открыты на островах Исетского озера М. В. Малаховым, С. Раунер, А. Сари, производящими научные исследование Урала под руководством и указаниями О. Е. Клер в 1876 году.

По поручению Императорского Географического Общества в 1881 году на островах «Красеньком», «Силовецких», «Еловом» и «Липовом» (он же мыс Палатки) были произведены небольшие научные раскопки М. В. Малаховым. Собранный научный материал поступил в Императорское Географическое Общество.

В 1888–89 годах действительные члены УОЛЕ Сергей Иванович Сергеев, А. И. Геккель, Вавилов Комес производили археологические исследование на берегах и островах Исетского озера, причем ими собрано небольшое количество остатков доисторической культуры каменного века: черепков, каменных орудий и проч., которые и переданы в музей УОЛЕ, где и хранятся под общим названием «С островов Исетского озера».

В 1890 году по поручению и на средства, данные владельцем Верх-Исетских заводов графом Стенбок-Фермор, были произведены О. Е. Клер и Н. А. Рыжниковым и 4 рабочими научные раскопки и разведки стоянок, жертвенников и других памятников доисторической культуры эпохи неолита, находящихся на берегах и островах Исетского озера, а также и на горах в окрестностях его, продолжавшиеся с 15 июня по 20 сентября 1890 года.

Этими раскопками и разведками было установлено, что, помимо ряда более или менее больших стоянок доисторического человека, занимавших большие площади, существовали еще отдельные жилища той же эпохи, следы которых, т. е. культурные остатки, встречаются по всему побережью озера.

На некоторых стоянках работы были очень незначительны, потому что берега озера были покрыты вековым лесом, настолько густым, что

даже пробраться через него стоило большого труда, вести же работы, даже и вырубивши лес, было невозможно из-за множества корневищ, густой сетью переплетающихся в культурном слое и суглинках.

За все время работ было собрано до 150 пудов разного рода остатков доисторической культуры эпохи неолита — фрагментов глиняных сосудов, изделий из глины, каменных орудий и проч., и очень немного изделий из меди и железа.

Следы обработки (плавки) меди найдены только на двух стоянках: на № 2 и 5.

Согласно распоряжения графа Стенбок-Фермор, управителем Верх-Исетского завода Ф. А. Фатеевым часть собранных находок, в количестве 25 пудов, была направлена в Петербург, в главное управление Верх-Исетских заводов. Несомненно, что для отсылки выбирались вещи более изящно отделанные или оригинальные.

Все же остальные находки были переданы в музей УОЛЕ, где и хранятся в полуобработанном виде: т. е. они реставрированы, классифицированы, размещены на щитах, но не описаны и не изданы. Вся работа по приведению в порядок этого собрания находок выполнил Н. Рыжников, под руководством и по указаниям О. Е. Клер. Дальнейшая работа — описание и издание — были отложены О. Е. Клер впредь до производства раскопок в торфянике у Листвяного острова 1-го Карасьего озера или же на Шигирском озере, дабы по результатам этих раскопок как послыжных — по залеганию (см. 1-е Карасье озеро) — иметь возможность выяснить относительную (периодическую) древность находок, так как изучение культурного слоя стоянок «этих и гравиевых отложений», т. е. островных и прибрежных, не дало положительных результатов для подобных выводов.

В 1900 году во время реставрации и общей обработки этой коллекции явилась необходимость производства дополнительных раскопок на наиболее интересных стоянках, которые на средства (50 рублей), данные УОЛЕ, были произведены Н. Рыжниковым, М. О. Клер и В. Я. Толмачевым.

При раскопках каменных орудий было найдено очень мало, они большей частью были собраны на песках размытых берегов, где также были собраны и значительная часть остатков маленьких тиглей.

В 1906 году, пользуясь засухой и обмелением Исетского озера, Н. Рыжников на обнаженных берегах его собрал большое количество каменных орудий, которые, за отказом УОЛЕ купить у него, он продал действительному члену УОЛЕ — Николаю Кирилловичу Минко в Челябинск.

Описание местонахождения стоянок я сохраняю здесь в том порядке, как это было сделано О. Е. Клер в 1890 году:

1. Стоянка «1 Коптяки» занимала площадь, занятую той же деревней Коптяки. Хотя по своему местоположению и большому количеству остатков доисторической культуры она и казалась интересной, но производить здесь научные раскопки было невозможно, потому что культурного слоя уже не было. Культурный слой сохранился только по берегу и северо-западному склону горы, к востоку

■ Рис 87. Раскопки в районе Исетского озера, произведенные О. Е. Клером и Н. А. Рыжниковым в 1890 году.

от деревни Коптяки, но при разведочных раскопках культурные остатки были редки, а вся местность покрыта густой зарослью леса, а потому спешить здесь с раскопками было не выгодно.

В общем здесь был произведен только незначительный сбор культурных остатков эпохи неолита, раскопок же не было.

13 2. Стоянка «2 Коптяки» находится на южном берегу к западу от деревни Коптяки на северном склоне горы, где построены дачные домики. Край гор, начинающийся у деревни Коптяки и оканчивающийся на западе мысом «Березовка», состоит из роговообманковых, глинистых сланцев и гранита.

Берег здесь хотя и не высокий — 3–4 аршина, но благодаря размыту его — обрывистый.

Раскопки велись на прибрежной полосе стоянки, на протяжении до склона вдоль всей площади стоянки, оканчивающейся на западе у выхода гранитов.

Раскопками здесь было обнаружено 14 землянок, глубиной 2 ½ аршина при квадрате пола 4×5 — 5×5 аршин, в которых были найдены очаги, сложенные из кусков гранита и сланцев, угли, черепки, кремни, кости и другие мелкие вещи.

За раскопкой этих ям, и вообще за условиями залегания культурных остатков наблюдал О. Е. Клер, все время ведущий дневник работ.

Из массы культурных остатков, найденных здесь, резко выделяется большое количество обломков маленьких тиглей, из тальковой глины с большой примесью талькового камня; остатки

глиняных сосудов с плоским дном, отличающихся своей формой, величиной, орнаментом и общим изяществом отделки, и иногда окрашенных черной блестящей краской (подражание древнегреческой чернолаковой посуде).

Медных вещей здесь найдена только (кажется) одна пластинка в виде ножа.

3. Стоянка «3 Коптяки» находится на этом же берегу, на урочище «Осиновка», к западу от стоянки «2 Коптяки», приблизительно в полуверсте на довольно пологом здесь берегу, значительная часть которого размыта.

Раскопки здесь велись также не широкой полосой, вдоль по берегу.

Раскопками обнаружена одна яма-землянка глубиной 2 ½ аршина и 4×5 аршина площади пола. В ней найден вполне сохранившийся очаг, сложенный из плиток гранита и роговообманкового сланца, с трубой из таких же камней, выведенный на поверхность. Около очага найдено небольшое гранитное «точило», черепки и осколки камней от орудий и другие вещи.

4. Стоянка «4 Коптяки» в урочище «Липовка» на восточном склоне мыса «Березовка» саженях в 350 к западу от стоянки № 3. Берег здесь обрывистый и подъезд к нему на лодке удобен только в маленькой бухте. Ввиду густой лесной заросли, раскопки здесь были небольшие. Культурный слой очень тонок и культурных остатков в нем было

очень мало, они находятся в суглинке, мощным слоем залегавшем под культурным слоем.

При раскопках собрано порядочное количество черепков, каменных орудий изящной работы и немного костей животных.

Ям-землянок найдено только две, очень неглубоких (до 1 ½ аршина), без очагов, с воронкообразными углублениями, и хотя в них были найдены черепки и осколки кремня и много углей, но все же сомнительно, что они служили жилищем дикарю. Вернее, что это ямы углежогов.

16 **5. Стоянка «5 Коптяки» находится в урочище «Березовка» на юго-западном склоне этого же мыса «Березовый».** Собственно стоянки 4 и 5 составляют одну обширную стоянку, занимающую всю площадь Березового мыса (до ½ площади), что вполне подтверждается разведками произведенными мною в последующие годы: по всему мысу находятся многочисленные остатки доисторической культуры.

Раскопки произведены вдоль берега на протяжении 25 саженей не широкой (3–6 саженей) полосой; причем найдены горн для плавки меди и обломки большого тигля из своеобразной легкой глины (инфузорной земли — трепела).

Из других находок выделяется резко большое количество остатков глиняных сосудов с плоским дном очень изящной работы (форму и орнамент удалось восстановить), очень редко и в незначительном количестве встречающихся на других стоянках. Здесь мною найден небольшой железный нож (сарматского типа) и вблизи его несколько двухкопеечных монет 1799–1800 годов, каменные орудия и особенно много точил.

Культурный слой здесь очень тонок (1–2 вершка), и культурных остатков в нем очень мало, они находятся в слое гравиевых отложений (суглинке), залегающем под культурным слоем на почве.

Стоянка эта представляет большой научный интерес и она (Березовый мыс) почти не исследована, а потому я рекомендую ее вниманию будущих исследователей.

17 **6. Стоянка «6 Коптяки» находится на юго-востоке мыса «Листвянка».** Горный кряж, образующий мыс, очень высокий и крутой на востоке, к западу постепенно понижается и под конец образует седловину, почему часть его северного склона и почти весь южный склон довольно пологи, и здесь берега вполне удобны для причала лодок. Весь северный склон мыса размыт, а по южному образовалось осоковое болото, перешедшее в торфяник, по которому и проходит плотина озера, на истоке реки Исети.

Раскопки были произведены на склонах «седловины», причем на северном склоне культурный слой не превышал двух вершков и был беден остатками каменного века, но зато богат остатками медного века. Здесь собрано до 30 медных предметов: большой кривой ножик «Турбинского типа», но без рукояти (она отломана), два больших копья с втулками для древков и прорезями по бокам, зеркало и другие вещи. Все медные вещи и значительная часть каменных орудий были отправлены в Петербург графу Стенбок-Фермор, на средства которого производились раскопки. Остатки культуры

каменного века находились под культурным слоем гравиевых отложений (суглинке или поддерижке, по местному названию). На южном склоне культурный слой достигает 5 аршин, но также не богат культурными остатками, которые большей частью находятся в подкультурном слое — поддерижке.

Каменные орудия, находимые на этой богатой ими стоянке отличаются тщательностью отделки, особенно топоры и наконечники стрел, черепки же наоборот — грубоваты.

Нужно сказать, что раскопки здесь были небольшие, но за последние годы они значительно расширены археологами-любителями — дачниками деревни Коптяки.

Стоянка эта по количеству и качеству орудий и оружия одна из самых интересных; изучение культурного слоя, в особенности на южном склоне вполне возможно, и здесь я сам не прочь произвести раскопку, да к сожалению ум устарел — силы нет, а потому я рекомендую ее вниманию ученых археологов, а не любителей.

7. Стоянка «7 Коптяки» находится на правом берегу (у устья) реки Молебки, впадающей в Исетское озеро с востока, и простирается вдоль по течению сажень на 150. **18**

Раскопок здесь не было, а были произведены только разведки. Найдены черепки и каменные изделия.

Культурный слой очень мощный, от 3-х вершков до 1 ½ аршин. На размытом берегу замечаются следы ям-землянок.

Стоянка эта совершенно не исследована, но по своему общему наложению заслуживает (и оправдывает) внимание ученых археологов.

Стоянка эта осталась неисследованной, потому что ввиду ее близости к деревне Коптяки, а следовательно, и удобному во всякое время доступу к ней на лодке, предполагалось произвести на ней раскопки в конце лета, по уборке покосов, а той порой увлеклись другими работами, и эту не пришлось начинать. По всему песчаному берегу озера к северу от этой стоянки, до Черемшанского болота, встречаются черепки, кремни и другие остатки доисторической культуры, но не в значительном количестве — вероятно здесь были летние рыбацьи привалы.

8. Стоянка «8 Коптяки» находится на острове Липовом (он же Палатки). **19**

Остров «Липовый», большой гранитный массив, высокий (до 20 саженей) на востоке, постепенно понижается к западу, где и образуется большое плоскогорье, возвышающееся над уровнем озера на 3–5 саженей. У юго-западного угла острова, сажень в 25 от него, возвышается другой, очень маленький (20×12 саженей в подножье и 9–10 саженей вышиной) островок «Палатка», состоящий из обнаженной гранитной скалы, вытянутой с севера на юг, в гребне которой имеется «окно», искусственное или природное — установить невозможно. Вблизи окна была надпись, сделанная красной краской, уже исчезающая.

Стоянка находится на южном скате плоскогорья, и начинается на западе у самого озера, она простирается к востоку сажень на 150. Подъезд

к острову удобен только с одной стороны, в небольшой песчаной бухте.

Раскопки здесь были небольшие, по невозможности правильно вести их из-за густой заросли площади стоянки вековыми деревьями.

Саженьях 25–35 от бухты, где берег значительно понижается, по направлению (как помнится) на северо-восток нами была найдена небольшая площадка, обложенная в овальной форме рядом (кажется, двумя) больших камней, уже вросших в землю (как бы фундамент). При разведочной раскопке здесь были найдены черепки и медное зеркало, и нож-копье, и саженьях в пяти от площади было найдено несколько русских медных старых монет (на этом острове и доныне еще ищут клад).

Летом 1921 года я был на Липовом острове, с целью отыскать и разведать, по основательнее эту «площадку» и пришел в ужас: от былых красавцев великанов, вековых лип и сосен, остались лишь жалкие следы в виде гигантского, обгорелого буреломника, настолько густо заросшего молодым липником и бурьяном, что проискавшим ее добрый час я от дальнейших поисков отказался, отложив их до будущей весны, пока зелень и травы не разовьются.

Старые ученые археологи о существовании этой площадки осведомлены, из трудов О. Е. Клер, и профессор А. А. Спицин, бывший в Екатеринбурге на «съезде краеведов» (осенью 1924 года), просил меня разыскать ее и, если нужно, то произвести и раскопку, не откладывая на будущее время.

20 9. Стоянка «9 Коптяки» находится на острове Еловом.

Остров Еловый, как и остров Липовой, береговой остров, представляет большое плоскогорье, юго-западная часть которого возвышается над озером на 2–3 сажени, северо-восток же, постепенно понижаясь, сливается с болотом. Вся юго-западная часть острова омываемая водой, доступна для подъезда на лодках.

Стоянка доисторического человека занимает именно эту юго-западную часть острова, простираясь по берегу на 250–300 сажень.

Раскопки здесь велись так же по побережью, не широкой, 3–6 сажень, полосой, на пространстве до 90 сажень.

Культурный слой 1 ½ – 4 вершков, но культурные остатки в нем встречаются редко, — они залегают в подкультурном слое — поддернике, мощность которого доходит до 14 вершков.

Стоянка очень богата культурными остатками, главным образом каменными орудиями. Здесь несомненно были мастерские для изготовления каменных орудий, что вполне подтверждается громадным количеством мелких осколков (щебня) кремня, яшмы и других минералов, из которых делались орудия, и большим количеством различных крупных и маленьких точил.

Здесь же найдены и первые на Урале сосуды с изображением животных.

Все найденные здесь культурные остатки относятся к каменному веку, эпохе неолита. Находок из меди здесь не было.

21 10. Стоянка «10 Коптяки» занимает прибрежную половину площади, на которой раскинулась деревня Мурзинка.

Стоянка эта богата культурными остатками и очень обширна, но вести раскопки здесь не возможно; здесь возможен только сбор находок да и то лишь во время копки огородов — т. е. весной да осенью.

Жители деревни Мурзинки собирали на своих огородах очень много культурных остатков доисторического человека, главным образом каменных орудий, которые и продавали скупщикам и любителям — Замшину, П. Я. Семенину, Кокорину, К. М. Ошуркову и другим.

В 1907 годах я купил у жителя деревни Мурзинки Голубева 4 каменных топора, 7 наконечников стрел, два больших наконечника — копья-рогатины из черного кремня, 1 палицу-песть, 2-х медных идолов «Чудачков», которые, по его словам, найдены им при копке могил на кладбище деревни Мурзинки. Что на кладбище находят разные старинные вещи, нам было известно еще в 1890 году, но производить раскопки в этом заповедном месте было рискованно.

В 1921 и 24 годах я был в Мурзинке, но купить было нечего, потому что после бывшего в деревне пожара «кержачки» порешили ничего не собирать.

11. Стоянка «11 Коптяки» находится на «Шанайной» горке около устья реки Черной. 22

Доступ на нее со стороны озера очень неудобен и возможен, что в доисторические времена доступ на нее был с северо-восточной стороны реки Черной, от которой в данное время Шанайная гора отделена торфяным болотом.

Кряж «Шанайная горка» имеет простираение с востока на запад деревни Широкой со стороны озера, хотя и не высокий, но обрывистый, он далее к западу постепенно суживается и повышается, и саженьях в 180 от озера высота его доходит до 18 сажень над уровнем озера. Далее к западу он начинает понижаться и еще более суживается и здесь, саженьях в 100 от озера, пересекается неглубоким рвом и невысоким валом (городищем). Склоны его очень круты и с трех сторон (севера, востока и юга) были окружены водой.

Раскопки, непродолжительные, были произведены нами лишь на приозерной части стоянки, городище же и примыкающая к нему площадь стоянки остались совершенно не исследованы, потому что в то время здесь производилась вырубка леса, и вся площадь и городище были завалены им так, что было невозможно сделать обмер вала и канавы, почему работы здесь и были отложены до будущего года.

Культурный слой был 2½ вершка толщиной, но культурные остатки в нем встречались очень редко. Они залежали в подкультурном слое — суглинке (поддерник), толщина которого достигала 18 вершков.

Найденные здесь остатки доисторической культуры состояли из глиняных и каменных изделий и костей животных, металлических же вещей здесь не найдено.

По всему песчано-каменистому берегу, к югу от «Шанайной» горки до горы Толстик, встречаются остатки доисторической культуры — черепки, каменные орудия и другие вещи, которые в более значительном количестве были найдены

нами у подножие горы, где была избушка рыба-лова — от мельника «Васи Казанцева». Живший тогда здесь В. Казанцев — мой старый знакомый, указал нам «пещеру», находящуюся на вершине горы, у восточного подножья которой находилась его избушка. Взобравшись с ним на вершину горы, мы действительно среди густой заросли молодого леса нашли глубокую, зияющую черною пастью яму, расщелину между гранитных пластов, полуприкрытую большими валунами гранита. Спуститься в ту «пещеру» в то время мы не имели возможности, потому что у нас не было ни свечи, ни веревки, а потом, к стыду нашему, забыли о ней.

23 **12. Стоянка «12 Коптяки» находится на горе «Толстик» на юго-восточных и северо-восточных склонах ее.** В настоящее время крутой берег «Толстика» почти совсем размыт, и по нему очень трудно пройти, поэтому стоянка разделена на две части — северную и южную.

Здесь нами были сделаны разведки да сбор остатков доисторической культуры, находящихся на размытых берегах, количество которых было очень значительно (особенно черепков).

24 **13. Стоянка (13 Коптяки) находится на том же западном берегу озера и занимает не только всю площадь «Дачной пристани», но далеко простирается от нее к югу.**

Раскопок здесь ни кем не производилось, мы же произвели здесь только разведки.

25 **14. Стоянка «14 Коптяки» находится на острове, теперь находящемся уже не на озере, а на торфяном болоте между устьем реки Кедровки и плотиной.**

В 1890 году здесь были произведены разведки Н. Рыжниковым, причем найдены остатки доисторической культуры каменного века: черепки, кремни и огромные точила из гранитных валунов.

В 1900 году В. Я. Толмачев тоже произвел здесь разведку и нашел небольшой, узкогорлый, глиняный сосуд с костями какого-то маленького животного, который передан им в Музей УОЛЕ, где и хранится в Коллекции с Исетского озера.

Летом 1924 годах М. вновь был на этом острове с целью пробыть в болоте, у южного берега острова, шурф, надеясь встретить в нем затонувшие деревянные и другие изделия доисторической эпохи. Но выполнить эту задачу ему не удалось: в шурф, пробивший линию на глубину 2-х аршин, приток воды, благодаря близости озера, был так силен, что за время получасового перерыва работы он наполнился водою до верха, и работу пришлось прекратить.

26 **15. Стоянка «16 Коптяки» находится на «Красненьком» острове, находящемся в южном заливе озера, приблизительно в $\frac{3}{4}$ версы от плотины.** Этот маленький (саженей 200 в окружности), но очень высокий (с крутыми скатами) островок очень живописен (Шапка Мономаха), о чем свидетельствует и само название его «Красненький» данное ему народом.

27 **16. Стоянка «17 Коптяки» находится на «Соловецких островах». Стоянки на островах**

«Красненьком» и «Соловецком» были открыты М. В. Малаховым и О. Е. Клер, и Малаховым же (как я уже указывал выше) здесь произведены раскопки.

В 1890 году нами был произведен сбор остатков доисторической культуры, находящихся на берегах этих островов; раскопок же мы никаких не делали.

17. Жертвенник на горе «Матаихе». Гора «Матаиха» находится в 6 верстах на юг от станции «Исеть» Уральской Горной Железной Дороги, и через нее проходит тропа-дорога на гору «Чертова городище», находящуюся в одной версте от нее к югу.

«Сопки» (по местному — каменные палатки — чертово городище), т. е. гряды обнаженных, пластовых, гранитных скал, находящихся на хребте горы «Матаиха», по высоте своей хотя и уступают первенство своим собратьям — сопкам «Чертова городища», но они не менее грандиозны и значительно превосходят их своей красотой: ими можно любоваться со всех сторон — они кругом обнажены.

Особенно интересен их вид с восточной стороны. Высокой и почти ровной, и непрерывной грядой они тянутся по хребту горы, с востока на запад, на протяжении 200 сажень, и лишь в западной половине ее, постепенно понижающейся, встречаются перерывы, — здесь же находится и знаменитый камень «Колесница»: громадный, качающийся, чашеобразный гранитный валун, лежащий на не менее грандиозном таком же гранитном валуне.

Я не художник и не могу описать всей красоты одного памятника природы, а потому советую всем, имеющим возможность, лично посетить эти места и полюбоваться ими.

Жертвенник находится на вершине самой восточной части «Сопок» и занимает площадь 10x15 сажень. На него с восточной стороны ведет широкая лестница из пластов гранита, по обоим сторонам которой возвышаются конусообразные колоссальные парапеты из таких же напластований гранита, как бастионы или крепостные башни.

На камнях, окружающих площадку жертвенника, находится много черепков, каменных орудий и костей животных, очень сильно обожженных, и настолько мелко раздробленных, что собирать их не стоило. При раскопках культурного слоя, состоящего из сильно пережженных отломов гравия, перемешанных с золой и перегноем органических остатков, в нем были найдены угли, черепки, каменные и костяные орудия и изделие, и очень много костей животных, мелко разбитых и сильно обожженных.

Внизу, под «сопками», с северной стороны, имеется довольно порядочная, почти ровная площадка над которой нависли сопки на 1 $\frac{1}{2}$ – 3 сажени, образуя навес-крышу, где очень удобно можно укрыться от ненастья.

На этой площадке были прорыты две разведочных канавки до 20 вершков глубиной, в которых все время находили черепки и много костей животных, также большей частью мелко разбитых и сильно пережженных.

Раскопки здесь продолжались 1 $\frac{1}{2}$ дня — 14 и 15 сентября, дальше продолжать работу

было невозможно за начавшимися заморозками. По существу здесь были только разведки, — а не раскопки, — которые надлежит сделать в ближайшее время.

Раскопки здесь, в особенности на площадке под Сопками, будут делом не легким: возможно, что их придется вести до 2-х аршин глубины, все время имея дело с плотными гравиевыми отложениями, то есть работать кайлой, но и результаты работы могут оказаться не только важными, но и решающими в определенной древности эпох, народов заселявших местность, а главное значение этих памятников, на что я имею основание надеяться ввиду таких же раскопок на «Шарташских Каменных палатках» у 2-го Карасьего озера, произведенных Сержпутовским (см. 2-е Карасье озеро).

В 1905 году горным служащим Топорковым (заведующим Горбуновским торфяником) найден на горе «Матайхе» медный идол, птицевидный, который и доставлен им в музей УОЛЕ.

Местность эта известна как «Могилицы Старцев», но они из религиозных побуждений не говорят о них с «мирянами» — хотя принадлежность этих могил «Старцам» очень сомнительна — судя по нарубанным признакам погребение, и по черепкам, собранным мною около них, их скорее всего можно отнести к «Татарской эпохе», или же «Петровским могилам» — не позднее.

Могилиник указал мне мальчик Степан Бабинов (в доме которого мы занимали квартиру в деревне Коптяки), который, собирая бруснику над одним из этих курганчиков, нашел большой горшок, опрокинутый вверх дном. Зная, что мы очень заинтересованы этим, он сообщил мне о своей находке и в следующий день, 21 сентября 1890 года, я пошел с ним на место «находки» (без рабочих, которые были уже уволены).

Придя на место, я увидел большую группу маленьких своеобразных, большею частью продолговатых, иногда изогнутых (под прямым углом) курганчиков, скорее походящих на большие выворотки корневищ буреломника, чем на могилы и курганы, — в беспорядке разбросанных на ровной площади, покрытых вековым сосновым лесом, — лишь 8 курганчиков были расположены в один прямой ряд, в 5–6 саженях один от другого, по направлению с севера на юг, в 5–6 саженях к западу от проходящей здесь лесной дорожки.

Вышина курганов не более 6 четвертей аршина, окружность 5–7 саженей.

На одном кургане первого ряда, изогнутом под прямым углом (к северу) стоял найденный Бабиновым горшок. Впечатление было неутешительное — невольно возникало сомнение: могилиник ли это? Но благодаря тому, что я уже имел дело с подобным могилиником, найденным мною не далеко от озера Таватуй, в окрестностях Верх-Нейвинского завода, я приступил к предварительной разведке.

В первых же копушках, сделанных мною между дорожкой и могилами, я нашел несколько черепков «Татарских» сосудов, а потому я, не вдаваясь в ознакомление с общей группой курганов, снял найденный горшок с кургана, и приступил к его раскопкам, начавши ее поперечной канавой в один аршин шириною на юго-западной половине.

Насыпь состояла из культурного слоя, перемешанного с сильно обожженным песком и суглинком и золою. В насыпи было много мелких углей и немного разбитых костей некрупного животного.

Удаливши насыпь и искав в ней костяки, я стал рыть глубже и при углублении на несколько вершков в слое гравиевых отложений обнаружил тазовую и берцовые кости человека.

Убедившись, что имею дело действительно с могилиником и ввиду того, что время было около 2-х часов, и идти до Коптяков верных 9 верст я слегка зарыл свою раскопку, и забравши горшки и другие находки, отправился на квартиру, где меня уже ожидали возчики, присланные из Верх-Исетского завода, для перевозки собранных находок и меня.

Уезжая из Коптяков, я предполагал вернуться дня через 2 для продолжения раскопок могилиника, но в заводе меня задержали на две недели для выделения части находок для отправки их в Петербург графу, а тут наступили холода, и стало не до раскопок. Следующее лето я работал в Киргизской степи, а потом... потом же и доныне лежит в своей могиле потревоженный мною покойник.

20. Стоянка «20 Коптяки» находится на острове, находящемся к юго-востоку от «Чертова городища» верстах 1½ в торфяном болоте. 29

Стоянка открыта в 1890 году Н. Рыжниковым, нашедшим здесь черепки, 1 кремневый наконечник стрелы, много осколков кремня и точило.

В 1901–1902 годах здесь были произведены раскопки П.Н. Замишиным (по поручению П. И. Щукина) и собрано до 15 пудов «отборных» остатков культуры доисторического человека эпохи неолита, в числе их 7 медных идолов, и до 30 штук разных медных вещей.

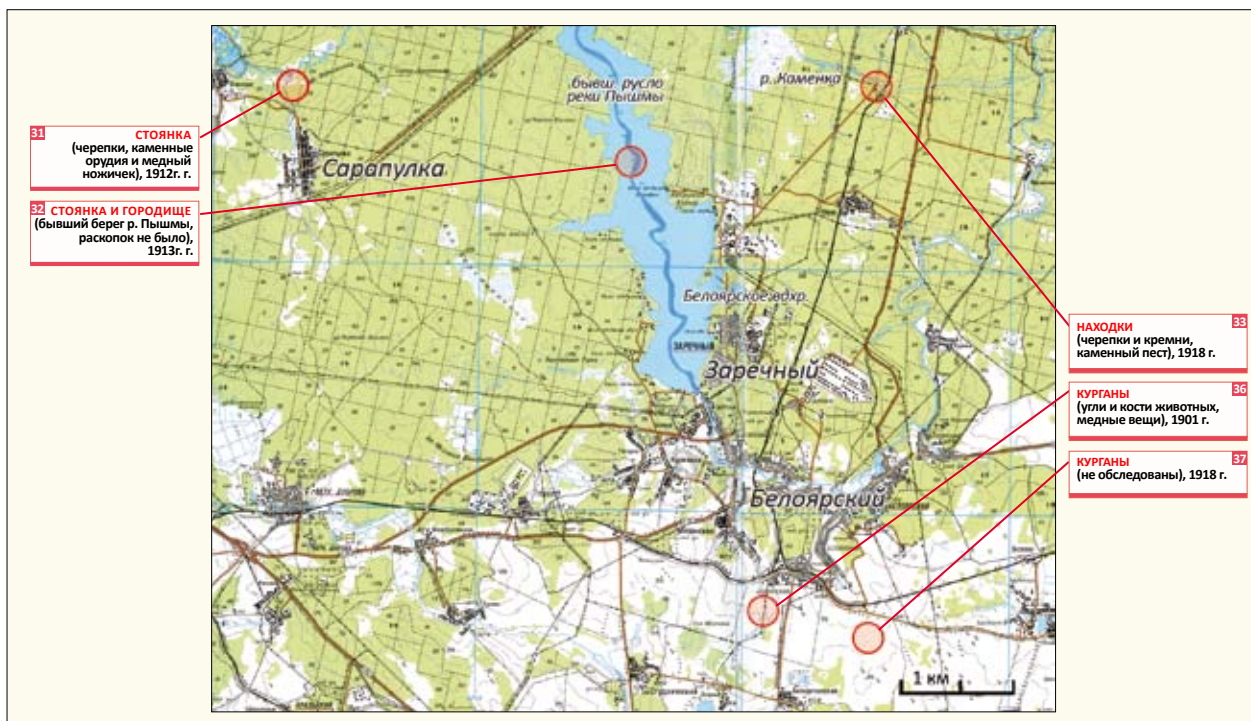
(Сообщено П. Замишиным).

21. Писанец 30
К северо-востоку от деревни Мурзинки и к северо-западу от острова Елового, окруженный «Лавдой» стоит небольшой островок — обнаженная гранитная скала саженей 10×20 в основании и саженей 1–4 вышины. Доступ на него возможен только в самые засушливые годы да и то при помощи досок, или же зимой — по льду. На нем с двух сторон имеются хорошо сохранившиеся надписи (знамена) сделанные красной краской.

Я был на этом острове зимой 1893 года, случайно зайдя на него во время охоты, и скопировал надписи для своих записок.

В. М. Толмачев тоже был на этом острове, перебравшись на него с помощью передвижных досок, и также скопировал находящиеся надписи. Но кажется его статья о писанцах еще не издана.

XI. 192½. Н. Рыжников

■ Рис 88. Раскопки и обследования р. Пышмы, произведенные Н. Рыжниковым, А. Сосниным и П. Ширангель в 1901-18 гг.

ВЕРХОВЬЯ РЕКИ ПЫШМЫ

1. На верховье реки Пышмы, начиная от деревни «Пышма» в 10 верстах к северу от Екатеринбурга, до деревни Становой — 25 верст на восток от Екатеринбурга, почти непрерывной полосой идут многолетние работы по добыче золота по руслу реки и берегам ее. Во время этих работ рабочие очень часто находили в торфях, в поддерижных и подторфяных золотосодержащих россыпях различные остатки доисторической культуры — черепки, горшки, каменные, костяные, деревянные орудия и изделие из кости животных. Находки эти большей частью тут же и бросались. Многие из них, более изящные и цельные, попадали в руки перекупщиков и любителей, и еще меньше — более крупных вещей, случайно попавших в руки «Приискового Начальства», сделались достоянием музеев.

Особенно много встречалось «находок» при разработке «Калиновских разрезов» (по реке Калиновке, правому притоку реки Пышмы, и при разработке «Приканавного прииска» (в 2-х верстах от Березовского завода). Немногие из находок с Приканавного прииска — деревянная доска-лыжа, деревянный заступ, каменный пест (боевая палица) и обломок клыка молодого мамонта (слона), принесены в дар музею УОЛЕ управляющим Березовскими золотыми промыслами Нестдювским.

Производить здесь какие-либо научные исследование и раскопки любителю-археологу по существу в то время условиям было очень трудно, а для рядового любителя и невозможно, поэтому их и не было.

Верстах в полутора вниз от Пышминского завода, на правом берегу реки Пышмы, на высоком и крутом мысу, были найдены черепки, кремни, кости и следы городища — валы и рвы. Находчик — служащий

на Пышминской толчее Д. В. Голубев дерзнул в часы досуга произвести тут маленькие разведки и за такую проделку был уволен от службы.

(Сообщил С. И. Яковлев)

2. Стоянки доисторического человека найдены мною на правом берегу реки Пышмы в 3-х верстах ниже деревни Становой, у устья реки Слюдянки (она же — Сарапулка), правого притока Пышмы. 31

Здесь мною в 1912 году были производимы разведки на золото, а кстати и археологические, причем найдены черепки, каменные орудия и медный ножи́чек. Находки переданы О. О. Сведберг, по поручению которого производились работы.

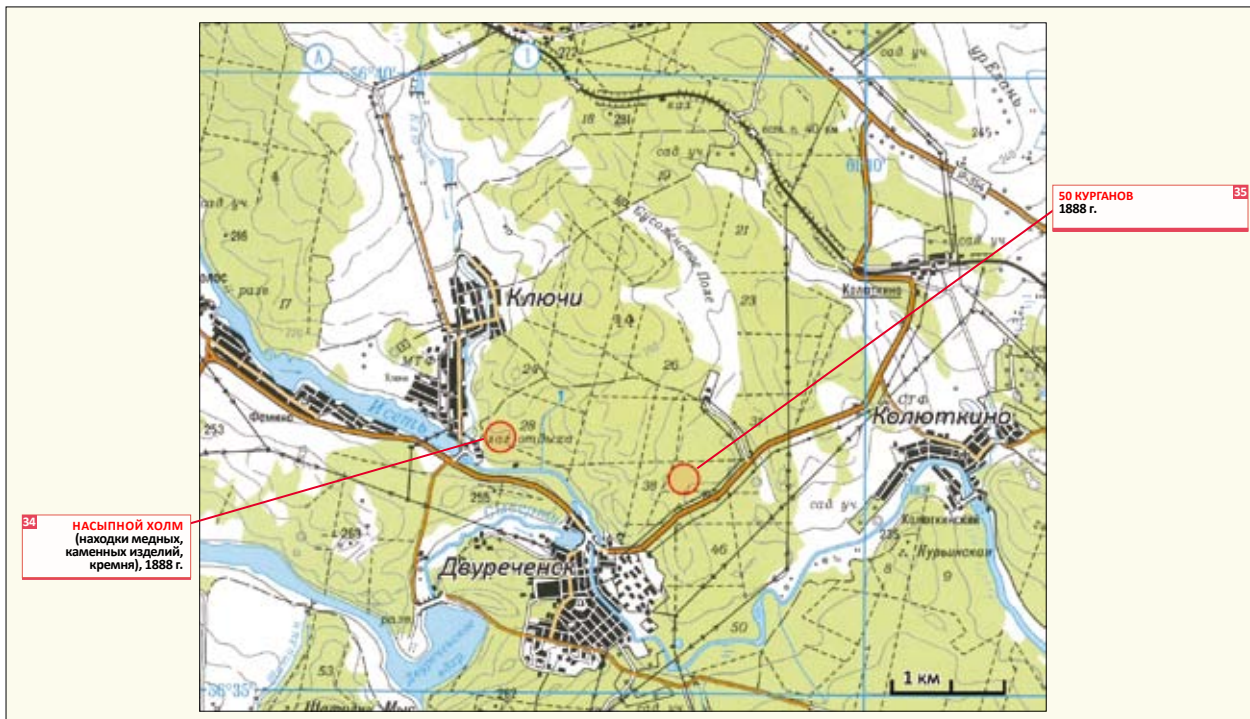
3. Стоянка и городище на правом берегу реки Пышмы верстах в 6 выше деревни Боярской на высоком крутом мысу 32

Эти стоянка и городище найдены мною и Перек. Ингокен. Ширангель в 1913 году, во время изысканий для проведения железной дороги с Асбестовского рудника Бабаевского района до станции Косулино, Тюменской Железной Дороги.

Раскопок никаких не было.

4. Находки доисторической культуры имеются в музее УОЛЕ из этого же течение реки Пышмы, из района Мезенского и станции Баженово Белоярской волости Екатеринбургского уезда, — медные вещи, найденные крестьянином села Мезенского А. Сосниным при распахке огорода (см. Могильники), и каменный пест, найденный на берегу реки Каменки у деревни Шипеловки той же Белоярской волости. Пест этот несомненно найден на стоянке доисторического человека, находящейся у деревни Шипеловки: во бытность мною там в 1918 году крестьянские дети приносили мне черепки и кремни, собранные ими на песке у речки Каменки, но я не имел возможности осмотреть это место. 33

■ Рис 89. Обследование курганов возле д. Ключевской (Ключи), произведенное Н.А. Рыжниковым и А. Сосниным в 1888 г.

КУРГАНЫ МОГИЛЬНИКИ ИЛИ «МОГИЛЬЦЫ»

34 1) В двух с половиной верстах от деревни Ключевской Екатеринбургского уезда (в 38 верстах к юго-востоку от города Екатеринбурга) саженей в 300 от Ключевской мельницы, вниз по течению реки Исети, по левому берегу, саженях в 200 от нее на вершине лога-ключча, находится холм, правильной овальной формы, вышиною — сажени 3, диаметром 8–12 саж, с очень крутыми скалами.

На этом холме в 1885 году рабочими мельницы искавшими здесь клад были найдены наконечники стрел и «какие-то» фигурки из Красной меди — «чудачки». Находки эти были куплены владельцем мельницы господином Н. Грачевым и подарены кому-то из учителей Екатеринбургской мужской гимназии.

При осмотре этого холма в 1888 году, я также нашел на нем медный наконечник стрелы и несколько черепков орнаментированных сосудов из тальковатой слоистой глины.

При разведочной раскопке холма оказалось что он состоит из известковой земли и известкового щебня и так же тверд, как бы цементированный или естественная гора. Тогда я был еще новичком в горном деле, а потому и порешил, что это естественная случайная маленькая гора, а не искусственный курган. Впоследствии, в 1908 году, в долине реки М(?) в Тунгатаровской волости я встретил курганы такого же типа и такой же конструкции, то есть насыпанный из смеси культурного слоя разрушенного известняка (мергеля) и известкового щебня, сцементировавшихся на поверхности кургана до 10 вершков толщины. Подобное сцементирование могло произойти от причин случайных напольного пожара или дождя.

Возможно, что это курган «Миасского типа», принятый мною за естественный холм, а потому

рекомендую ученым-археологам при случае осмотреть и исследовать этот курган.

На берегу реки Исети, вблизи очажного места, остатки доисторической культуры, — черепки и кремни, были найдены мною в довольно значительном количестве.

2) Курганы, большая группа.

35 В том же 1888 году, переходя из той же деревни Ключевской в деревню Колоткину, верстах в 3 ½ от первой, по левую сторону дороги, саженях в 80 от меня, в смешанном лесу, вырубавшем тогда под пашни, дровосеки указали мне большую группу курганов, около которых они находили много костей животных и человеческих. При осмотре действительно оказалось — до пятидесяти курганов, вышиною от 2-х до 4-х аршин и 12–40 саженей в окружности, расположенных неправильными рядами, в 15–25 саженей друг от друга. На всех курганах, почти в центре их, были воронкообразные углубления, глубиною до одного аршина. На трех самых больших курганах было по несколько ям — следов кладоискательских работ, около которых находились разрушенные кости животных.

Местное население называет это место Чудскими могилами, и повторяет общую легенду о том, что жившая здесь «Чудь», при появлении русских, ушла (зарылась) в землю.

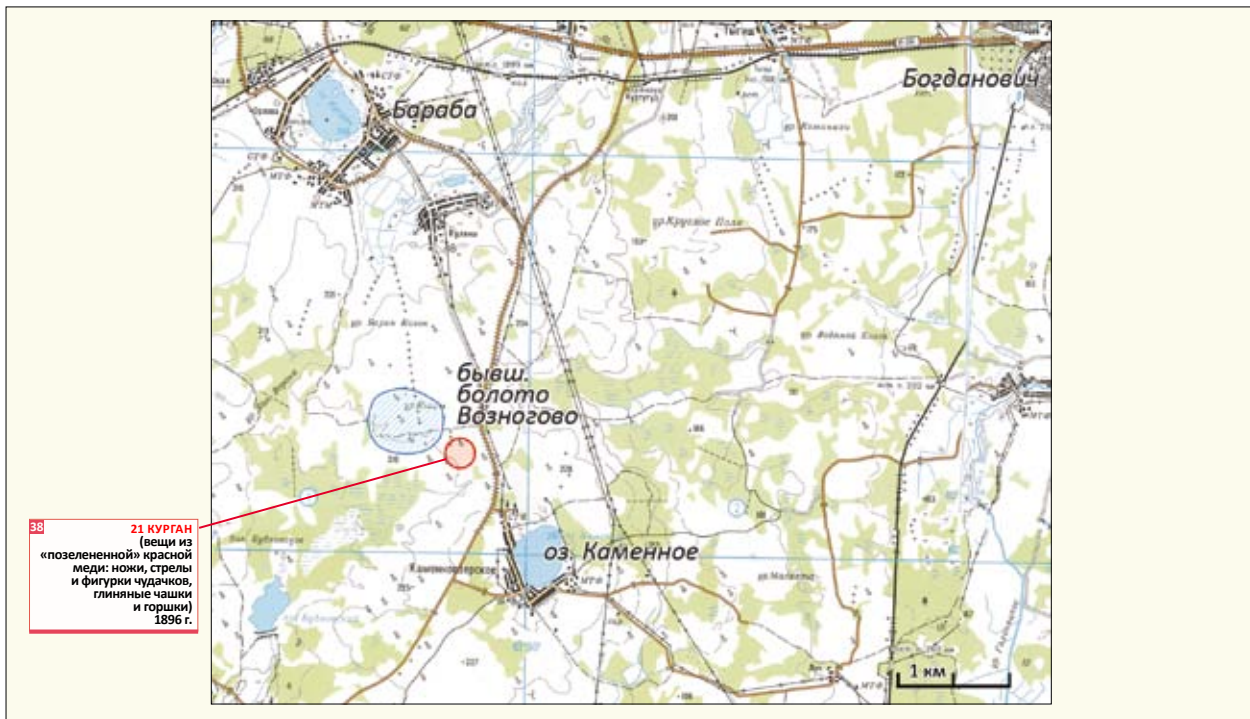
Раскопок здесь никаких не было.

В бытность мою здесь в 1906 я видел, что большинство курганов уже подверглось распахке. В каком виде они находятся теперь, я не знаю, так как с того времени здесь не бывал.

3) Курганы у деревни Мезенки.

36 В 1901 и 02 годах, точно не припомню, крестьянин деревни Мезенки Белоярской волости Екатеринбургского уезда Алексей Соснин доставил

■ Рис 90. Обследование курганов у болота Возногово, произведенное Н. А. Рыжниковым в 1896г.

в Музей УОЛЕ несколько наконечников стрел, кольца и другие мелкие вещи из красной меди, выпавшие им из «Могилец» на его пашне вместе с костями человека. В ближайшие дни Н. А. Рыжников и В. Н. Толмачев были командированы в деревню Мезенку хранителем музея О. Е. Клер для установления местонахождения этих находок и вынесения условий залегание ее и, в случае надобности, для производства раскопок других курганов в этой местности.

Прибывши в деревню Мезенку мы А. Соснина дома не застали, а его сын хотя и согласился указать нам место «Могилец», но производить раскопки в отсутствии отца не позволил.

По прибытию на пашню, находящуюся верстах в 2-х от деревни Мезенки к юго-востоку и приблизительно в одной версте с юга от полотна Тюменской Железной Дороги, мы нашли группу очень низких курганов подвергшихся неоднократной распашке, беспорядочно разбросанных по полю. При осмотре курганов, распаханых под нами, мы находили угли и кости животных.

Ввиду того, что А. Соснин выбыл из дома на продолжительное время, мы, зафиксировав местонахождение курганов, вернулись обратно.

37 4) Такую же группу курганов я нашел верстах в полутора от предыдущей, и верстах в 2-х от станции Баженова Тюменской Железной Дороги, около дороги со станции Баженово в село Логиновское в Березовой роще. Обследовать их в то время не было возможности — это было в разгар гражданской войны, в августе 1918 года.

38 5) Курганы у болота Возногово.

Болото «Возногово» находится в Камышловском уезде, верстах в 5–6 от деревни Кулики, Грязновской волости (станция Грязновская III) и верстах в 3 от села Каменно-озерного.

На восточном берегу «Возногова» болота, верстах в пяти от сел Каменно-Озерного и саженях в 70 к востоку от дороги из села Кам.-Озерск. в деревню Ляпустину, в Старой березовой роще находится группа Курганов-Могилец, которые найдены и осмотрены мною в 1896 годах

Всего здесь 21 курган. Из них 18 почти одинаковой величины и формы — около одной сажени вышины и 18–20 саженей в окружности — расположенные почти правильным, незаконченным, кругом, саженях в 12–15 друг к другу, а три последние, большей величины (до 40 сел в окружности) расположены треугольником посередине круга. На всех курганах имеются неглубокие воронкообразные углубления, и заметны ямы.

По выяснению местных жителей здесь жила Чудь, которая ушла в землю. Такое заключение они выводят на том основании, что при поисках здесь клада они находят обгорелое дерево (столбы), кости человека и животных и разные вещи из «позеленелой» красной меди — ножи, стрелы и фигурки чудачков, а также глиняные чашки и горшки.

При осмотре этих курганов на валиках (отвалах) у новейших ям, мною найдено несколько черепков и костей животных.

Никаких научных раскопок вышеописанных курганов не было.

6) Курганы у деревни Космаковой (она же и Казарина) около озера Багаряк в 10 верстах на юг от города Екатеринбурга открыты и раскопаны М. В. Малаховым в 1881 году по поручению Исторического Русского Географического Общества, куда им представлены все найденные здесь вещи и его отчет о раскопках¹¹⁵.

ВЕРХОВЬЯ РЕКИ ИСЕТИ ОТ ИСЕТСКОГО ОЗЕРА ДО ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА

Верховья реки Исети от Исетского озера до города Екатеринбурга в доисторические времена, в каменный век — эпоху неолита, было широкой многоводной рекой, захватывающей на своем пути ряд озер (из которых — Мелкое, Верх-Исетский и Городской пруды, сохранились и до наших дней, так как «старые» высокие берега ее находятся на значительном расстоянии друг от друга и в настоящее время разделены широким болотом, по которому не широкой полосой извивается река Исеть).

Верховья реки Исети в археологическом отношении мною разведано очень слабо, т. к. у деревни Палкиной в 1874 году производили научные раскопки и исследование О. Е. Клер, М. В. Малахов, К. И. Фадеев и другие археологи; а вверх по Исети от деревни Палкиной до озера Мелкого с 1897 начал производить так же работы В. Я. Толмачев, а потом Ю. П. Аргентовский, поэтому мои разведочные археологические работы здесь ограничились открытием нескольких стоянок доисторического человека, найденных мною во время моих охотничьих экскурсий в 1883–85 годах, и лишь селище на урочище «Калмацком» открытое мною в 1906 году разведано и обследовано более тщательно, с него я и начинаю.

39

I. Урочище «Калмацкое» находится на берегах реки Исети, выше озера Мелкого, в 3 верстах ниже плотины Исетского озера, там, где Уральская Горнозаводская Железная Дорога по своему двадцатисаженному мосту пересекает реки у Исеть, т. е. в конце 14 и начала 15 верст железной дороги от город Екатеринбурга. Здесь в доисторическое время, в каменный век — эпоху неолита, река Исеть имела свой исток из Исетского озера. Здесь, начиная от моста железной дороги, и сажень на 300 вниз от него, «старые» берега реки Исети находятся на самом близком расстоянии (30–50 саженей) друг от друга, на всем течении ее от Исетского озера до Верх-Исетского пруда. Выше моста «старые» берега сразу расходятся, делая крутые (почти под прямым углом) повороты: правый — к западу, левый — к востоку и в настоящее время разделены широким болотом, по которому не широкой полосой извивается современное верховье реки Исети от плотины Исетского озера до урочища Калмацкого; и только часть правого, юго-западного «старого» берега озера, сажен на 200 вверх от моста железной дороги составляет современный берег реки.

Селище доисторического человека на «Калмацком» было очень обширно и обитаемо долгое время. Здесь доисторический абориген восточного склона Урала пережил все фазы своего постепенного развития и цивилизации, начиная с обивного камня и кости (первых своих орудий) и кончая добычей и обработкой металла. Селище занимало всю площадь «старого» берега, между полотном железной дороги и рекой выше моста, ниже его оно простиралось сажен на 300 в длину и до 150 саженей в ширину по обоим берегам реки.

В доисторические времена селище это представляло важный стратегический и промышленный пункт: здесь был доисторический «Босфор» — между Исетским озером и всем верховьем реки Исети — и озером

Мелким — низом ее. Собственно истоком реки Исети является не Исетское озеро, а речка «Бобровка», берущая свое начало в горах у озера Таватуйского и впадающая в озеро Шитовское, из которого идет восемнадцативерстный проток в Исетское озеро, а из последнего река Исеть.

Селище на Калмацком открыто мною в 1906 году. Раскопки здесь для сбора остатков культуры доисторического человека были произведены мною в 1906–1907 годах

Все собранные мною вещи: черепки разнообразных глиняных сосудов, изделие из глины, костяные и каменные орудия и оружие, кости животных и прочее, всего около 25 пудов, за отказом УОЛЕ купить их у меня за самую скромную цену, проданы мною действительному члену УОЛЕ Николаю Кирилловичу Минко и Д. Д. Ерофееву Челябинск, с условием, что они, по обработке и описанию этих вещей, передадут их в музей УОЛЕ. К сожалению, этого условия Минко и Ерофеев не выполнили.

По сведениям, полученным мною в октябре 1924 года от заведующего Челябинским музеем значительная часть этих вещей передана в Челябинский музей, супругой умершего Минко. Где находятся остальные вещи — неизвестно. Возможно, что они увезены Д. Д. Ерофеевым в Тифлис.

В 1924 году во время моих археологических экскурсий по поручению УОЛЕ я заходил на это селище для сбора остатков доисторической культуры на обмелевших берегах реки и для производства разведок — для будущих научных раскопок. Вещи, собранные мною в это время, переданы в музей УОЛЕ

Селище на Калмацком занимает первое место из всех раскопанных и известных мне стоянок доисторического человека на восточном склоне Урала, как по количеству, так и по качеству остатков доисторической культуры и условиям их залегания. Ни прежде, ни после мне не приходилось встречать каменные орудия такой высокой художественной работы. Особенно изяществом отделки отличались оскобленные, шлифовальные ножи-кинжалы, наконечники стрел и копий из цимолитоватого сланца и обивные наконечники стрел из кремня и яшмы.

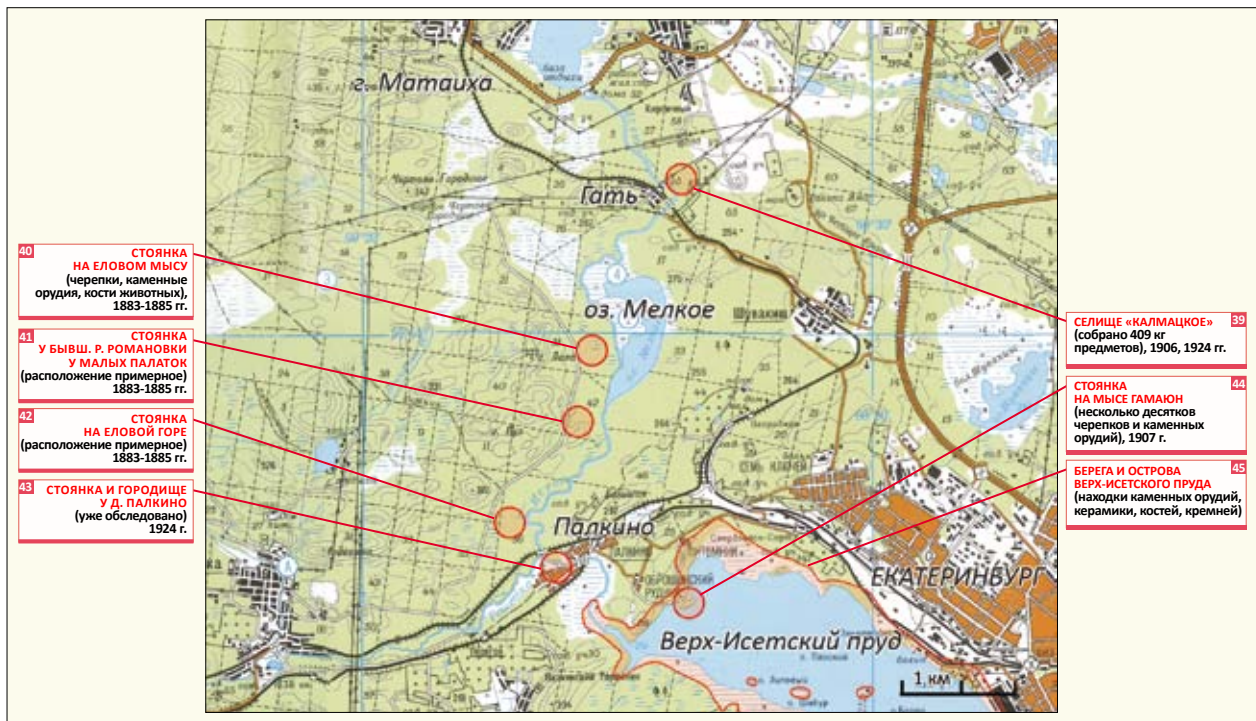
Толщина культурного (растительного) слоя здесь очень значительна — до 1½ аршин

Очаги и хозяйственные отбросы в культурном слое для будущих раскопок мною уже найдены, землянки-жилища несомненно будут найдены, так как почвенные условия были благоприятны для их строительства.

Во время моей работы здесь в 1907 году, ремонтные рабочие указывали мне яму, на правом берегу реки, саженях в 10 от полотна железной дороги к югу, в которой при добыче балласта для дороги они выкопали 3 человеческих скелета, при которых были маленькие горшки с узорами, такие же какие они видели в моих раскопках. Кости были, по словам рабочих, оставлены тут же, а горшки разбиты. Это же слышал от рабочих же Ю. П. Аргентовский. Проверить слова рабочих в то время я не мог, потому что работал как хищник, а яма находится на полосе отчуждения железной дороги и притом на открытом месте.

На признанную О. Е. Клер настоятельную необходимость производства научных раскопок селища «На Калмацком», и в торфянике 1-го Карасьего озера у острова Листвяного, я указывал в моей докладной записке Правлению Уральского Общества Любителей

■ Рис 91. Раскопки в верховьях реки Исеть, произведенные О. Е. Клером, Н. А. Рыжниковым, М. А. Малаховым, К. И. Фадеевым и другими археологами в 1874-1924 годах.

Естествознания, в частных беседах ученым археологам, теперь же после доклада профессора А. А. Спицина «О доисторической археологии Урала», сделанного им на общем собрании УОЛЕ 14 октября 1924 года, я положительно настаивал на необходимости производства научных раскопок на этих стоянках.

Меня не удивляет, что старый, заслуженный ученый археолог, почтенный профессор А. А. Спицин, назвавший нас, старых уральских археологов-любителей «Каменными патриотами», усиленно отказывался от моего настойчивого приглашения (Рыжников так настойчиво «тащит, тащит, тащит» меня на Карасье... Из доклада А. А. Спицина, 14/X, 1924 года) принять участие в разведочной «научной» раскопке, в торфянике у 1-го Карасьего озера, или же на «Калмацком» селище. Это вполне понятно: во мне, единственном представителе старых уральских археологов-любителей «Каменных патриотов», он видел самоучку археолога, обладающего «кой какими сведениями по доисторической археологии Урала», а с количеством и качеством научного материала, собранного «Каменными патриотами», и со способами обработки его ими он не был знаком. Но когда в следующие дни я показал ему только 1/2 часть собранного «каменными патриотами» материала, и познакомил почтенного А. А. Спицина со способами его классификации и обработки, то он пришел в такое удивление, и так и «прильнул» к витрине с остатками доисторической культуры с Исетского озера, что даже позабыл об обеде, о котором, наконец, вынужден был напомнить ему А. Ф. Теплоухов. Мнение его о «Каменных патриотах» сразу изменилось, и уже без второго моего приглашения на раскопки, он дал обещание приехать в Екатеринбург для производства научных раскопок на указываемых мною местах.

Но почему уклоняются от участия в этих раскопках наши молодые ученые археологи, предпочитая

вести свои научные раскопки на стоянках, открытых ими с площадью в несколько десятков квадратных сажен, где даже невозможно ожидать нахождение землянок-жилищ, — а не проводить научные раскопки на стоянках, хотя и не ими открытых, но в культурном слое которых возможно проведение траншей в сотни сажен, и вскрыв его сплошным «забоем», в несколько десятин, вот этого я никак не пойму.

Уклонение от раскопок в торфянике у 1-го Карасьего озера извинительно. Для этой работы недостаточно быть ученым археологом, а надо быть еще и страстным любителем. Раскопки в свежем, сыром торфянике дело очень и очень трудное даже для археолога «Каменного патриота»: работу приходится вести в глубокой яме, в грязи, и очень часто по колено в ключевой воде, рискуя своим здоровьем.

Неужели возможно, что наши ученые археологи, хотя и прошедшие археологическую науку по режиму «Их Сиятельств», создавших себе научную известность трудами своих сотрудников «Чумазных»¹¹⁷ и «Каменных патриотов»¹¹⁷, уклоняются вести эти раскопки из опасений, что результаты научных раскопок селища «на Калмацком» и в торфянике у 1-го Карасьего озера, на производстве которых я настаиваю (по завещанию О. Е. Клер), будут также роковыми для старой научной теории, какими были первый каменный молоток-топорик О. Е. Клер, для теории профессора Аспелина¹¹⁸ и 1-я буса из пасты Н. Рыжникова для теории профессора Штукенберга, Высоцкого и других¹¹⁹.

2-я Стоянка доисторического человека, на верховье реки Исети, находится на Еловом мысу (остров) у озера Мелкого. 40

3-я Стоянка находится на правом берегу реки Исети, у реки Романовки, на Малых Палатках, пониже озера Мелкого. 41

42 4. Стоянка находится на Еловой горе, в 4–5 вершках выше деревни Палкиной, на правом берегу реки Исети.

Эти три стоянки открыты мною в 1883–85 годах. На случайных обнажениях культурного слоя этих стоянок и на берегу реки мною собрано небольшое количество черепков, каменных орудий, осколков кремней и яшм и костей животных, которые переданы М. В. Малахову и О. Е. Клер.

С 1897 года здесь начали производить археологические исследования В. Я. Толмачев, а потом Ю. П. Аргентовский.

XI/1924. Н. Рыжников.

43 5. Стоянка и городище у деревни Палкиной.

Первые стоянка и городище доисторического человека каменного века — эпохи неолита на восточном склоне Урала, открыты в 1874 году у деревни Палкино, на верховье реки Исети, в 12 верстах к северо-западу от Екатеринбурга, М. В. Малаховым, С. Раунер и А. Сари, начавшим производить научные исследования Урала по указаниям и непосредственным руководством О. Е. Клер¹²⁰.

Стоянка и городище у деревни Палкиной очень обширны, — они захватывают всю площадь, занимаемую деревни Палкиной, по обоим берегам реки Исети, и распространяются к юго-востоку от нее, также по обоим берегам реки почти до самого Верх-Исетского пруда. Соответственно здесь несколько отдельных стоянок находящихся на очень близком расстоянии друг от друга.

Городище — вал и ров — находятся на правом берегу реки Исети, на горе (мысу), занятой постройками деревни Палкиной.

Первые раскопки для сбора вещей — остатков доисторической культуры, — на стоянке и городище у деревни Палкиной, долгое время производились жителями этой деревни, собиравшими здесь, преимущественно, медные вещи, которые они продавали «случайным» любителям старины или же скупщикам меди. Научные раскопки и исследование начались здесь только с 1874 года.

С 1874 по 85 год здесь производили раскопки М. В. Малахов и О. Е. Клер, с 1885 по 90 год К. И. Фадеев и О. Е. Клер, а с 1890 по 1900 год О. Е. Клер — и множество других, как местных, так и приезжих археологов и любителей: Барон Де-Бай, профессор Штукенберг, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Комес, П. Я. Замшин и проч.

Все остатки доисторической культуры, собранные здесь М. В. Малаховым, производившим свои научные раскопки и исследование Урала по поручению Имперского Географического Общества, переданы им в музей этого общества.¹²¹

Почти все вещи, собранные у деревни Палкиной О. Е. Клер в полуобработанном виде, т. е. большей частью реставрированные и классифицированные, но не описанные (орудия), переданы им в музей УОЛЕ, где они и хранятся.¹²²

Кроме вышеуказанных музеев, остатки доисторической культуры со стоянки и городища у деревни Палкиной находятся: в Казанском университете — от К. И. Фадеева, Московском археологическом обществе — О. Е. Клер, Гельсингфорсе, Стокгольме и Женеве — от О. Е. Клер, Вене, Париже, Нью-Йорке и многих других городах. Так велика известность Палкинского Городища.

Раскопки у деревни Палкиной производились главным образом на площади стоянки примыкающей к Городищу и на Городище. Вниз от нее по берегам реки раскопок «научных» не было, а между тем, тут на широком пространстве находится громадное количество остатков доисторической культуры. Приходя (нынешним летом) с мыса «Гамаюн» по дорожке на Казанскую железной дороги, в карьере этой дороги, саженьях в 150–200 от нее, и саженьях в 400 от реки Исети, я нашел очень много черепков и осколков кремня. Сколько же их вывезено отсюда на полотно дороги?

На северо-западном склоне горы, на которой находится Палкинское Городище, со стороны реки Решотки мною, а также и Ю. П. Аргентовским найдены остатки той же доисторической культуры.

Хотя я и поверхностно знаком со стоянками у деревни Палкиной, и на основании только этого с уверенностью говорю, что Палкинские стоянки доисторического человека, находящиеся между деревней и Верх-Исетским прудом, — богатая, тучная нива для археологических исследований.

6. Стоянка и Городище на горе «Светлой».

Гора Светлая находится верстах в 3-х к югу от деревни Палкиной и в одной версте от Верх-Исетского пруда и устья реки Светлой по левую сторону ее.

Стоянка и Городище открыты здесь К. И. Фадеевым в 1889 году. При произведенных им разведочных раскопках найдены черепки, каменные орудия, кости животных и изделия из меди — идолы, наконечники стрел и проч.

Раскопок здесь никем не производилось.

ВЕРХ-ИСЕТСКИЙ ПРУД

7. Стоянка доисторического человека на мысе «Гамаюн». **44**

Мыс «Гамаюн», последний северо-западный мыс Верх-Исетского пруда, у впадения в него реки Исети против устья речки Светлой.

Стоянка доисторического человека на мысу «Гамаюн» была очень обширна и занимала весь юго-западный склон его, в настоящее время размытый на очень значительное пространство. В 1899 году крестьянин деревни Палкиной Митрофан Соловьев произвел здесь небольшие раскопки для сбора остатков доисторической культуры, которые и продал О. Е. Клер.

1-го апреля 1907 года я тоже собрал здесь на оттаявших от снега берегах несколько десятков черепков и каменных орудий, которые продал Н. К. Минко.

При осмотре подмытых берегов мыса, состоящих из аллювиальных отложений, замечаются смешанность их с культурным слоем — следы ям-землянок.

Никаких научных исследований и раскопок здесь не было.

8. На берегах и случайных обнажениях культурного слоя островов Верх-Исетского пруда: Конном, Петухе и Баране **45**

остатки доисторической культуры — черепки, кремни, кости, каменные орудия и изделие из меди, были находимы О. Е. Клер, М. В. Малаховым, Н. Рыжниковым, К. Н. Фадеевым, В. Н. Толмачевым и многими

■ Рис 92. Раскопки на Первом Карасьем озере, произведенные О. Е. Клером, Н. А. Рыжниковым, М.А. Малаховым, другими археологами и местными жителями в 1873-1900 годах.

другими любителями-археологами, а главным образом, и много, служащими Верх-Исетского заводоуправления Сиговым, П. А. Медведевым, К. Ланшт, Ф. А. Фотиевым, Свечиным Г. А. и многими другими, имеющими сюда свободный доступ в любое время на пароходе. А также много собирали торговцы древностями П.Я. Замшин, Кокорин и Семенин.

Научных исследований и раскопок здесь не было производимо, потому что частных любителей не допускало до работ Верх-Исетское заводоуправление, предполагавшее произвести здесь раскопки своими средствами, в присутствии владельца заводов графа Стенбок-Фермор. Раскопки эти, назначенные на лето 1891 года, не состоялись, потому что О. Е. Клер работал в это время по поручению археологической комиссии на Ирбитском озере, Д. Н. Мамин-Сибиряк — на оз. Увильды, К. И. Фадеев был уже в Аахене, Н. Рыжников в Акмолинской области, С. И. Сергеев — в Перми.

Других же любителей-археологов, подготовленных к такой работе, в то время в Екатеринбурге не было. А бывшие сотрудники С. И. Сергеева, Вавилов и Мартемьянов, взявшиеся за ведение этой работы, через два дня отказались от нее. Ввиду такого положения продолжение раскопок по распоряжению графа Стенбок-Фермора было отложено до более благоприятного времени.

Острова и «старые» берега Верх-Исетского пруда и болота окружавшего его с юго-запада совершенно не исследованы учеными археологами, главным образом потому что «старые» пологие берега большей частью затоплены водой, а высокие кручи окружены болотом, а потому были труднодоступны; к тому же самовольные исследователи-любители преследовались Заводоуправлением.

1-Е КАРАСЬЕ ОЗЕРО

1-е Карасье озеро находится в Березовской даче, в 12 верстах на юго-восток от Екатеринбурга по Сибирскому тракту, в 1 версте к юго-востоку от него.

1-е Карасье озеро принадлежит к умирающим озерам — оно очень быстро (почти очевидно) затывается торфяным болотом, и в настоящее время площадь его не более одной квадратной версты. Болото же, окружавшее его, занимает площадь свыше 40 квадратных верст, пересекая на юго-запад реку Исеть, протекающую по нему почти от самого Нижне-Исетского (нового) завода до деревни Большой Исток (7 верст), на юго-восток реку Исток, впадающую в реку Исеть у деревни Большой Исток и на севере — реку Ржавец, впадающую в озеро с северо-запада. Начинаясь на севере у Сибирского тракта, оно к югу и юго-востоку простирается на 9–11 верст, при ширине 4–9 верст.

На болоте много островов, на которых кладоискатели ищут клады. Поиски кладов в этом районе начались (по преданию) с начала 20-х годов XIX века и продолжаются до настоящего времени. Особенно усиленные и в большом размере кладоискательские работы велись на «Листвяном» (он же Разбойничий) острове.

По преданию здесь обитала большая шайка разбойников, которой был ограблен караван золота, идущий из Сибири. Ограбленное золото, в количестве 48 штыков (144 пуда) было зарыто на Листвяном острове. Вскоре после этого грабежа шайка эта высланными войсками была уничтожена, но золото осталось не разысканным. Старики-обыватели Нижне-Исетского завода и деревни Большой Исток клятвенно уверяли (в 1886–9 годах) автора сей записки, что в конце 40-х годов XIX в. Управление Нижне-Исетского завода (будто было распоряжение Главного Начальника

Уральских Горных Заводов — Глинка), посылало большие партии рабочих для розысков этого клада на Листвяном острове. По свидетельству (достоверному) старожилов, на юго-восточном крутом берегу этого острова были порядочные «Сопки» — т. е. пластовые, гранитные скалы (Каменная палатка — Чертово Городище), разрушенные и сброшенные в болото кладоискателями.

Правда ли, что Глинка был причастен к делу поиска клада, но перед нами на лицо факт существующих огромных разработок глубоких ям — из которых выворочены валуны гранита в 1½ – 2 тысячи пудов весом, что вряд ли было посильно рядовому кладоискателю, при том же в силу традиций работающему ночью.

Что клады в данном районе были, это подтверждается их находкой (удостоверенной) в следующих местах:

1) Сажень в 70–80 от болотного устья реки «Ржавец», на западном «старом» берегу (к югу от Сибирского тракта), во второй половине 60-х годов XIX века привязанной к дереву лошадей приехавших сюда на охоту обывателей города Екатеринбурга граждан Максима Александрова, И. И. Четверикова, Ан. И. Воробьева и других, было вырыто несколько медных монет; увидевшие их охотники — владельцы лошадей, произвели здесь раскопку и нашли ценный клад — монет медных, серебряных и золотых времен Петра I – Екатерины II, всего до 15 пудов (сведения получены в 1889 году от И. И. Четверикова и дословно подтверждены Александровым и Воробьевым).

2) На острове, в 300 сажень приблизительно к юго-западу от озера и Истока-канавы, (Стоянка № 4), Кладоискателем гражданином Овчинниковым, города Екатеринбурга, в 1881 году найден очень ценный клад, состоящий из золотых монет так называемых ефимков или талеров, которых по личному заявлению Овчинникова было «с большим хвостиком» пудика три.

И 3) На «Листвяном» острове в 1886 году был найден клад и при нем кольчуга. Последняя через Горного Инженера Редикорцева передана и хранится в музее УОЛЕ с надписью «Найдена на острове «Ржавец» в 8 верстах к юго-востоку от Екатеринбурга». Здесь очевидна «умышленная» ошибка: автор находки, пожелавший прикрыться псевдонимом, скрыл и место находки — острова Ржавца нет, а есть река Ржавец, сажень в 150 от которой находится «Листвяной» остров.

Первая находка, указавшая на существование на Урале доисторического человека в Каменный век, эпохи неолита, и давшая толчок к дальнейшим изысканиям по доисторической археологии Урала, была сделана здесь в 1873 году учеником Екатеринбургского Реального училища И. Брюхановым, и состояла из Каменного молотка-топорика из темно-зеленого камня (дюрита).

Охотясь у Карасьего озера Брюханов зашел на «Лиственный» остров посмотреть на работы кладоискателей и здесь, на кучах гравия увидел этот оригинальный камень, взял его, чтоб показать своему учителю О. Е. Клер и узнать что это за минерал.

Осмотревши доставленный Брюхановым камень, Онисим Егорович пришел к заключению, что это не случайный «голыш», а каменный молоток-топорик

доисторического человека. Получивши же эту находку в свое распоряжение, О. Е. Клер на первом же общем собрании членов молодого еще тогда УОЛЕ сделал о ней доклад и демонстрировал ее. Это было так ново и смело, что доклад большинством слушателей был встречен с недоверием.

Обиженный недоверием О. Е. Клер энергично принялся за продолжение археологических изысканий, и в следующем 1844 году им, при участии его ученика М. В. Малахова и других учеников, были открыты стоянка и городище доисторического человека эпохи неолита на реке Исети у деревни Палкиной в 12 верстах к северо-западу от Екатеринбурга, а вскоре затем последовал целый ряд таких же открытий стоянок на островах и берегах Исетского, Аятского и многих других озер, сделанных М. В. Малаховым и его товарищами С. Раунер и А. Сари под непосредственным руководством и указанием О. Е. Клер, который, руководя работами, часть «новых открытий» всегда приписывал своим молодым сотрудникам, в числе которых с 1881 года был и Н. Рыжников.

Под впечатлением многих новых открытий, о находках на 1-м Карасьем озере как-то временно забыли.

Но вот с 1882 года я — Рыжников, сделавшись охотником-промышленником и ярким золотоискателем и «археологом», а по меткому определению моих знакомых «лесным бродягой», во время моих постоянных экскурсий, частенько проникал в такие дебри восточного Урала, где до меня бывали только охотники-промышленники, да кладоискатели и дровосеки. И везде, на берегах озер, островов, болот, реки речек, и по скалистым горам производил археологические изыскания отыскивая и собирая остатки культуры доисторического человека на случайных обнажениях почвы и путем разведочных раскопок, причем так увлекался, что забывал о первоначальной цели, т. е. о заработке. А это было для меня не «все равно», так как мои археологические «открытия» очень и очень скромно оплачивались сперва М. В. Малаховым, а после его смерти О. Е. Клер, а потому мне невольно приходилось прибегать к нежелательным сделкам ради поддержания своего существования: т. е. продавать находимые мною каменные орудия — топоры и стрелы — на которые всегда имелись покупатели: деревенские знахари-колдуны и кладоискатели, щедро платившие за эти вещи: за «громные стрелы».

Очень полезны были мне кладоискатели по отысканию новых стоянок доисторического человека. Я всегда охотно шел на те места, где кладоискатели искали или ищут клад, с твердой уверенностью что найду там остатки доисторической культуры, и очень редко ошибался в своем расчете. Исключение бывали только в тех случаях, когда кладоискатели искали «золото в сундучке» и «сундук серебра». В таких случаях всегда оказывалось, что поиски клада происходят на местах удаленных от воды и близких к подгорным золотосодержащим россыпям или к рудным месторождениям золота и серебросодержащих свинцовых руд.

Также полезны были для меня и деревенские колдуны-знахари. С помощью «Колдуна» я имел возможность проникнуть в таинственную «Шиловскую» пещеру на реки Исети, ниже деревни Шиловой, о существовании которой многие знают и очень много говорят, но почти никто не бывал в ней.

46

В мае месяце 1888 года, О. Е. Клер два раза осматривал открытые мною стоянки на берегах и островах 1-го Карасьего озера и наблюдая за моими раскопками на Листвяном острове пришел к заключению, что хотя здесь и невозможно уже изучение культурного слоя, но ввиду громадного количества остатков культуры каменного века и важного в доисторические времена стратегического и рыболовно-промышленного значения этого острова, а главное, что стоянке грозит окончательная гибель от работ кладочистителей, необходимо провести здесь самые энергичные работы по сбору культурных остатков, чтоб спасти их от разрушения, с хищниками же кладочистителями, вредящими делу, вступить в борьбу при помощи Березовского Заводоуправления и Лесной стражи, и тут же предложил мне взять

Отсутствие средств не дало мне возможности произвести здесь научных раскопок, и место это, — научное значение которого так высоко оценивал О. Е. Клер, что до производства научных раскопок здесь, в торфах у Листвяного острова, не решился заканчивать обработку и издание своих коллекций, а также и коллекции с Исетского озера, собранной и полудоработанной им же, а предпочел

в полудоработанном виде передать их УОЛЕ, в надежде, что он закончит начатую работу тогда, когда будут произведены эти важные и необходимые раскопки, — доныне не раскопано и не исследовано. На что я еще раз прошу УОЛЕ и ученых археологов обратить самое серьезное внимание.

Стоянки доисторического человека на 1-м Карасьем озере так же, как и на других, находятся преимущественно на возвышенных побережьях водного бассейна от которого берег постепенно повышается и образует кряж и холм.

С любого пункта побережья открывается обширный вид на всю долину, что по всей вероятности имел ввиду доисторический человек, избирая эту местность для своего поселения. Здесь он всегда мог наблюдать, что делается вокруг его, и благодаря этому имел больше шансов в случае нападения. Вблизи своего селища он добывал прямо из выходов горных пород богатый материал для производства необходимых орудий и оружия, а обитатели вод служили ему пищей.

Стоянки у первого Карасьего озера находятся на большом острове и на старых берегах озера и зарегистрированы в таком порядке:

47 1/1) Стоянка на Листвяном или Разбойничьем острове.

Листвяный остров находится в северо-западной части болота, окружающего озеро, в одной версте на юг от Сибирского тракта и старого устья реки Ржавца, впадающей в озеро с северо-запада (восточнее озера), сажень в 150 от конторы торфяника и почти в таком же расстоянии от северо-западного угла озера, против безымянного лога-ключа, впадающего в болото и озеро (южнее острова) с запада.

Площадь острова небольшая, длина около 80 сажень, ширина до 55 сажень. Это гранито-аплитовый кряж простирается с севера на юг. Южный берег острова возвышается над уровнем озера сажень на 6 и очень крут. Северный — совершенно отлогий.

Поверхность озера в полном смысле — изуродована кладоискателями, в течение столетия ищущими здесь клад.

Сбор «вещей» — остатков доисторической культуры — и раскопки начались Н. Рыжниковым с 1882 и продолжались им до 1900 года, и почти все находки, собранные им, поступили в собрание О. Е. Клер, а последним переданы в Музей УОЛЕ, где и хранятся. В музее же хранятся и находки собранные Д. Н. Маминым-Сибиряком и А. И. Геккель, проводившими здесь небольшую раскопку в 1888 годах

Все культурные остатки доисторического человека, собранные Н. Рыжниковым и другими лицами на этой стоянке, относятся к каменному веку эпохи неолита — изделия из глины, камня, кости, дерева, коры — береста, и лишь 4-5 вещей относятся к более поздней эпохе: буса из паст и изделие из меди.

48 2/2) Стоянка или селище № 2 находится на западном, «старом» берегу озера-болота, начинаясь у устья безымянного лога, она простирается к югу от него сажень на 120, при ширине до 80 сажень.

48 3/3) Стоянка № 3 находится на том же западном берегу, к югу от стоянки № 2, приблизительно в 1/2 версте, и занимает почти такую же площадь, как и предыдущая.

Раскопок на стоянках № 2 и 3 никем не производилось, а лишь в период с 1884 по 1890 годы Н. Рыжниковым были проведены здесь разведочные «копушки», да собрано незначительное количество остатков доисторической культуры — черепков, каменных орудий, костей животных, и найдено много осколков (щебня) от обделки каменных орудий и большие точила из гранита.

Хотя по всему западному берегу болота остатки доисторической культуры и встречаются почти непрерывно, местами (на стоянках) в довольно значительном количестве, но производство здесь научных раскопок уже не возможно: теперь по всему побережью широкой полосой тянутся пашни. Здесь возможен и вполне удобен только «сбор вещей», которые выпадают в значительном количестве.

Культурный слой по всему побережью очень незначителен: 1-4 верш. (утолщается по мере приближения к болоту), и культурные остатки залегают преимущественно в слое суглинка (супесок), мощность которого достигает 1 1/2 аршин.

49 4/4) Стоянка № 4 находится на острове, находящемся к юго-западу от озера сажень в 350. Остров — гранитный кряж, имеет яйцевидную форму, причем восточная половина его, более широкая, очень пологая, а западная же — коническая — довольно возвышена, и северо-западный склон крутой (под углом 45°). Величина острова 150×120 сажень. Стоянка занимает всю юго-восточную половину острова.

Раскопок здесь не было, а выше произведены Н. Рыжниковым разведки-копушки, да незначительный сбор остатков доисторической культуры на свежераспаханной пашне.

Хотя значительная часть площади, занятой стоянкой, распаханна, но по северо-восточному побережью острова произвести научные раскопки вполне возможно. На пашне же можно производить сбор выкопанных вещей. Кстати — здесь много костей животных. Немногочисленные находки доисторической культуры, собранные Н. Рыжниковым, переданы им в «Собрание» О. Е. Клер, а последним в музей УОЛЕ.

50 5/5) Стоянка № 5 находится на низком гранитном полуострове на восточном берегу озера, около дачи Иванова (где каменная избушка рыбаков), и занимает очень небольшую площадь (40×25 сажень).

Стоянка была открыта Н. Рыжниковым в 88 годах При разведках, произведенных им, были найдены черепки, каменные орудия и изделия из меди — наконечники стрел, бляшки и медный птицевидный идол.

В 1888 и 89 году здесь были произведены раскопки Инженером путей сообщения Сержпутовским и Н. Рыжниковым. Собранный материал: черепки орнаментированных сосудов, каменные орудия (не много) изделие из камня, а главным образом изделие из меди, — которых здесь было собрано и скуплено у крестьян свыше 50 фунтов, поступили Сержпутовскому, и отправлены им в Варшавский музей.

51 6/6) Стоянка № 6 на небольшом острове, находящемся в северо-восточной части болота, вблизи Сибирского тракта и «Ивановской» дачи. Остров — гранитный кряж, простирающийся с севера на юг, сажень по 100 при ширине до 35 сажень и высоте 5-6 сажень. Здесь в больших размерах производилась ломка

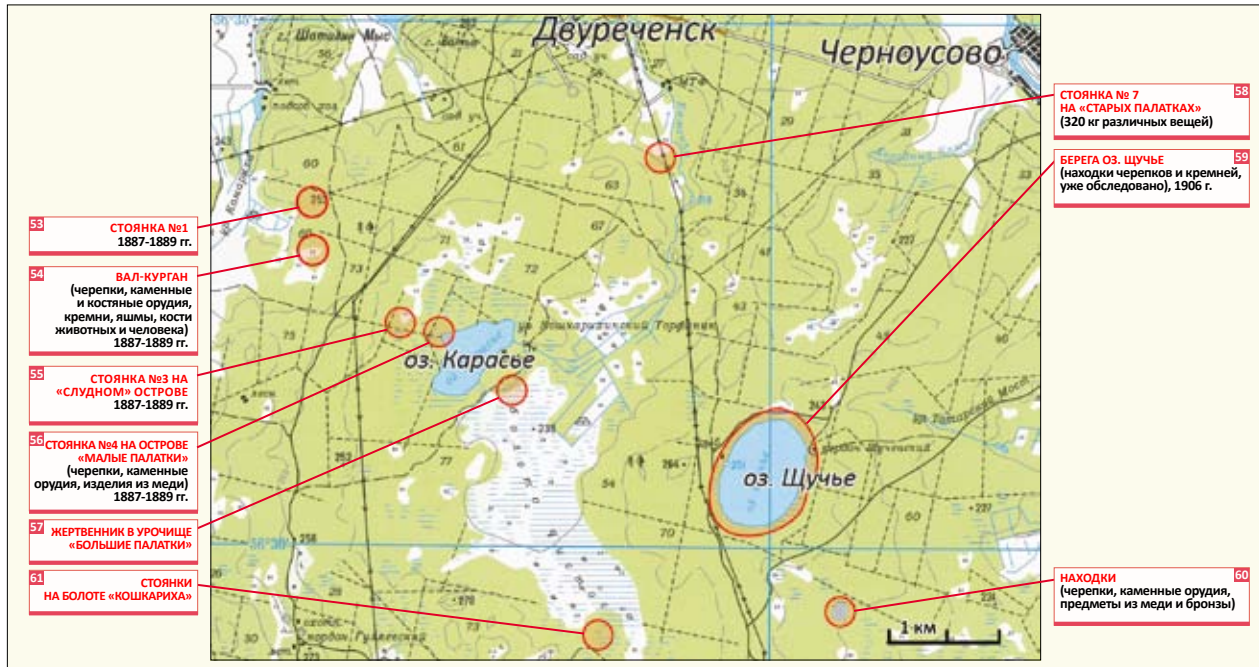

Рис 94. Обследования 2-го Карасьего озера, произведенные О. Е. Клером, Н. А. Рыжниковым, К. И. Фадеевым, Д. Н. Маминым-Сибиряком и А. И. Геккель в 1887-1906 гг.

и добыча гранита для постройки Ивановской фабрики, а также для построек в деревни Малый Исток.

Стоянка хотя и была уже полу-уничтожена при добыче камня, но все же дала богатый материал, значительно пополнивший сохранившиеся у края деревни Малый Исток И. Н. Пермякова медными «образками» (чудачками) и разными мелкими медными изделиями, которые были найдены в начале работ по добыче гранита.

Раскопки здесь были произведены вышеуказанным Сержпутовским и Н. Рыжниковым очень тщательные: раскапывался каждый клочок уцелевшего культурного слоя – суглинка. Весь собранный материал (незначительный по количеству труда): черепки, медные изделия и очень немного – изделий из камня, поступили Сержпутовскому.

52 7/7) Стоянка № 7 находится на очень небольшом гранитном острове покосе, покрытом громадными плитами — валунами гранита, слабо возвышающемся над уровнем озера (2 аршина). Остров находится с северной части болота, саженях в 70 к северу от озера и саженях в 150 от реки Ржавец.

При разведках, произведенных Н. Рыжниковым, найдены черепки-обломки орнаментированных глиняных сосудов, каменные орудия и осколки кремней, медных наконечников стрел, один птицевидный идол, большая медная бляха и проч. Находки проданы Сержпутовскому. Раскопок не производилось.

8/8) Стоянка № 8 находится в урочище «Черный ключ», верстах в 2 ½ к северу от села Арамилского, на правом берегу ключа, впадающего в болото с юго-востока. Раскопок здесь не было.

Крестьянами села Арамилского при поисках здесь «клада» найдены и доставлены в музей УОЛЕ два железных ковша с ясными следами плавки в них меди. Рыжников, бывавший на этих стоянках, нашел только черепки да осколки кремня и яшмы.

II-Е КАРАСЬЕ ОЗЕРО И ОЗЕРА: «ОСТРОВИТОЕ», «БЕРЕЗОВОЕ», «ЩУЧЬЕ», «СОСНОВСКОЕ» И БОЛОТО «КОШКАРИХА».

2-е Карасьё озеро находится в 50 верстах на юго-восток от Екатеринбурга. Из Екатеринбурга к нему две дороги: 1-я через станцию Косулино Т. железной дороги, деревни Донок, Вьюхину и Ключевскую, от последней до озера 13 верст, 2-я чрез Нижне-Исетский завод, село Арамилское и деревни Кадникову или Черданцеву, от которых до него 12 верст.

Маленькое (3/4 квадратных версты) «умирающее» 2-е Карасьё озеро находится в северо-восточной части большого торфяного болота «Чистого», являющегося продолжением (заливом) болота «Кошкареха», с северной частью которого оно соединяется нешироким болотным рукавом, пересекаемым Багаряжской дорогой. В юго-восточной части «Чистого» болота, верстах 5–6 к югу от 2-го Карасьёго озера находятся два таких же маленьких, умирающих озера «Островитое» и «Березовое», отделенные друг от друга и от «старых» берегов — болотом.

Стоянки доисторического человека каменного века, эпохи неолита, в этом озерно-болотистом бассейне открыты Н. Рыжниковым в 1887–89 годах в следующих местах.

53 1-я Стоянка — 2-е Карасьё озеро находится на небольшом (100-х150 саженей), совершенно ровном острове, возвышающемся над озером на 2 ½ аршина, составляющем северную часть восточного берега озера. Вдоль берега острова со стороны озера проходит вал шириною до 8 аршин и вышиною до 1½ аршина над уровнем острова, состоящий из крупных валунов гранита и гравиевых отложений перемешанных с растительным слоем. Вал этот, кажется, по-видимому, искусственный: по берегу озера Большой Шарташ (в 5 верстах к востоку от Екатеринбурга) такие же «валы»

тянутся на целые версты, а они, осматривающими их в 1897 году членами геологического конгресса, признаны искусственным сооружением доисторических времен.

Остатки доисторической культуры встречаются по всему острову, но особенно много их находится в полосе около вала и по нему; но, к сожалению, произвести раскопки было нельзя, потому что тут группировались постройки находящейся здесь «заимки» купца Грачева.

Небольшие раскопки для сбора остатков доисторической культуры на этой стоянке были произведены Н. Рыжниковым в 1887–89 годах, и все собранные им находки переданы О. Е. Клер, а последним принесены в дар музею УОЛЕ, где они и хранятся в необработанном виде.

Здесь же в 1888 году произвели небольшие раскопки Д. Н. Мамин-Сибиряк и А. И. Геккель, а в 1889 году — К. И. Фадеев.

Находки, собранные А. И. Геккель, поступили и находятся в музее УОЛЕ, а находки собранные Д. Н. Мамин-Сибиряком и Константином Ивановичем Фадеевым поступили в Археологическую Комиссию, по поручению которой производились раскопки.

54 2. Вал-Курган.

Сажень в 150 к югу от стоянки К1, на том же высоком, но здесь уже торфяном берегу озера, в 2–6 сажень от него находится продолговатый, с севера на юг слегка изогнутый (сегмент) вал-курган длиной до 45 и шириной 7–10 аршин и вышиной до 3 ½ аршин с крутыми склонами. Вал этот состоит из валунов гранита и суглинка (гравиевых отложений), перемешанного с культурным слоем. На поверхности вала и в нем, при раскопках его Н. А. Рыжниковым и крестьянином деревни Кадниковой А. Т. Антроповым, прорывшими его во всю ширину и высоту широкой поперечной канавой, было найдено много остатков доисторической культуры — черепков, каменных и костяных орудий, кремней, яшмы и костей животных и несколько костей человека, покрытых известковой корочкой-патиной.

Не подлежит сомнению, что вал этот искусственный, и насыпан доисторическим человеком в более позднюю эпоху, а материал для его насыпи был взят с какой-то древней стоянки — возможно что и стоянки К1 — слишком уж ровная поверхность.

Находки, т. е. остатки, собранные здесь Н. Рыжниковым переданы им О. Е. Клер, в «Собрании» которого они и хранятся в музее УОЛЕ

Находки, собранные Артем Антроповым, проданы им Д. Н. Мамину-Сибиряку, так как О. Е. Клер, по просьбе которого Антропов и произвел раскопку кургана, не мог их купить, потому что в этот день его квартире угрожал громадный пожар, с большими усилиями остановленный рядом с ней.

К. И. Фадеев ездил на 2-е Карасье озеро по просьбе Д. Н. Мамина-Сибиряка, после покупки находок у Антропова, со специальной задачей прорыть еще две три канавы на этом валу и описать его. Отчет Фадеева об этой раскопке передан Д. Н. Мамину, а что последний сделал с ним — неизвестно.

Стоянка К1 на 2-м Карасьем озере и вал курган представляют глубокий научный интерес. Но научных раскопок здесь не было, а их необходимо сделать в первую очередь, почему я прошу будущих археологов — специалистов, не упустить из виду это ценное место.

3. Стоянка № 3 на «Слудном» острове, находящемся в 3 ½ верстах к юго-востоку от стоянки К 1-й, в том же «Чистом» болоте. На этом острове до половины XIX столетия производилась добыча слюды. Дорога от стоянки К1 на Слудный остров идет по песчаной насыпи, неизвестно кем, когда и для чего насыпанной по этому болоту.

При разведках, произведенных на южном склоне Слудного острова Н. Рыжниковым, найдены черепки кремни — остатки доисторической культуры.

Научных раскопок не было.

4. Стоянка № 4, на острове «Малые Палатки», находящемся в том же болоте, сажень в 300 к востоку от острова «Слудного».

«Малые Палатки» небольшой островок — гранитный кряж, по гриве которого тянутся небольшие гранитные «Сопки» (Чертово городище).

Раскопки здесь были произведены Н. Рыжниковым в 1887 и 89 годах около Сопок, и найдены черепки, каменные орудия (не много) и орудия и изделия из меди: 2 кельта, наконечники стрел и копья, разные бляхи пряжки, колечки и прочее. Почти все находки проданы Сержпутовскому. Научных раскопок не было, а произвести их можно.

5. Жертовник в урочище «Большие палатки» (Чертово городище) на юго-восточном, «старом» берегу, сажень в 350 к югу от «Малых Палаток».

При разведочной раскопке здесь около «сопок» найдены черепки, каменные и медные орудия и обожженные кости. Находки поступили в собрание О. Е. Клер.

Научных раскопок не было, а произвести их следует и вполне возможно.

6. Стоянка № 7 находится верстах в двух к востоку — северо-востоку от 2-го Карасьева озера на урочище «Старые палатки»; Старые палатки — большие уже заброшенные каменоломни, на которых добывался камень для Колташевской плотины и построек.

При произведенных здесь больших раскопках Инженером Путей Сообщения Сержпутовским по указанию Рыжникова было собрано очень много разных остатков доисторической культуры — черепков и глиняных изделий, каменных, костяных и медных орудий и различных изделий, два больших железных ножа «Сарматского типа», железные удила, и стремя, и другие вещи, всего до 20 пуд, причем преобладали черепки, костяные и медные вещи, каменных орудий было мало. Раскопки производились около ям-каменоломен. В 1897 году здесь, по поручению Сержпутовского, были вновь произведены раскопки П. Я. Замшиным и К. А. Антроповым.

(Сообщил П. Замшин)

7. Стоянка доисторического человека находится на южном «старом» берегу, к югу от озер Островное и Березовое, сажень в 300, и к северу от дороги в сел Багарякское, на пашне крестьянина села Сосновского, занимая площадь 300×150 сажень.

Здесь были произведены большие раскопки Инокентием Сержпутовским в 1889 году, и все собранные им находки, среди которых было много медных вещей, поступили в его «собрание».

В музее УОЛЕ имеется несколько медных вещей, доставленных владельцем этой пашни, нашедшим их при распашке ее.

Н. Рыжников

59 8. Озеро Щучье.

Щучье озеро находится в 6 верстах к востоку от 2-го Карасьего озера. Берега его большею частью возвышенные и песчаные.

Раскопки на берегах Щучьего озера были произведены в 1890 году по поручению Сержпутовского, С. Н. Яковлевым, а в 1904–05 годы: служащим на механическом заводе Бр. Ятес. Суворовым. Собранные вещи, остатки доисторической культуры, черепки, каменные и медные орудия отправлены Сержпутовскому.

(Сообщение Суворова и Третьякова)

В 1906 году при «случайном» осмотре берегов Щучьего озера мною найдены черепки и кремни в 4 местах.

1924 год — Н. Рыжников

60 9. Сосновское озеро.

Озеро Сосновское находится в 10 верстах к юго-востоку озера Щучьего и 4 верстах к востоку от озера «Березовые». На пашнях, окружающих озеро и село Сосновское, очень часто выпаживают разные доисторические вещи, из которых находчики пахари подбирают, да и то не всегда, — только металлические вещи — из меди, бронзы и проч. — как более ценные, на черепки же и каменные орудия, как на вещи «обычные», не обращают внимания.

Одну из таких «ценных» находок, из которой находчик кормил куриц, серебряное «Сасанидское» блюдо, весом 3 ½ фунта я купил в 1888 году за... бутылку водки — 35 коп.

1924 год. Н. Рыжников

61 10. Болото «Кошкариха».

Большое болото Кошкариха находится к югу от болота Чистого и, как я уже говорил, соединяется с последним болотным рукавом и простирается к югу верст на 12 при ширине до 10 верст. На нем более 10 островов на трех из них ищут клад.

На некоторых островах и на пашнях по окружающим болото возвышенным берегам при осмотре их мною в 1889 году были найдены остатки культуры доисторического человека, я за давностью времени затрудняюсь указать точно.

Мне известно, что в период 1890–1903 годов на доисторических стоянках болота Кошкариха производились раскопки для сбора вещей по поручению господина Гершойга и Сержпутовского — исполненные Замшиным.

(Сообщение П. Замшина)

Этой местности, богатой остатками медного века, мною было уделено мало внимания, потому что мой руководитель О. Е. Клер, да и я, стремились к исследованию «Каменного века».

«Старые берега» этого обширного «бывшего» водного бассейна и большинство находящихся на нем островов совершенно не исследованы, и это следует сделать. Край этот касается на юго-востоке областью озера, впоследствии заселяемой Монголами, вытеснившими старых насельников, в свою очередь вытесненных русскими.

Южный берег болота к северу от «Больших палаток» на большом протяжении состоит из талька и тальковато-сланцеватой глины, из которой, главным образом, выделялись сосуды в эпоху неолита.

Здесь же — на «Больших палатках» — был и свой жертвенник, а возможно, что и капище.

АЯТСКОЕ И ЕЛЬНИЧНОЕ ОЗЕРА

Аятское озеро находится к северу от города Екатеринбурга, в 65 верстах. Из Екатеринбурга на Аятское озеро две дороги: 1-я по Верхотурскому тракту до села Мостовка, или до деревни Шайдурихи, от которых до озера 15 верст, 2-я по Уральской Горнозаводской железной дороге до станции «Рудянка» от которой до него 18 верст на лошадях.

Аятское озеро довольно большое: длина его 11 верст, ширина 7 верст, с северо-востока в него впадает речка Елоловка, вытекающая из Ельничного озера, с юга речка «Шайтан». На севере из него вытекает река Аять приток реки Адуя, на истоке которой построена плотина.

Высокие «старые» берега озера, изрезанные бухтами и заливами, теперь затянутые болотом, отделяющим их от озера, мало доступны.

Стоянки доисторического человека эпохи неолита, открытые на островах и берегах Аятского озера в 1876–78 годах М. В. Малаховым, С. Ю. Раунер и А. С. Сарри.

В 1881–82 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества, Мих. В. Малаховым на некоторых стоянках доисторического человека на берегах Аятского озера были произведены небольшие научные раскопки, при которых собрано большое количество черепков глиняных орнаментированных сосудов, изделий из глины, каменных и костяных орудий и изделий из меди. Все эти вещи, а также и отчет о работах переданы им в Императорское Географическое Общество. Туда же, после смерти М. В. Малахова, последовавшей в 1885 году, его матерью были переданы все его научные работы о произведенных им исследованиях, а также и статьи «Лук и стрелы» и другие, приготовленные им для издания, которые Императорское Географическое Общество обещалось напечатать в «Известиях Императорского Географического Общества», чего в течение 20 лет так и не сделало. Когда же наследники М. В. Малахова потребовали их обратно для напечатания в записках УОЛЕ, то им были возвращены только «посмертные записки» М. В. Малахова, уже ранее напечатанные в XIV т. Записок УОЛЕ, весь остальной материал, переданный, по объяснению Императорского Географического Общества, Д. Д. Анучину для обработки, последним затерян.

Все находки доисторической культуры, собранные М. В. Малаховым на островах Аятского озера до 1880 года, переданы им в музей УОЛЕ, где они и хранятся. Кроме этих вещей, в музее УОЛЕ имеется такие же находки, собранные на берегах Аятского озера помощником хранителя музея Тихоновым, П. В. Кулановым и другими лицами, в 1905–08 годах.

В 1903–05 годах «на островах» Аятского озера, были произведены раскопки для сбора остатков доисторической культуры (со спекулятивной целью) П. Я. Замшиным (коллекция минералов в Екатеринбурге) и крестьянином деревни Колташи, Екатеринбургского уезда — Сем. Перишным, которыми, кроме многочисленных изделий из глины, камня и кости, найдено несколько медных идолов и других изделий из меди, и формы для отливок.

(Сообщено П. Я. Замшиным)

■ Рис 95. Раскопки и обследование на берегах Аятского озера, произведенные М. В. Малаховым, С. Ю. Райнер, А. С. Сарри, Н. А. Рыжниковым и другими лицами в 1876-1908 годах.

Стоянки доисторического человека на «островах» и берегах Аятского озера открыты в следующих местах:

- 62 1-я — На острове «Молебном» под северо-восточным берегом.
- 63 2-я — На острове «Средний» под восточным берегом.
- 64 3-я — На урочище «Казенка» на юго-западном берегу.
- 65 4-я — На урочище «Кунгурова избушка» на западном берегу.
- 66 5-я — На урочище «Запад» на западном берегу.
- 67 6-я — На урочище «Ельничный» западный береговой остров.

68 7-я — Курган на истоке Аять. В двух верстах ниже Аятской плотинки, там, где, исток Аять делает изгиб, уклоняясь на северо-восток, на правом берегу его в расстоянии около 40 сажен от русла, возвышается продолговатый, с юго-востока на северо-запад, холм, высотой до одной сажени, покрытый лесом. Ширина его 28 шагов. Бока скатов имеют до 45°, причем юго-западная часть спуска более крута. На поверхности его несколько ям, следов раскопки. По народному сказу здесь обитала чужь. Под растительным слоем до 2-х четвертей аршин, т. е. смеси черноземной земли, угля и проч., залегает красноватый суглинок, в котором найдены черепки и кремни. При этой разведочной раскопке, произведенной М. В. Малаховым, очень неглубокой, я присутствовал, и помню, что М. В. высказывал предположение, что это насыпной курган.

Незначительность количества стоянок доисторического человека, открытых на берегах и островах

Аятского озера, объясняется тем, что оно очень мало исследовано, и все «открытия» на нем «стоянок» имеют случайный характер. До сих пор там не было любителя-исследователя, который свободно располагал бы временем и имел достаточно энергии забираться в глухие места на «старых» берегах озера, отделенных от него болотом, и на утлой лодчонке развезжать по этому большому и бурному озеру, не имеющему на своей середине ни одного острова, где бы можно было укрыться от внезапной бури.

Все ученые и любители исследователи приезжают сюда с ограниченными средствами и на определенный срок, при том же не всегда в благоприятную погоду, а потому они вынуждены удовлетворять свои задания на первых же, ранее открытых и более доступных стоянках, и не рискуют на поиски новых.

Будучи хорошо знаком со «старыми» берегами Аятского озера, я глубоко убежден, что количество стоянок доисторического человека на нем значительно больше, чем на Исетском озере. Бродя во время охоты, по этим берегам, я находил остатки доисторической культуры в очень многих местах, не делая тут сбора находок и разведок, потому что приходил и уходил пешком, притом же обременен убитой дичью.

Для ученого археолога Аятское озеро — очень ценный клад. Своим истоком — Аять — оно связано с бассейном рек Аdua и Режа, так богатыми «писанцами», а впадающей в него речкой «Шайтан» оно, в доисторические времена, несомненно, было с Шитовским и Исетским озерами.

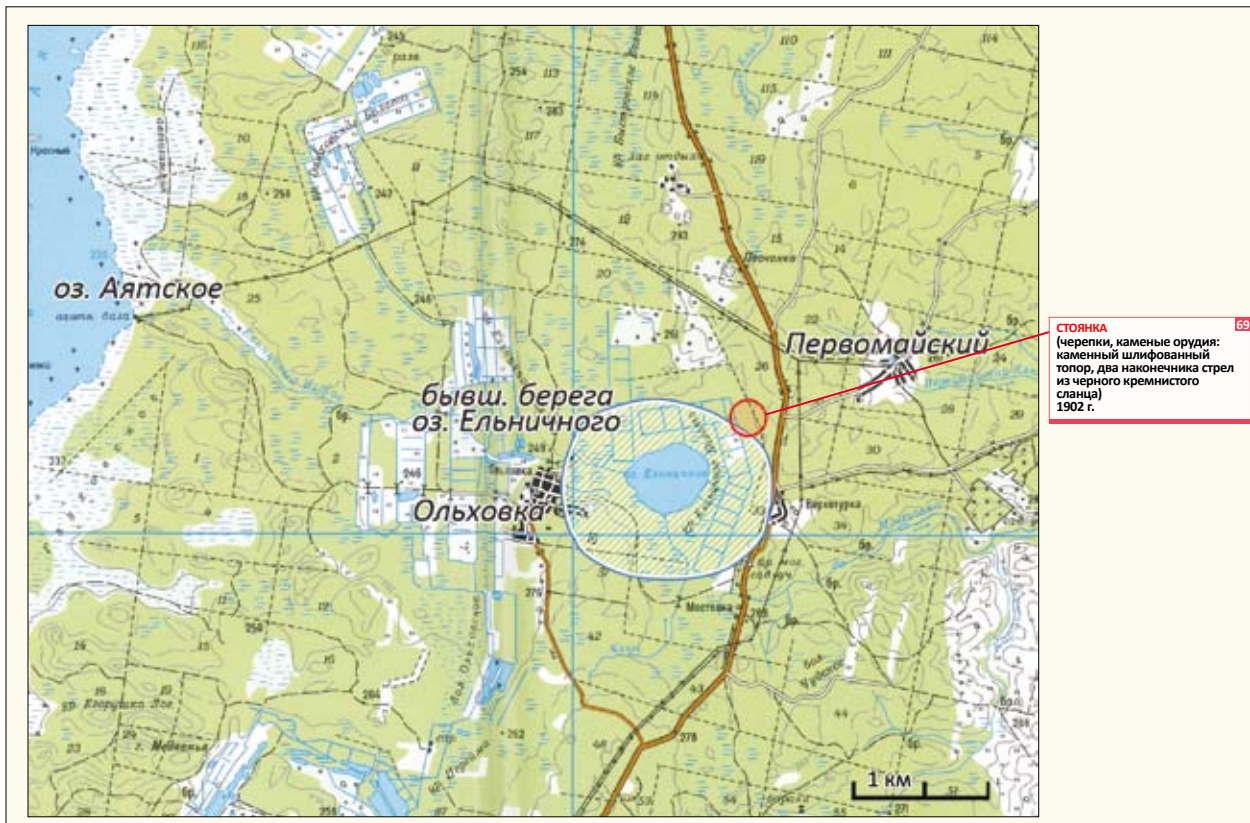

Рис 96. Обследование берегов озера Ельничное, произведенное Н. А. Рыжниковым и П. В. Жулановым в 1902 г.

ОЗЕРО ЕЛЬНИШНОЕ

Озеро Ельнишное находится в 4 верстах к западу от села Мостовка, и в 11 верстах к востоку от озера Аятское, с которым оно связано протоком — речкой Еловкой, впадающей в Аятское с востока.

Озеро Ельнишное небольшое — 3–4 квадратных версты, и почти кругом окружено болотом. Озеро это быстро умирает: на моей памяти площадь его сократилась почти наполовину.

69 1-я Стоянка доисторического человека находится на северо-восточном берегу озера, на склоне гранитного кряжа, далеко врезавшегося своим подножьем в «старое» озеро.

Стоянка эта открыта в 1902 году Н. А. Рыжников и П. В. Жулановым (бывшим смотрителем Мостовского прииска). Причем никаких раскопок они не делали, а лишь собрали на песчаном берегу порядочное количество черепков, каменных орудий — каменный шлифованный топор и два наконечника стрел из черного кремнистого сланца, которые и были оставлены у Жуланова впредь до производства им здесь раскопок.

В то же время золотоискатели крестьяне деревни Мостовки и Верхотурья сообщали П. В. Жуланову, своему непосредственному начальству, что ими при пробивке в болоте к западу от озера шурфов на золото был найден цельный горшок и доска вроде лыжи, которые они продали торговцу камнями Д. К. Звереву.

ОЗЕРО ТАВАТУЙ И ВЕРХ-НЕЙВИНСКИЙ ПРУД

Озеро Таватуй и Верх-Нейвинский пруд составляют теперь одно целое — находятся в 40 верстах к северо-запад от Екатеринбурга, в даче Верх-Исетских заводов.

Самый удобный путь на него по Уральской Горнозаводской железной дороге до станции Билимбай (Тарасково) от которой до озера 4 версты, или же до станции Верх-Нейвинск, той же дороги, которая стоит на берегу пруда. Длина озера с прудом свыше 20 верст шириною 4 ½ версты.

Кроме пяти больших островов на нем находят много маленьких, довольно живописных островов (шапок). На северо-восточном берегу озера, на склоне горы, находится село «Таватуйское».

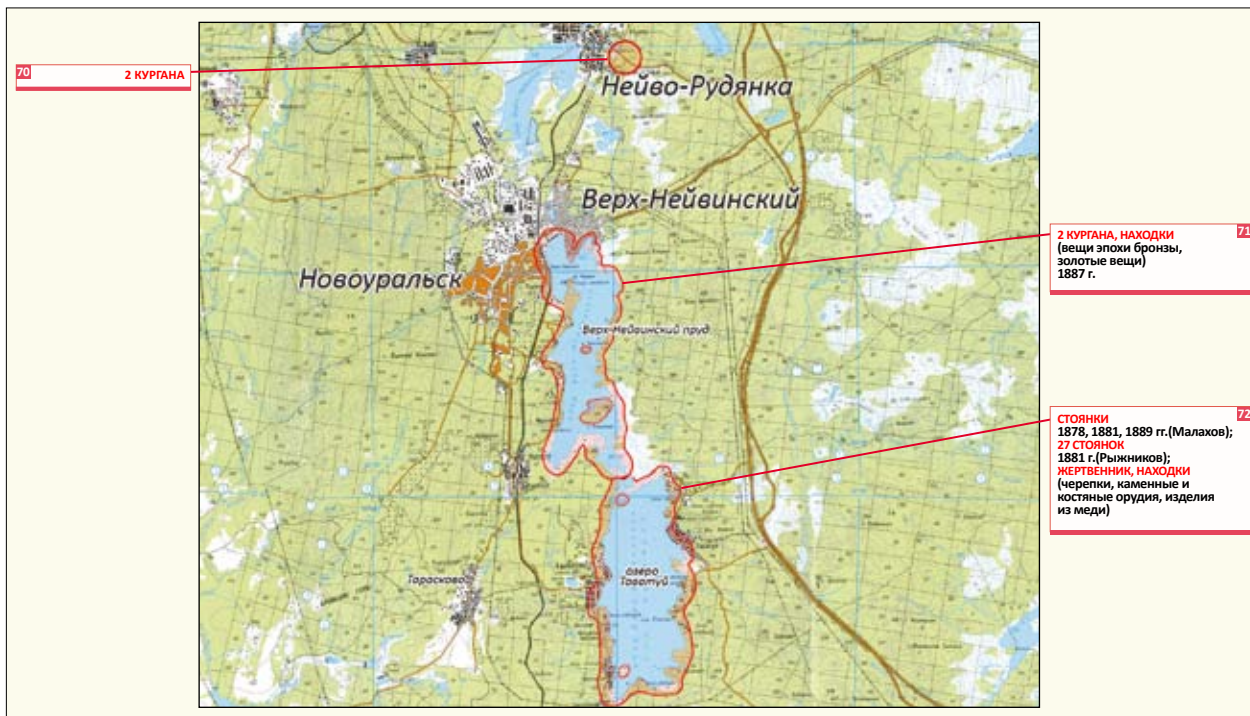
Берега озера очень живописные — высокие горы, составляющие его берега, глубоко врезаваясь в него своими подножьями, образуют многочисленные бухты.

Стоянки доисторического человека открыты на больших островах и на берегу у сел Таватуйского М. В. Малаховым и О. Е. Клер в 1878 годах

В 1881 году М. В. Малаховым по поручению Императорского Географического Общества, на островах Таватуйского озера были произведены небольшие раскопки, в которых я принимал участие.

Собранные вещи и отчет о работах поступили в Императорское Географическое Общество.

В 1889 году действительный член УОЛЕ С. И. Сергеев также «открыл» стоянки доисторического человека на островах и берегах Таватуйского озера и производил здесь свои археологические

■ Рис 97. Обследование берегов озера Таватуй и Верх-Нейвинского пруда, проведенное Н.А. Рыжниковым.

исследования, причем собрал на них остатки доисторической культуры — черепки, каменные орудия и другие — которые переданы им в музей УОЛЕ, где они и хранятся.

Н. Рыжников, начиная с 1881 года, бывал на Таватуйском озере для охоты и рыбной ловли, о которых часто забывал, увлекшись осмотром стоянок доисторического человека и сбором остатков его культуры, находящихся на берегах.

72 В моих записках (утраченных в бурные 1919–20 годы), было зарегистрировано 27 больших стоянок доисторического человека эпохи неолита на берегах и 5 на островах Таватуйского озера и Верх-Нейвинского пруда.

В бытность мою в Верх-Нейвинске я неоднократно покупал у жителей завода П. Аристов, господина Зелюдина и других разные каменные орудия и крупные кости, которые были найдены ими при добыче золота на дне пруда, когда из него была спущена вода.

Все собранные мною находки-остатки доисторической культуры — черепки, каменные и костяные орудия, изделия из меди (немного) и кости животных — всего 9 ½ пудов, проданы мною действующему члену

71 УОЛЕ доктору Д. Д. Ерофееву. **Находки же из двух курганов, раскопанных мною в окрестностях Верх-Нейвинского пруда в 1887 году,** состоящие из вещей более поздней эпохи, в числе которых были и золотые вещи (серьги, браслет, бляшки и проч.) очень грубой работы (древне-русской по определению археологов) и костяки, проданы мною Сержпутовскому.

Теперь, за утерю моих археологических записок (дневника), я затрудняюсь указать точное местонахождение курганов (которых было очень много), и вероятно мне и самому найти их будет нелегко, так как я не был в этом районе с 1906 года.

Летом 1924 года, во время моих археологических экскурсий по поручению Уральского Общества Любителей Естествознания, я намеревался побывать

на «Таватуйском» озере с целью отыскать «Могилицы», т. е. эти курганчики, а кстати поискать и «костища», но по отсутствию средств на такую экскурсию, исполнить это намерение не пришлось. Риснуть же поехать в такую экскурсию только с куском хлеба в сумке (на 3–4 дня) и притом же без оружия, это уже не в духе времени: «бывало захватишь «буханку» хлеба, да чайшку и взвалишь на себя ружьишко, идешь в лес, да и шляешься, тогда целые месяцы! Но ведь тогда мне было только с небольшим двадцать лет, а теперь уже 60». Если буду жив, то летом будущего года попробую сходить на эти поиски, так как теперь это будет менее рискованно: моя племянница поселилась в Верх-Нейвинском заводе и, в случае нужды, снабдит куском хлеба.

72 Есть в окрестностях у Таватуйского озера и жертвенник — капище, а при умелых поисках, вероятно, найдутся и «костища», подобных «костищам», когда-то существовавшим в районе станции «Рудянка» (Нейво-Рудянский завод) и Шигирского озера, которые варварски и бесследно были уничтожены при постройке Уральской Горнозаводской железной дороги. Об эти «костищах» я слышал от О. Е. Клер, Н. К. Чупина и М. В. Малахова следующее сообщение:

Во время постройки Уральской Горнозаводской железной дороги в конце 70-х годов XIX столетия около Нейво-Рудянского завода для земляных насыпей ее были использованы **находящиеся вблизи два огромных кургана, в которых была найдена такая масса разных костей,** что их, более тысячи возов, отправили в Пермь на фосфорный завод. Когда слухи об этой находке дошли до сведения некоторых членов УОЛЕ, то Н. К. Чупин немедленно поехал в Нейво-Рудянский завод, но было уже поздно: все уже было бесследно срыто и уничтожено. Н. К. не удалось даже установить местонахождение этих «костищ», а пришлось ограничиться подтверждением факта существования и уничтожения их.

В районе Исетского озера, окрестности которого довольно тщательно исследованы, таких «костищ» пока не найдено, хотя там найдено два жертвенника: на горе «Матаиха» и «Чертовом городище» (См. Исетское озеро), а потому их следует поискать вблизи Таватуйского озера, и, вполне возможно, что они найдутся тут. Трудно допустить, что огромное количество доисторических насельников Таватуйского озера, и еще большего количества их несомненных сородичей, насельников озер Шитовского, Вашты, Аятского, Балтым, Исетского и других в верховьях рек Исети и Пышмы, имеющих ряд своих жертвенников, не имели своего местного «бога», и не приносили ему жертв.

Я не помещаю здесь списка стоянок и их местонахождение на Таватуйском озере, потому что там не было никаких научных раскопок (кроме очень скромных раскопок М. Малахова), и каждый археолог сам без особых затруднений разберется на месте, где их искать; мне же, за утерю моих записок, давности моего пребывания на озере и очень большим количеством памятников доисторического человека (стоянки, жертвенники, могильники), находящихся здесь, очень трудно сделать это без ошибок, а наврать я не решаюсь. Да в этом пока и нужды не вижу — надеюсь пополнить этот пробел в будущем годах.

Н. Рыжников, 1924 год.

ШИТОВСКОЕ ОЗЕРО, РЕКИ ШИТОВСКИЙ ИСТОК И ОЗЕРА КАРАСЬЕ, ВАШТЫ, БАЛТЫМ И ШУВАКИШ

Шитовское озеро находится в 15 верстах к северу от Исетского озера и соединяется с ним реки Шитовской Исток. С северо-запада в него впадает река Бобровка, берущая свое начало около Таватуйского озера, у подножья гор, являющихся здесь водоразделом. Оно значительно меньше Исетского (8 верст длины, и 2-3 версты ширины), но острова его больше Исетских. Почти весь «старый» берег его затянут болотом, и лишь в немногих местах можно подъехать к нему на лодке.

73 Стоянки доисторического человека каменного века эпохи неолита на островах Шитовского озера открыты М. В. Малаховым и его сотрудниками С. Раунер и А. Сари в 1876 году причем ими были произведены небольшие разведочные раскопки и собраны остатки доисторической культуры, находящиеся на песчаных берегах.

73 В 1881 году по поручению Императорского Географического Общества М. В. Малахов произвел научные раскопки на островах Шитовского озера, причем собрал до 10 пудов разных остатков доисторической культуры — черепков, каменных и костяных орудий, изделий из меди и пр. — которые и переданы им в Императорское Географическое Общество. В 1889–90 годах действующий член УОЛЕ С. И. Сергеев на средства данные управляющим Верх-Исетскими заводами А. И. Роджером также производил археологические раскопки и открыл стоянку доисторического человека на островах Шитовского озера, но на каких и сколько из его отчета УОЛЕ не видно (см. Записки УОЛЕ — Том XIII. В. 2й). Судя же по количеству и качеству собранных им здесь остатков доисторической

культуры, которые хранятся в музее УОЛЕ, можно с уверенностью сказать, что все его открытие и научные археологические раскопки заключались в том, что он собрал на песчаных берегах островов остатки доисторической культуры, вымытые из них волной.

Мне лишь один раз пришлось осматривать берега Шитовского озера с археологическими заданиями, для чего О. Е. Клер я был командирован с Исетского озера, в 1890 году, но этот осмотр был неудачен: я прибыл на Шитовское озеро, как раз в то время, когда там работали С. И. Сергеев и его сотрудники. Принимая С. И. Сергеева (в то время) за серьезного исследователя и имея поручение осмотреть озера Карасье и Вашты, а главное что я в то время принимал участие в раскопках на Исетском озере, я ограничился лишь поверхностным осмотром песчаных берегов, не производя даже сбора многочисленных остатков доисторической культуры, находящихся на них (из принципа — не мешать работе других). Но и при этом беглом осмотре я видел не менее чем в двадцати местах черепки и кремни, и притом в таком количестве, что мы бы собрали их несколько пудов.

Несомненно, что берега Шитовского озера в эпоху неолита были заселены также густо как и Исетское озеро. К сожалению, здесь до сих пор, не было любителя-исследователя, который бы взял на себя труд если не исследовать их, то хотя бы зарегистрировать.

РЕЧКА «ШИТОВСКИЙ ИСТОК»

Речка Шитовский Исток, по которой мы проезжали с Исетского озера на Шитовское, была когда большой многоводной рекой, о чем свидетельствуют «старые» высокие и крутые берега ее, находящиеся на 300–500 сажен друг от друга, разделенные болотом, по которому глубокой, но узкой полосой извивается Шитовский Исток.

На «старых» берегах Шитовского Истока, а также Шитовского озера не бывало ноги ученого археолога и археолога-любителя, который душу живую вкладывает в свои исследования, а между тем они очень живописны, в эпоху неолита, несомненно, были так же густо заселены, как и берега верховья реки Исети и Исетского озера. В 1890 году во время производственных раскопок на Исетском озере рабочие лесорубы неоднократно приносили нам черепки доисторической эпохи находимые ими на «старых» берегах Шитовского Истока.

На возможность нахождения здесь стоянок доисторического человека, указывает в своем отчете С. И. Сергеев, нашедший осколки кремней у подножья горы, на дороге от моста Шитовского Истока в сел Таватуйское.

ХI. 1924 год. Н. Рыжников.

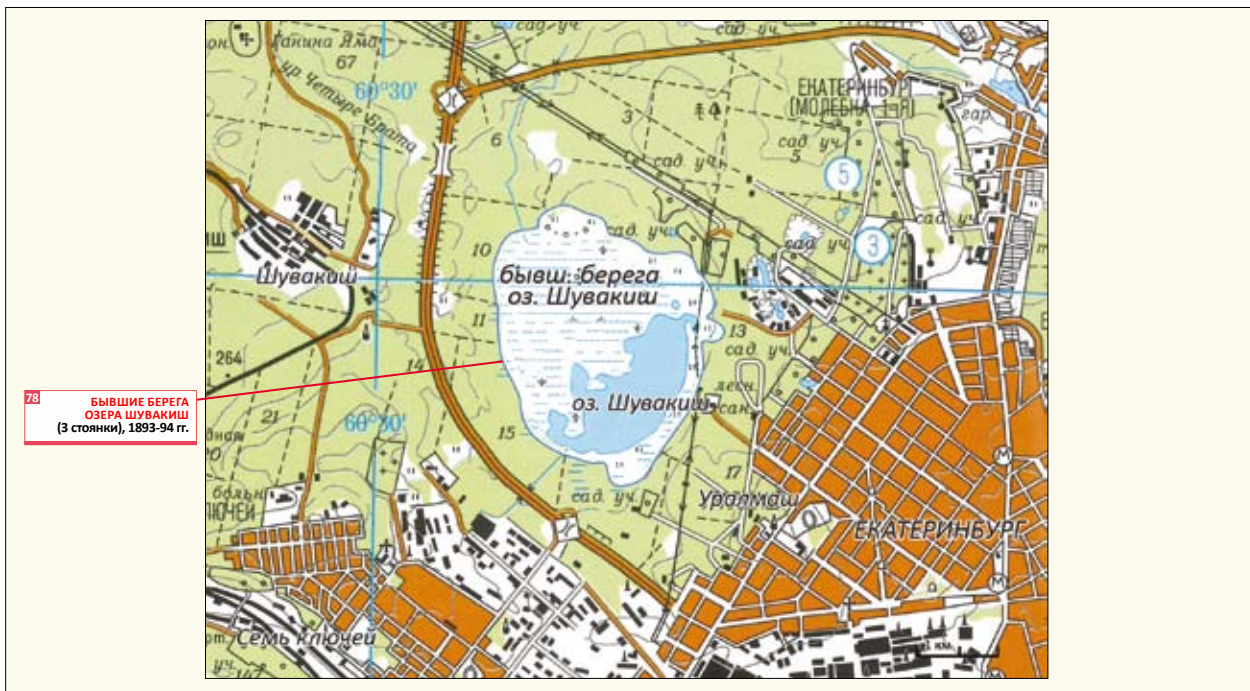
ОЗЕРО КАРАСЬЕ

74 В 3-х верстах к востоку от Шитовского озера находится маленькое, умирающее озеро Карасье, из которого берет свое начало река Адуй, окруженное большим торфяным болотом. Только около истока реки Адуя, да на западном берегу озера возможен подъезд на лодке к «старым» берегам (островам) его, на которых мною в 1890 году было собрано немного черепков и кремней — остатков доисторической культуры. Раскопок здесь никем не производилось.

ХI. 1924 год. Н. Рыжников.

■ Рис 98. Обследование в районе озера Вашты и в районе Шитовского озера, произведенные М. В. Малаховым, С. И. Сергеевым, О. Е. Клером и Н. А. Рыжниковым в 1883-1890 годах.

■ Рис 99. Обследования берегов оз. Шувакши, произведенное Н. А. Рыжниковым и Ю. П. Аргентовским в 1893-1894 гг.

ОЗЕРО «ВАШТЫ»

75 Озеро Вашты находится верстах в 6-ти на юго-восток от Шитовского озера. Это маленькое озеро также принадлежит к «умирающим» озерам, оно окружено торфяным болотом, быстро затягивающим его. На юго-западе из него вытекает узкий проток, который, проходя по болоту, втекает в реки Шитовский исток, и таким образом соединяет его

с Шитовским и Исетским озера. Подъезд на лодке к «старому» берегу острова возможен в двух местах на восточном берегу и около истока на западном, к северу от него. На этих берегах в 1890 году мною и моим спутником господином О. Клер, было собрано порядочное количество (около 1 пуда) черепков, каменных орудий и осколков кремней. Раскопок никаких не было. В болоте много островов.

1924. Н. Рыжников.

■ Рис 100. Обследование берегов оз. Глухое и Половинное, произведенное Н.А. Рыжниковым и В. С. Соболевым в 1882-83 гг.

ОЗЕРО «БАЛТЫМ»

Озеро Балтым находится к северу от города Екатеринбурга в 23 верстах, и в 3 верстах к северо-западу от деревни Балтым и Верхотурского тракта. Озеро Балтым небольшое — 4–5 квадратных верст, берега его большею частью песчано-каменистые, частью болотистые.

76 Стоянки доисторического человека каменного века эпохи неолита находятся: **1-я на восточном берегу озера, не высоком, но каменистом**, — где была рыболовная избушка «Белого», **2-я на западном, песчано-каменистом берегу, затянута камышом**.

77 Стоянки на озере Балтым открыты Н. Рыжниковым в 1883–84 годах. При производстве им здесь разведочных раскопок найдены каменные орудия — один шлифованный топор, наконечники стрел, ножи, скребки много осколков кремня и яшмы и черепков глиняных сосудов. Все эти вещи переданы М. В. Малахову, предполагавшему произвести здесь научные раскопки.

Раскопки для сбора остатков доисторической культуры со спекулятивной целью неоднократно производились на берегах озера Балтым торговцами минералами и древностями П. Я. Замшиным, И. С. Семенным и другими, причем ими были найдены и медные вещи.

(Сообщил П. Замшин)

Научных археологических исследований здесь не было.

1924. Н. Рыжников.

ОЗЕРО ШУВАКИШ

Озеро Шувакиш находится в даче Верх-Исетских заводов, в 90 верстах к северо-западу от

Екатеринбурга. Это маленькое теперь (не более 2-х квадратных верст) озеро, известное своими карасями, хотя и мелкими, но очень вкусными, принадлежит к умирающим озерам: оно быстро затягивается каким-то органическим илом, образующим топкое болото. По анализам Любарского, этот ил дает: бензин, парафин, смазочные масла и до 50% Кокса-флюса¹²³. Старые берега со стороны озера мало доступны.

Остатки доисторической культуры — черепки, кремни — были найдены на берегах озера Шувакиш в трех местах Н. Рыжниковым во время его охотничьих экскурсий в 1893-94 годах, — но разведочных раскопок он здесь не производил, потому что в то время озеро охранялось лесной стражей, не допускавшей никаких раскопок.

Ю. П. Аргентовским здесь также найдены черепки и кремни.

Озера: Шитовское, Карасье, Вашты, Балтым, Шувакиш и реки Шитовской исток, богатые памятниками доисторической культуры, но совершенно неисследованные, представляют большой интерес для научных археологических исследований, а потому, мне кажется, было бы своевременно принять меры охраны их от раскопок «случайных» любителей археологов.

ОЗЕРО ПЕСЧАНОЕ

Озеро Песчаное находится к западу от деревни Палкиной в 15 верстах.

О. Е. Клер и его детьми на берегах озера найдены стоянки доисторического человека, а на одном из высоких мысов «Городище».

(Сообщение О. Е. Клер)
1924 год. Н. Рыжников.

ОЗЕРО ГЛУХОЕ

Озеро Глухое находится в Нижне-Исетской даче, в 18 верстах к западу от Екатеринбурга и в 6 верстах к югу от Московского тракта.

Оно не более одной квадратной верст и окружено торфяным болотом, и лишь с востока «старый» горный берег доходит до него нешироким полуостровом, по которому идет сюда дорога с Половинного кордона.

Стоянки доисторического человека каменного века эпохи неолита открыты на этом озере и на островах в окружающем его болоте Н. Рыжниковым в 1882–83 годах в следующих местах:

79 1-я. На восточном «старом» берегу озера, на мысу полуострова, где находится избушка рыболовов, занимая северо-западный склон его.

80 2-я стоянка находится на острове, находящемся сажень в 400 к западу от озера.

81 3-я стоянка находится на небольшом, но высоком острове, находящемся в том же болоте, приблизительно в 2-х верстах на юго-запад от озера.

82 4-я стоянка находится в 1 ½ верстах к югу от озера, на мысу полуострова, составляющего юго-восточный берег болота.

Собранные здесь при разведанных раскопках черепки, каменные орудия и один медный идол переданы М. В. Малахову.

В 1887–89 годах на стоянках № 1 и 2-й были произведены раскопки горнопромышленником В. С. Соболевым, собравшим здесь порядочное количество каменных и медных вещей.

(сообщено В. Кокориным. Проверено!)

Находки собранные здесь Соболевым проданы им профессору Флинк, шведу.

(Сообщено О. Е. Клер)

Научных раскопок не было.

ОЗЕРО ПОЛОВИННОЕ

Половинное озеро находится, в Нижне-Исетской же даче, — в 3 ½ верстах к западу от озера Глухого. Величина его около 2-х квадратных верст.

Оно окружено торфяным (моховым) болотом, здесь сохранился небольшой клочок по юго-восточному побережью высокого кряжа, далеко врезавшегося в болото с востока, по которому идут дороги от Половинного кордона и от озер Глухого и Чусовского.

Стоянки доисторического человека «на старых» берегах Половинного озера и окружающего его болота открыты Н. Рыжниковым в 1883 годах

83 1-я стоянка доисторического человека находится на северо-восточном «старом» берегу озера, занимая большую площадь побережья (до 200 сажень в длину).

84 2-я в 1 ½ верстах к западу от озера на южном склоне полуострова, по северному склону которого проходит Казанская Шоссейная дорога (прямо на запад от Стоянки № 1).

85 3-я приблизительно в 2 верстах к югу от стоянки № 2, на мысу полуострова, сильно возвышающегося к западу. С севера вершины того полуострова открывается панорама реки Чусовой.

При разведочных раскопках на этих стоянках были найдены черепки, кости животных, каменные и костяные орудия и много осколков кремней.

Все найденные вещи переданы М. В. Малахову.

В 1890 году В. С. Соболев начал было здесь раскопки для сбора находок для Шведов, но по ходатайству О. Е. Клер, своевременно узнавшему и доложившему о начатых раскопках Главному Начальнику Уральских Заводов, распоряжением последнего они были запрещены, и Соболев был привлечен к законной ответственности.

(Сообщение О. Е. Клер).

Научных раскопок не было.

ЧУСОВСКОЕ ОЗЕРО

Чусовское озеро находится в Нижне-Исетской даче, в 19 верстах на юго-запад от Екатеринбурга и в 4 верстах к югу от озера Половинного.

Это небольшое — не более 2 ½ квадратных верст — теперь озеро почти сплошь окружено большим торфяным болотом, отделяющем его от «старых» берегов.

Только небольшую часть (сажен до 100 длиной) северного высокого и крутого старого берега обмывают его воды.

Стоянки доисторического человека открыты на Чусовском озере в 1881 году М. В. Малаховым и Н. Рыжниковым в следующих местах:

86 1-я на северном высоком и крутом берегу, где находится Чусовской кордон и дачи.

Здесь по всему южному склону увала нами были прорыты каналы в 1 аршин ширины и 5–7 аршин длины, в которых были найдены в большем количестве черепки и осколки кремней, а также каменные костяные и медные орудия.

Ввиду того, что культурный слой здесь уже был испорчен, М. В. не нашел возможным вести научные раскопки, а поручил проживающему на кордоне обезщичу Панову собирать для него случайно находимые здесь вещи доисторической эпохи, которым в период 1883–90 годов и было собрано разных находок свыше 15 пудов, которые он, за смертью М. В. Малахова и отказом УОЛЕ купить их, продал какому-то Владимирцу — Офене, — скупщику церковных древностей.

87 2-я стоянка находится на «старом» южном берегу бывшего озера, прямо на юг от стоянки № 1 на скате высокой горы. Здесь было прорыто 4 каналы длиной 5 аршин, шириной 1 аршин и глубиной до 1 ¼ аршин. Культурный слой здесь от 4 до 20 вершков толщины.

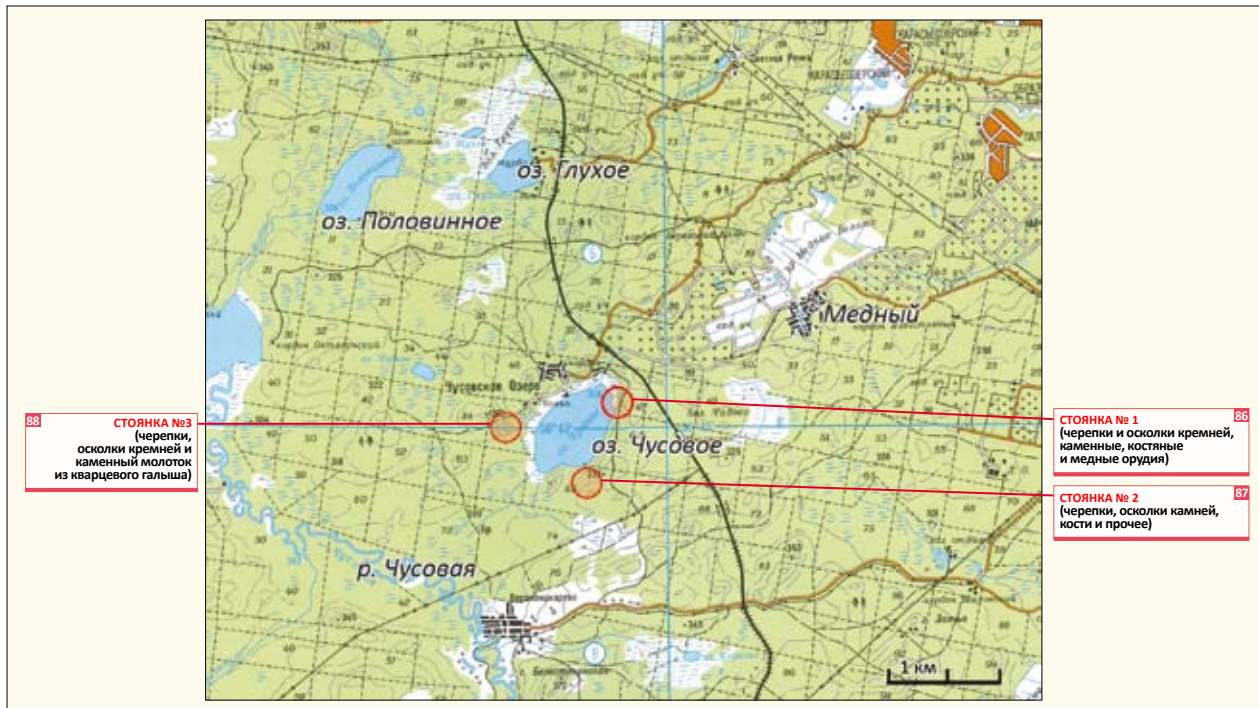
Культурные остатки — черепки, осколки каменной кости и пр. залегали в культурном слое и в слое суглинка (супесок), залегавшем под ним.

88 3-я стоянка находится на острове находящемся к западу от озера верстах в 1 1/2-х, по правую сторону протока текущего из Чусовского озера в реки Чусовую.

Разведочных канав здесь прорыто также 4, длиной до 6 аршин при глубине до 12 вершков. Культурный слой здесь тонок и беден остатками доисторической культуры, они залегают в подкультурном слое — поддернике.

Здесь нами найдены черепки, осколки кремней и каменный молоток из кварцевого голыша.

■ Рис 101. Раскопки на берегах Чусовского озера, произведенные М. В. Малаховым и Н.А. Рыжниковым в 1881 г.

Озера Глухое, Половинное и Чусовское — умирающие озера, они затягиваются торфяным болотом, и близко время когда о них останется одно воспоминание на старых географических картах.

Кряж гор, простирающийся с севера на юг с восточной стороны этих озер, является здесь водоразделом бассейнов рек Чусовой и Исети.

МЕДНАЯ ГОРА

Урочище «Медная гора», очень большой остров, находится на Патрушихинском болоте, в 13 верстах к западу от Екатеринбурга, и верстах в 3-х от завода Силикат — к югу.

До 1890-х годов здесь существовал медный рудник, основанный на «чудских камнях», разрабатываемый в последнее время промышленником В. С. Соболевым.

Стоянки «Чудаков» на медной горе были найдены Соболевым в 1887 году и им же раскопаны.

Найденные вещи доисторической эпохи проданы купцу М. М. Ошуркову (каменные орудия) и «Шведам» (медные вещи).

(Сообщение Гр. В. Кокорина)

Летом 1924 года мне пришлось побывать на медной горе, и на южном склоне ее, где были рудничные постройки, и на западном, около ключа у дороги с завода Силикат, я нашел мелкие черепки и осколки кремней — остатки доисторической культуры.

1924 годах Н. Рыжников.

РЕКА «ЧУСОВАЯ»

Во время охотничьих экскурсий в 1885–87 годах мною найдены стоянки и городище каменного века эпохи неолита на берегах реки Чусовой:

1 — Стоянка и городище на «Вязовом» мысу, находящемся в 5 верстах от деревни Макаровой, в одной версте ниже Чусовского (озерного) протока, на правом берегу реки Чусовой, против устья реки Вязовой, левого притока Чусовой. Здесь на площади городища на случайных обнажениях почвы я нашел несколько черепков и осколков кремней и медное колечко из круглой проволоки, покрытое матовой темно-зеленой патиной.

По сказу жителей деревни Макаровой здесь жила Чудь, а в последнее время до 1870 годов жили разбойники, оставившие здесь свои клады, которые и до наших дней еще разыскиваются кладоскателями — да нет вот счастливых — все только находят черепки да медяшки — фигурки, а клад все не дается.

2. Стоянка доисторического человека находится у самой деревни Макаровой (вниз от нее) на левом берегу, где река Чусовая круто поворачивает к югу.

Здесь дети жителей деревни Макаровой и до днесь собирают черепки «с узорами» для своей игры. Мною здесь найдено несколько черепков, но без узоров.

3 — Найдены черепки и кремни по обоим берегам реки Чусовой, около устья реки Кунгурки, левого притока реки Чусовой (верстах в пяти вверх от деревни Макаровой).

4. На правом берегу реки Чусовой, верстах в полуторах от деревни Кургановой в 1889 году при добыче золота были найдены каменные орудия — пест, два топора, большой каменный клин и большой молоток (или грузило?) из кварца, горшок каменный и крупные кости ископаемых животных.

■ Рис 102. Обследование реки Чусовой, произведенное Н.А. Рыжниковым в 1885-87 годах.

■ Рис 103. Обследование Шабровских палаток, производимое Н. А. Рыжниковым, К. И. Фадеевым, Д. Н. Маминым-Сибиряком и другими лицами в 1889 и 1895 годах.

Все эти находки были сданы в приисковую контору барона Бревери Шведам и там затерялись...

(Сообщение барона Бревери).

93 5 — На правом берегу реки Чусовой, выше деревни Кургановой верстах в двух на песчаном берегу мною найдены черепки и кремни.

Никаких раскопок здесь не делал, потому что в те годы здесь хозяйничали В. С. Соболев и золотопромышленник барон Бревери, у которого всегда «затеривались» скупаемые им у золотоискателей доисторические вещи, которых в этом месте же было находимо очень много.

Н. Рыжников.

«ШАБРОВСКИЕ ПАЛАТКИ»

Верстах в 6–7 к западу от деревни Седельниковой (Шабры) Екатеринбургского уезда и верстах в двух от разезда № 75 Челябинской железной дороги находятся гранитные скалы известные у местных жителей под именем Шабровских Каменных Палаток; это такие же гранитные скалы как и «Шарташские Палатки», «Чертово городище» и другие.

Шабровские палатки — узкие, очень высокие гранитные сопки, на вершину которых удастся забраться не всякому смельчаку. Но и с той высоты

их, на которую мне удалось забраться в 1889 году, открывается чудный вид на десятки верст во все стороны, а город Екатеринбург и Верх-Исетский пруд видны «как на ладони».

У подножья этих скал нами, т. е. мною, Рыжниковым, Д. Н. Маминым-Сибиряком и К. И. Фадеевым собрано порядочное количество черепков, каменных орудий и костей животных. Все эти находки были взяты К. И. Фадеевым, а куда переданы им — мне неизвестно.

В 1895 году крестьянином у деревни Малой Седельниковой В. И. Шпаньковым около этих палаток найдены остатки горна для плавки железной руды, обломки глиняной трубы «Сопла» и орнаментированные черепки, которые и доставлены им О. Е. Клер.

Разведочными раскопками, произведенными на этих «Палатках» О. Е. Клер, были найдены черепки разных орнаментированных сосудов, каменные и костяные орудия и другие мелкие изделия, и много раздробленных костей животных, и установлено, что здесь был жертвенник, аналогичный таким же, находящимся на других таких же «Палатках» (Шарташские палатки, «Чертово городище» и «Гора Матаиха» в 6–7 верстах от Исетского озера и «Большие палатки» у 2-го Карасьего озера). Все эти находки осматривал барон Де-Бай в 1897 году, возможно, что они переданы ему не все — то есть частично.

1924 год. Н. Рыжников.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Мосунова Т.П. «Посильное содействие делу просвещения» (уральские заводчики Поклевские-Козелл и Уральское Общество Любителей Естествознания) // Памяти Онисима Егоровича Клера : К 150-летию со дня рождения. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. С. 31.

2. Корепанова С.А. Общественная деятельность екатеринбургских купцов Агафуровых // Памяти Онисима Егоровича Клера : К 150-летию со дня рождения. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. С. 48-49.

3. Овчинникова Б.Б. У истоков уральской археологии: Теплоуховы // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 08.

4. Уральская историческая энциклопедия / УрО РАН, Ин-т истории и археологии. Екатеринбург: Академкнига, 2000. С. 56.

5. Биографическая справка по материалам статьи: Овчинникова Б.Б. У истоков уральской археологии: Теплоуховы

6. Там же.

7. Васильева С.В. Н.А. Рыжников – археолог уральского общества любителей естествознания. // Памяти Онисима Егоровича Клера. К 150-летию со дня рождения: Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1995. С. 51.

8. Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб. 1830. Т. V. С. 541.

9. Там же. С. 542.

10. Из дела Кабинета Его Императорского Величества, о приски старинных курьезных вещей, 1727 года. // Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 3. Санкт-Петербург, 1894. С. 54.

11. Из соч. Вебера: Das Veranderte Russland etc. etc. Frankfurth. 1721 // Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2. Санкт-Петербург, 1891. С. 23.

12. «1721 февраля 16 дня: курьезные вещи, которые находятся в Сибири, покупать Сибирскому Губернатору, или кому где надлежит, настоящей ценою, и не переплавливая, присылать в Берг и Мануфактур-Коллегию, а во оной по тому же не переплавливая, об оных докладывать Его Величеству. И о том в Сибирскую Губернию и в Берг-Коллегию указы из Сената посланы» — Сенатский указ «О покупке в Сибири Курьезных вещей и о присылке оных в Берг и Мануфактур-Коллегию» 1721 Февраля 16 (№3738) // ПСЗ. СПб, 1830. Т. 6. С. 357.

13. В 1720 г. майором И.М. Лихаревым была доставлена в Санкт-Петербург лично Петру коллекция бронзовых статуэток с Верховий Иртыша, в 1722 г. рисунки этих находок были направлены в Париж в Академию надписей и изящной словесности и вскоре были опубликованы. См.: Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Коллекция находок XVIII в. с территории Рудного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2.

14. Доношение Мессершмидта, поданное в Томскую приказную палату коменданту В.Е. Козлову, 18-го апр. 1721 года (№61) // Радлов, 1894. С. 138.

15. Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 3. Санкт-Петербург, 1894. С. 139.

16. Из дел Государственного архива министерства иностранных дел // Радлов, 1981. С. 21.

17. Титов А. Сибирь в XVII веке. Москва, 1890. С. 191.

18. «Неславянская Россия» - Популярная энциклопедия. [Электрон. ресурс.] Режим доступа: http://www.sib.net/n_russia/2_page1.html.

19. «Не инако как люди ватагами ходя на соболиной промысел, так и здесь великими партиями собрались, чтобы разделить между собою работу, и тем скорее управиться с многими курганами» — Из Миллерова «Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных». // Радлов, 1894. С. 123.

20. Извлечения из путевого дневника Д.Г. Мессершмидта. // Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1888. Приложения. С. 10.

21. Непомнящий Н. Тайны кладов / Непомнящий Н., Низовский А. М., 2001. С. 355.

22. Из Миллерова «Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных» // Радлов, 1894. С. 123.

23. Серебряный рубль в России с 1704 года стоил 28 грамм серебра, 1 копейка — 0,28 грамм (для сравнения: грамм серебра в современной России за период с октября 2010 по октябрь 2011 года, по данным Сбербанка: от 21 до 45 рублей). Таким образом, 1 грамм золота стоил в указанный период от 11,7 до 21,1 копеек (от 3,7 до 6 грамм серебра), т. е. золото в Сибири в это время оценивалось дороже серебра всего в 3–6 раз (в современной России — примерно в 50 раз). На 1 копейку во второй половине XVIII века в России можно было приобрести 15,5 золотника (66 грамм) ржаного хлеба.

24. Извлечения из путевого дневника Д.Г. Мессершмидта. // Указ. соч. С. 19.

25. См.: Извлечения из путевого дневника Д.Г. Мессершмидта. // Указ. соч. С. 12.

26. Извлечения из путевого дневника Д.Г. Мессершмидта. // Указ. соч. С. 18.

27. Из соч. Ф.И. Страленберга: Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. // Радлов, 1891. С. 32, 34.

28. Непомнящий Н. Тайны кладов. С. 356.

29. См.: Борисенко А.Ю. Находки предметов искусства звериного стиля в коллекции Н. К. Витцена. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2001. № 3.

30. Из Миллерова «Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных» // Указ. соч. С. 123.

31. Из «Исторических замечаний» Миллера // Радлов, 1894. С. 60.

32. «О памятниках древности татарской, найденных в могильных холмах близ Абаканского и Саянского острогов». // Радлов, 1894. С. 73.

33. Радлов, 1894. С. 145.

34. «Из Тобольска мне были посланы браслеты, серьги, идола и др., все из чистаго золота, весом в 1/2 фунта, на которых изображены драконы и божества, но к моему несчастью лицо, которому это было передано, предательски, из-за значительной ценности, продало серебро, так что оно, вероятно, расплавлено и я лишился его» - Цит. по: Письмо Витцена к девентерскому бергомистру Гизберту Куперу от 1-го июня 1714 г. // Радлов, 1894. С. 130.

35. Из путевого журнала Ив. Унковского о посольстве его и контайше ЦеванъРабтану. // Радлов, 1894. С. 46.
36. Сентаский указ «О запрещении выходить из Сибири за границу на степи для отыскания в древних могилах кладов» 5 июля 1762 г. (№12199) // ПСЗ. 1830. Т. VI. С. 832.
37. См.: Вдовин А.С. «Полицейская» археология (на сибирских материалах второй половины XIX – начала XX века). / А.С. Вдовин, С.В. Колонцов // Вестник НГУ. 2011. Т. 10. Вып. 7.
38. См.: Вдовин А.С. «Полицейская» археология (на сибирских материалах второй половины XIX – начала XX века). / А.С. Вдовин, С.В. Колонцов // Вестник НГУ. 2011. Т. 10. Вып. 7.
39. Там же.
40. Матвеева Л.Д. Исторический опыт охраны памятников археологии в республике Башкортостан. / Л.Д. Матвеева, М.А. Алябьева // Вестник БИСТ. Уфа, 2010. Вып. №3(7).
41. Письмо Витзена к девентерскому бергомистру Гизберту Куперу от № 32 (от 4-го нояб. 1705 г.) // Радлов, 1894. С. 128.
42. Археологические находки в Пермской губернии за последние два года, объявленные официально. // Труды пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1897. Вып. III.
43. См.: Длужневская Г.В. Уральский регион в исследованиях Императорской Археологической комиссии. // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 49.
44. Письмо Е.А. Игнатьевой из Ильинского о приобретении археологических предметов от 30 октября 1881 г. ПОКМ. 19102/166.
45. Письмо Е.А. Игнатьевой из Кудымкара о приобретении археологических предметов от 5 октября 1879 г. ПОКМ. 19102/160.
46. Копия распоряжения И Волегова и А. Теплоухова о серебряных вещах от крестьянина И.К. Зобачева от 1867 г. ПОКМ. 19102/152.
47. Все отрывки из: Рыжников Н. Материалы для археологической карты Урала. Екатеринбург, 1925.
48. Там же.
49. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 131.
50. Рыжников Н. Материалы для археологической карты Урала...
51. Там же.
52. *«Верстах в полторах вниз от Пышминского завода, на правом берегу реки Пышмы, на высоком и крутом мысу, были найдены черепки, кремни, кости и следы городища — валы и рвы. Находчик — служащий на Пышминской толчее, Д.В. Голубев дерзнул в часы досуга прозвести тут маленькие разведки и за такую продерзость, был уволен от службы»* — там же.
53. Рыжников Н. Материалы для археологической карты Урала...
54. Там же.
55. Там же.
56. Там же.
57. Устав Уральского Общества Любителей Естествознания. Екатеринбург, 1870. С. 1.
58. Уральская историческая энциклопедия. С.560.
59. Архипова Н.П. Роль Уральского Общества Любителей Естествознания в развитии краеведения на Урале. // Ученые записки СГПИ. Свердловск, 1959. Т. 2. Вып. 18. С. 4, 6.
60. Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал XVII–XX вв. Екатеринбург, 2005. С. 384–385.
61. Архипова Н.П. Роль Уральского Общества Любителей Естествознания... С. 8.
62. Там же.
63. Уральская историческая энциклопедия. С.265.
64. Архипова Н.П. Роль Уральского Общества Любителей Естествознания... С. 7.
65. Васильева С.В. Н.А. Рыжников... С. 51.
66. Уральская историческая энциклопедия. С. 56.
67. См.: Берс Е.М. Археологическая карта города Свердловска и его окрестностей // Материалы и исследования по археологии СССР. №21 – М., 1951; Рыжников Н. Материалы для археологической карты Урала; 8. Васильева С.В. Н.А. Рыжников...
68. Берс Е.М. Археологическая карта города Свердловска и его окрестностей.
69. Рыжников Н. Материалы для археологической карты Урала.
70. Васильева С.В. Н.А. Рыжников... С. 52; Рыжников Н. Материалы для археологической карты Урала; Докладная записка археолога Рыжникова Николая Алексеевича УОЛЕ об археологических раскопках стоянок первобытного человека на Урале. ГАСО. Ф. 101. Оп. 3. Д. 144.
71. Рыжников Н. Материалы для археологической карты Урала
72. Берс Е.М. Археологическая карта города Свердловска и его окрестностей...
73. Рыжников Н. Материалы для археологической карты Урала.
74. См.: Докладная записка археолога Рыжникова...
75. Рыжников Н. Материалы для археологической карты Урала.
76. Там же.
77. Васильева С.В. Н.А. Рыжников... С. 52.
78. Зорина Л.И. Онисим Егорович Клер. С. 94.
79. Удинцев С. А. О. Е. Клер. С. V.
80. Зорина Л.И. Онисим Егорович Клер. С. 94.
81. Удинцев С. А. О. Е. Клер. С. VIII–IX; Зорина Л.И. Онисим Егорович Клер. С. 95.
82. Архипова Н.П. Роль Уральского Общества Любителей Естествознания... С. 16.
83. Зорина Л.И. Онисим Егорович Клер. С. 96–97.
84. Архипова Н.П. Роль Уральского Общества Любителей Естествознания... С. 17.
85. Из «Объяснительной записки в смете музея Уральского Общества Любителей Естествознания на 1925–26 гг.». ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 72.
86. Зорина Л.И. Онисим Егорович Клер. С. 93.
87. Докладная записка археолога Рыжникова...
88. Там же.
89. Васильева С.В. Н.А. Рыжников... С. 53.
90. Там же. С. 54.
91. Елизавета Михайловна Берс. Биографическая справка // Вторые Берсовские чтения. Екатеринбург, 1994. С. 6.
92. Александр Андреевич Берс. Биографическая справка // Вторые Берсовские чтения. Екатеринбург, 1994. С. 4.
93. Е.М. Берс. // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006. С. 6.
94. Елизавета Михайловна Берс... С. 6.
95. Александр Андреевич Берс... С. 5.

96. Елизавета Михайловна Берс... С. 6.
97. См.: Панина С.Н. Елизавета Михайловна Берс — первый исследователь медеплавильного производства на горе Думной // Полевской край: историко-краеведческий сборник. Вып.1. Екатеринбург: «Уралтрейд», 1998.
98. Уральская историческая энциклопедия / УрО РАН, Ин-т истории и археологии; Гл. ред. В.В. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Академкнига, 2000.
99. Е.М. Берс... С. 6.
100. Савченко С.Н. Работа Е.М. Берс над археологической картой Урала (по материалам архива Е.М. Берс) // Памяти Онисима Егоровича Клера : К 150-летию со дня рождения. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. С. 99.
101. Там же. С. 97-98.
102. Там же. С. 98-99.
103. Там же. С. 97.
104. Там же. С. 99.
105. Елизавета Михайловна Берс... С. 6.
106. Научная и исследовательская деятельность Е.М. Берс в Новосибирском университете // III Берсовские чтения: материалы научной конференции. Екатеринбург. 1997. С. 9.
107. Е.М. Берс... С. 6.
108. По материалам Уральской исторической энциклопедии.
109. Историки Урала, XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 81–82.
110. Лаборатория археологических исследований. Центр классического образования УрФУ им. Б.Н. Ельцина. http://www.usu.ru/usu/opencms/today/structure/03_scientific/pnial.
111. По материалам Уральской исторической энциклопедии.
112. См. М. Малахов. «На Чудском городище». Древняя и Новая Россия. 1879 год. № 3, стр. 210.
113. Труды международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге. СПб, 1879-80 год. Т. II, стр.32.
114. Водный путь с реки Исети на реки Пышму: Речка – 1-е Карасье озеро – река Гравец – болото реки Медвечи́хи – болото Чистое реки Каменки – озеро Шарташ – Калиновы́й проток и болото реки Калиновки – Пышка. Н. Рыжников
115. Отчет Имперек Русск. Геогр Общ. За 1881 годах Стр. 36. Прилож. к XVIII т. Извест. этого общества.
116. «Чума́зыми» графиня Пар. С. Уварова называла М.В. Малахова и Кос. Ив. Фадеева.
117. «Каменными патриотами» профессор А.А. Спицин назвал О.Е. Клер и его сотрудников.
118. Записки Уральск Об. Л. Ест. Т VII, вып. 2й, страница 147.
119. Труды общества Естествоиспытателей природы при Казанском Университете. Т. В. Стр
120. Записки Урал. Общ. Люб. Естест. – Т VII, вып. 2й, стр. 147.
121. Отчет Имп. Рус. Геогр. Общ. за 1881 годах Приложение к XVIII т. Известий этого обществ. – стр. 36 и 73.
122. Причины побудившие О.Е. Клер, передать свои коллекции в незаконченной обработке – необходимость дополнительных научных раскопок в торфянике у 1-го Карасьего озера «На Калмацком» и Исетском озерах. Примеч. Автора.
123. Любарский. Исследование органического ила из озера Шувакиш. Екатеринбург. 1919 годах

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Андреевич Берс. Биографическая справка // Вторые Берсовские чтения. Екатеринбург, 1994. С. 4.
2. Алёхин Ю.П. Рудный Алтай в древности и в средневековье // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). - Барнаул, 1999.
3. Археологические находки в Пермской губернии за последние два года, объявленные официально. // Труды пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1897. Вып. III.
4. Архипова Н.П. Как были открыты Уральские горы. Свердловск, 1990. ISBN 5-7529-0308-4.
5. Архипова Н.П. Роль Уральского Общества Любителей Естественного знания в развитии краеведения на Урале. // Ученые записки СГПИ. Свердловск, 1959. Т. 2. Вып. 18. С. 3-22.
6. Берс Е.М. Археологическая карта города Свердловска и его окрестностей // Материалы и исследования по археологии СССР. №21 – М., 1951.
7. Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1954.
8. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Коллекция находок XVIII в. с территории Рудного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2.
9. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Находки предметов искусства звериного стиля в коллекции Н. К. Витзена. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2001. № 3.
10. Васильева С.В. Н.А. Рыжников – археолог уральского общества любителей естественного знания. // Памяти Онисима Егоровича Клера. К 150-летию со дня рождения: Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1995.
11. Вдовин А.С. «Полицейская» археология (на сибирских материалах второй половины XIX – начала XX века). / А.С. Вдовин, С.В. Колонцов // Вестник НГУ. 2011. Т. 10. Вып. 7. С. 54-60.
12. Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал XVII-XX вв. Екатеринбург, 2005. ISBN: 5-89516-172-3.
13. ГАСО, Ф. 101, оп. 1, д. 77, 131, 737.
14. Длужневская Г.В. Уральский регион в исследованиях Императорской Археологической комиссии. // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 49.
15. Докладная записка археолога Рыжникова Николая Алексеевича УОЛЕ об археологических раскопках стоянок первобытного человека на Урале. ГАСО. Ф. 101. Оп. 3. Д. 144.
16. Е.М. Берс. // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006. С. 6.
17. Елизавета Михайловна Берс. Биографическая справка // Вторые Берсовские чтения. Екатеринбург, 1994. С. 6.
18. Елизавета Михайловна Берс, <http://www.museum.ru/alb/image.asp?28388>.
19. Зорина Л.И. Онисим Егорович Клер. 1845-1920. М.: Наука, 1989.
20. Ильинская Т. Хлебопечение Москвы в XVIII - XIX веках // Хлебопродукты. М., 1977. № 3.
21. Ионина Н.А. Сто великих сокровищ. М. : Вече, 2000. ISBN 5-7838-0689-7.
22. Каталогъ выставки археологических коллекций и предметовъ древности Пермского края. Пермь, 1894.
23. Корепанова С.А. Общественная деятельность екатеринбургских купцов Агафуровых // Памяти Онисима Егоровича Клера : К 150-летию со дня рождения. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. ISBN 5-85865-047-3.
24. Королькова Е.Ф. Сибирская коллекция Петра I — первое российское археологическое собрание. // Основателю Петербурга: Каталог выставки [в Эрмитаже]. СПб: «Славия». 2003.
25. Лаборатория археологических исследований. Центр классического образования УрФУ им. Б.Н. Ельцина, http://www.usu.ru/usu/opencms/today/structure/03_scientific/pnial.
26. Матвеева Л.Д. Исторический опыт охраны памятников археологии в республике Башкортостан. / Л.Д. Матвеева, М.А. Алябьева // Вестник БИСТ. Уфа, 2010. Вып. №3(7).
27. Мосунова Т.П. «Посильное содействие делу просвещения» (уральские заводчики Поклевские-Козелл и Уральское Общество Любителей Естественного знания) // Памяти Онисима Егоровича Клера : К 150-летию со дня рождения. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. ISBN 5-85865-047-3.
28. Музей УОЛЕ, <http://www.uole-museum.ru>.
29. Научная и исследовательская деятельность Е.М. Берс в Новосибирском университете // III Берсовские чтения: материалы научной конференции. Екатеринбург. 1997. С. 9.
30. Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. ISBN 5-8299-0030-0.
31. «Неславянская Россия» - Популярная энциклопедия. [Электрон. ресурс.] Режим доступа: http://www.sib.net/n_russia/2_page1.html.
32. «Объяснительная записка в смете музея Уральского Общества Любителей Естественного знания на 1925-26 гг.». ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 72.
33. Овчинникова Б.Б. У истоков уральской археологии: Теплоуховы // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 08.
34. Панина С.Н. Елизавета Михайловна Берс — первый исследователь медеплавильного производства на горе Думной // Полевской край: историко-краеведческий сборник. Вып. I. Екатеринбург: «Уралтрейд», 1998.
35. Панина С.Н. «С должным умением и тщательностью» (К 115-летию археологического отдела музея Уральского Общества Любителей Естественного знания) // Памяти Онисима Егоровича Клера : К 150-летию со дня рождения. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. ISBN 5-85865-047-3.
36. Пермский звериный стиль, <http://www.permianstyle.ru>.
37. Пеший А. Дворяне Херсонской и Бессарабской губерний Гжицкие и их потомки, <http://rodovoyegnezdo.narod.ru/Liter/Gizhitskie.html>.
38. Письмо Е.А. Игнатьевой из Ильинского о приобретении археологических предметов от 30 октября 1881 г. ПОКМ. 19102/166.
39. Письмо Е.А. Игнатьевой из Кудымкара о приобретении археологических предметов от 5 октября 1879 г. ПОКМ. 19102/160.
40. Копия распоряжения И Волегова и А. Теплоухова о серебряных вещах от крестьянина И.К. Зобачева от 1867 г. ПОКМ. 19102/152.
41. Письмо от 3 июня 1909 года

в Екатеринбургский археологический музей. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 131.

42. Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб. 1830. Т. V.

43. Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб. 1830. Т. VI.

44. Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб. 1830. Т. XVI.

45. Протокол заседания археологической Комиссии и краткий отчет комиссии и отчет метеорологической комиссии за 1890-1891 г. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 77.

46. Радлов В.В. Сибирские древности. СПб, 1888. Т. I. Вып. 1.

47. Радлов В.В. Сибирские древности. СПб, 1891. Т. I. Вып. 2.

48. Радлов В.В. Сибирские древности. СПб, 1894. Т. I. Вып. 3.

49. Российский государственный архив кинофотодокументов, <http://rgakfd.altsoft.spb.ru/showObject.do?object=1805601443>.

50. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. / САИ ДЗ-9. М.-Л.: 1962.

51. Русская армия в Великой войне: Карто-тека проекта, <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2648>.

52. Савченко С.Н. Работа Е.М. Берс над археологической картой Урала (по материалам архива Е.М. Берс) // Памяти Онисима Егоровича Клера : К 150-летию со дня рождения. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. ISBN 5-85865-047-3.

53. «Сибирские бугровые вещи», http://x-klad.net/nefind_klad/1178719842.html.

54. Сонин Л. М. Тайны седого Урала. М. : Вече, 2009. ISBN: 978-5-9533-3368-9.

55. Спицин А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых: атлас рисунков с предисловием Спицина А.А. // МАР. № 26. СПб., 1902.

56. Стенбок М.М. Записка на высочайшее имя об оживлении Уральского Горнозаводского дела и строительства Горнозаводской железной дороги. СПб., 1882.

57. Станбок-Фермор Владимир Васильевич, http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/stenbok_fermor.html.

58. Титов А. Сибирь в XVII веке. Москва, 1890.

59. Удинцев С. А. О. Е. Клер. Предварительный биографический очерк. // ЗУОЛЁ. Т. XXXIX. Свердловск, типография «Гранит», 1924.

60. Уральская историческая энциклопедия / УрО РАН, Ин-т истории и археологии; Гл. ред. В.В. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Академкнига, 2000. ISBN 5-93472-019-8.

61. Уральский регион в исследованиях Императорской Археологической комиссии. // Известия Уральского Государственного Университета. Екатеринбург, 2007. № 49. Вып. 13.

62. Устав уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1870.

63. Чупин Н. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1873.

64. Эльмих Ф. В поисках утраченного клада. По следам скифского золота и сокровищ крестоносцев. М., 2008. ISBN. 978-5-9684-1090-0.

Николай Алексеевич Рыжников

**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА
ОКРЕСТНОСТЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГА**

Текст предисловия: Л.Д. Попова
Оформление и верстка: А.С. Крупп

Подписано в печать 18.02.2012

Формат 60х90/8.

Усл. печ. л. 25,1.

Заказ № 08/12-2

Отпечатано ООО «Издательский Дом «Ажур»
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, 54

В цифровом матричном коде (QR-коде —) содержится ссылка и коды доступа к тексту данного издания, а также на сопутствующие материалы — фотографии, карты компьютерные модели и т.п., размещенные на различных сайтах в сети Интернет. Считывание QR-кода и просмотр информации можно выполнять устройствами, оснащенными фотокамерой, например коммуникаторами и смартфонами. Для популярных моделей можно рекомендовать следующие бесплатные программы считывания и просмотра:

iPhone, iPad — QR Reader, QR Scanner,
смартфоны и планшеты Android — QR Droid, Quick Mark и другие.

Н. А. РЫЖНИКОВ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПЯМЯТНИКИ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГА»

ISBN 978-5-91256-096-5

Активное развитие науки и просвещения, происходившее в России во второй половине XIX века, стало причиной вовлечения в научные изыскания широких слоев населения и пробудило массовый интерес к изучению родного края во всех регионах страны. С созданием региональных просветительских обществ значительный вклад в развитие местной науки вносят энтузиасты-любители, под руководством профессиональных ученых приобретающие знания в различных областях и участвующие в научных исследованиях. Одним из таких энтузиастов-любителей на Урале являлся Николай Алексеевич Рыжников, который, будучи изначально кладоискателем, «бугровщиком», по стечению обстоятельств был замечен основателем Уральского Общества Любителей Естествознания О.Е. Клером, и общаясь в дальнейшем с видными деятелями уральской науки того времени, внес значительный вклад в изучение уральской археологии. Участвуя в ряде археологических разведок и раскопок в окрестностях Екатеринбурга, Рыжников в 20-х годах XX века составил «Материалы для археологической карты Урала», являющиеся на тот момент единственной обобщающей работой по археологии окрестностей современного Екатеринбурга.

В настоящем издании впервые производится публикация «Материалов для археологической карты Урала» Н.А. Рыжникова и предпринимается попытка реконструировать на их основе археологическую карту окрестностей Свердловска конца XIX-начала XX веков. В предисловии к книге дается краткое описание биографии Н.А. Рыжникова и эпохи, сформировавшей его как увлеченного любителя-археолога.

Книга рассчитана на учеников старших классов и студентов вузов технических специальностей, а также на всех, интересующихся историей родного края.

КНИГИ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ ПО КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ТЕМАТИКЕ

Д. К. ДУБРОВСКИЙ, В. Ю. ГРАЧЁВ
**«УРАЛЬСКИЕ ПИСАНИЦЫ
В МИРОВОМ НАСКАЛЬНОМ
ИСКУССТВЕ»**

ISBN 978-5-91256-047-7

Е. М. БЕРС
**«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ СВЕРДЛОВСКА
И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ»**

ISBN 978-5-91256-097-2

А. И. ЗАЙМОВ
**«СИНЯЧИХИНСКИЕ
ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНЫЕ
ЗАВОДЫ»**

ISBN 978-5-91256-053-8

В. И. БАЙДИН, В. Ю. ГРАЧЁВ
**«УКТУС, УКТУССКИЙ ЗАВОД
И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ В XVII-XVIII ВВ.»**

ISBN 978-5-91256-057-6

А. И. ЗАЙМОВ
**«ЛЕСНЫЕ ДАЧИ
УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ»**

ISBN 978-5-91256-096-5

Г. В. КОРОВИНА
**«УСТРОЙСТВО
ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОГО
ЗАВОДА XVIII ВЕКА
В НИЖНЕЙ СИНЯХИХЕ»**

ISBN 978-5-91256-054-5

1925